

В.А. Ивахов
Ж.Б. Крыласова

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЛЕСА И СТЕПИ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
в эпоху средневековья**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Уральское отделение
ИХСЖИШУИ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
Пермский филиал

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Пермского государственного педагогического университета

В.А. Ивахов
Ж.Б. Крыласова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕСА И СТЕПИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ в эпоху средневековья (по материалам костюма)

Пермь
2006

УДК 902 + 39

ББК Т4(2)+Т52(2)

И 201

**Иванов В.А., Крыласова Н.Б. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЛЕСА И СТЕПИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ в эпоху средневе-
ковья (по материалам костюма),— Пермь, 2006.— 162 с.: ил. 39. +
8 цв.вкл.**

Книга посвящена исследованию идеологических основ, межэтнических взаимоотношений, торговых контактов, воздействия моды, возникновения устойчивых этнокультурных стереотипов в отношении состава средневековых костюмных комплексов двух соседних, но совершенно разных миров – степняков-кочевников и оседлых жителей лесной полосы Предуралья. При исследованиях, кроме традиционных археологических методов, использован метод статистического анализа.

Издание рассчитано на научных работников: археологов, этнографов, историков.

Ил. 39 + 8 цв.вкл. Библиогр. 214 назв.

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор, директор ПФ ИИиА УрО РАН

А.М. Белавин

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. Башкирского государственного педагогического университета

Г.Т. Обыденнова;

кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник ИИМК РАН

О.А.Щеглова

УДК 902 + 39

ББК Т4(2)+Т52(2)

**Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории и археологии
Уральского отделения РАН**

*Книга издана при финансовой поддержке Департамента промышленности и
природопользования Пермской области*

Издание подготовлено в рамках технического задания НТП Рособразования РНП 2.2.3.1.7936 «Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья как центр образовательно-исследовательской деятельности вуза».

© Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006

© Белавин А.М., дизайн обложки, 2006

В литературе и мироощущениях археологов Урало-Поволжья давно утвердилось мнение о своеобразии взаимодействия степи и леса, когда за степью закреплена роль своеобразного культуртрегера для леса, проводника всего нового и прогрессивного в материальной и духовной культуре в силу своей мобильности, проницаемости и скорости движения. При этом считается, что все культурные новации из степи практически в неизменном виде перетекали в культуру лесного населения через своеобразную буферную зону лесостепи, где жили представители и тех и других народов. Лес, вроде бы, в свою очередь, давал степи свои культурные идеи, которые воспринимались там как нечто сакральное и использовались в культовой практике.

Наиболее показательной частью материальной культуры в плане взаимопроникновения идей считается костюм. Население леса, как принято считать, перенимало модные и популярные новинки у степняков, тиражировало их и, зачастую, слепо следовало в русле степной моды. Такой тезис, например, положен в основу хронологии ломоватовской культуры РД. Голдиной.

Однако, как показывает исследование, проведенное авторами представляемой книги, картина была иной, более сложной и ступенчатой. Новинки декора костюма из степи у лесных жителей меняли свой статус социального маркера на статус оберега, получали новое развитие, не зависящее от степной моды, их новое значение (вплоть до перемены пола потребителя) становилось понятным для всех финно-угорских соседей предуральских угров и Прикамье выступало транслятором новинок для всей лесной полосы от Оби до Скандинавии. При этом смысл деталей костюмного убранства у жителей степи и жителей леса никогда не совпадал. Даже в позднее время, когда основным транслятором степных новинок стало ремесло Волжской Болгарии, степняк и лесовик воспринимали один и тот же элемент с разной целью и смыслом. Обратного движения элементов декора из леса в степь практически не отмечается.

Лесовик и степняк, таким образом, имеют совершенно разное понимание мира и своего места в нем. Культурного взаимопонимания между ними в период средневековья нет.

Авторы подтверждают свои наблюдения и выводы применением метода математической статистики, что делает их аргументы еще более доказательными, а выводы еще более убедительными. Книга достаточно хорошо иллюстрирована. Считаю, что издание будет полезно не только археологам и историкам, но и новое знание для себя найдут в ней этнографы, музейные сотрудники, искусствоведы и все любители истории.

Надо отметить, что книга издана при финансовой поддержке Департамента промышленности природопользования Администрации Пермской области, которому поручено курирование вопросов фундаментальной науки в регионе. Это первый опыт издания специализированной археологической книги на средства областного бюджета.

Введение

Эпоха средневековья является ключевым периодом в истории Предуралья, именно в это время после бурных процессов, связанных с великим переселением народов, здесь начинает складываться ядро для формирования будущих коренных народностей Урала. Тогда начали зарождаться устойчивые этнические традиции, в том числе и основы традиционного национального костюма.

Комплексный анализ идеологических основ, межэтнических взаимоотношений, торговых контактов, воздействия моды способен выявить глубинные корни возникновения устойчивых стереотипов в отношении состава костюмных комплексов.

Мы попытались провести такой анализ на примере представителей двух совершенно разных миров — степняков-кочевников и оседлых жителей лесной полосы Предуралья, и проследить, как в условиях одинакового воздействия модных течений, схожих направлениях торгово-экономических и культурных контактов происходит становление настолько разного и специфичного убранства костюма.

Конечно, речь здесь не идет об одежде как основе любого костюма. Ее различие в данном случае предопределяется как разницей природно-географической среды, так и коренным отличием хозяйственно-культурного типа. Да

и специфика археологического материала не позволяет в достаточной мере судить об особенностях одежды. Объектом исследования является декор костюма, главным образом — его металлические составляющие.

ГЛАВА 1. Категории декоративно-прикладного искусства средневекового населения Прикамья и Приуралья

Археологическая специфика декоративно-прикладного искусства как категории культуры заключается, прежде всего, в том, что оно доходит до нас в крайне фрагментарном виде. В действительности, мы можем оперировать только теми артефактами, которые способны противостоять натиску времени - изделиями из металла и реже кости.

Ткачество, вышивка, аппликация, резьба по дереву - образцы этих жанров декоративно-прикладного искусства, несущие в себе наибольшую этнокультурную информацию, в руки исследователей попадают крайне редко. По сути дела, коллекция остатков тканей из высокогорных могильников Хасаут и Мошечая Балка или одежда из половецкого погребения на р.Чингул [Иерусалимская, 1992; Отрощенко, 1983. С.301 и сл.] - явления уникальные, тогда как в основном в средневековых комплексах Евразийских степей представлены довольно невыразительные фрагменты тканей (как правило, остатки матерчатых сумочек-чехлов для зеркал), художественной ценности не представляющие.

В абсолютном большинстве

случаев, обращаясь к предметам декоративно-прикладного искусства как к категории материальной культуры средневекового населения Прикамско-Приуральского региона, нам приходится иметь дело с изделиями из металла. То есть, с такой категорией культуры, производство которой требует особых технологических навыков и профессионализма. Иными словами, здесь приходится говорить уже о «профессиональной» области декоративного искусства, которая имеет свои тенденции и законы развития.

Среди этих тенденций одной из основных авторам представляется некая семантическая универсальность и надэтничность изделий декоративно-прикладного искусства, обусловленные характером материала и спецификой его обработки. Из данного тезиса следует, что с точки зрения этнической истории населения региона декоративно-прикладное искусство (в его доступной для исследователя части) едва ли обладает достаточным информационным потенциалом. Тогда как с точки зрения выяснения характера и направленности культурных связей, их воздействия на эстетику и мировоззрение степного и лесного населения, именно декоративный металл составляет основное информационное поле для исследователей.

Отдельные элементы декоративно-прикладного искусства являются постоянным предметом исследова-

дований со стороны археологов. Однако в археологических работах они рассматриваются, как правило, применительно к конкретным памятникам, в отрыве от общей массы этих предметов. Изучение всего комплекса предметов декоративно-прикладного искусства, окружавших кочевника и оседлого жителя Приуралья на протяжении всей его жизни, является предметом рассмотрения археологов впервые.

Следует отметить, что взгляд археологов на предметы искусства в значительной мере отличается от взгляда искусствоведов. Если искусствовед в первую очередь интересуется эстетическая ценность вещи, которая нередко может фигурировать в исследовании в отрыве от времени и места ее бытования, этнической принадлежности и прочее, то археолог во главу угла ставит её хронологию, место в материальной культуре древнего населения, этнические и культурные параллели, мировоззренческое значение. Поэтому искусствоведческий взгляд на предметы для археологии малоценен и практически не применим в науке.

Обращение к данной теме было обусловлено, в частности, тем, что многие исследователи, изучающие детали костюма и украшения, предоставленные в древностях оседлых племен Пермского Прикамья (ломоватовской и родановской археологических культурах), видят истоки большинства из них в предметах декоративно-прикладного

искусства, распространенных у степных племен эпохи средневековья. В связи с этим нам показалось интересным проследить дальнейшую судьбу украшений, сформировавшихся у населения лесной зоны Приуралья под влиянием степной культуры, и определить, являлось ли их использование аналогичным или существовали местные культурные традиции в использовании украшений в костюме. Ответить на этот вопрос может помочь проведение статистического анализа и сопоставление его результатов с результатами аналогичного анализа материалов средневековых кочевников Евразии.

Источниковую базу нашего исследования составляют материалы 3505 средневековых погребений, из которых 2720 (77,6%) – кочевнические, с территории Великого пояса Евразийских степей, и 785 (22,4%) – носителей лесных прикамских культур. Хронологически они делятся на пять периодов: харинский (IV–VI вв.); древнетюркский/ломоватовский/кушнаренковско-караякуповский* (VII–IX вв.); огузо-печенежский/рождественский** (X–XI вв.); половецко-кыпчакский/позднеродановский (XII–XIII вв.). Среди кочевнических

* Первое – дефиниция периодизации кочевнических древностей, второе – древностей лесного Прикамья.

** Рождественский этап в данном контексте выделен по материалам Рождественского могильника на р. Обва и ряду других памятников Н.Б. Крыласовой и А.М. Белавиным

древностей выделяется еще большая группа материалов, датированных второй половиной XIII-XIV вв. (т.н. кыпчакский золотоордынский период), который на материалах лесного Прикамья пока еще отчетливо не прослеживается.

В количественном отношении выделенные хронологические периоды представлены неравномерно: к харинскому периоду относятся 54 погребения (1,5% всех рассматриваемых комплексов); к древнетюркскому/ломоватовскому/кушнаренковско-караякуповскому – 653 погребения (18,6%), из которых 180 – кочевнические и 473 – лесные прикамские и приуральские (5,1% и 13,5% соответственно); к огузо-печенежскому/рождественскому периоду относятся 705 погребений (526 степных (15,0%) и 179 (5,1%) – лесных). Выборка погребений XII-XIV вв. самая представительная – 1268 комплексов (36,2%). Но из них с территории лесного Прикамья происходят только 79 погребений (2,2%). Кочевнические же погребения, как уже было сказано, разделяются на половецко-кыпчакский (367 или 10,4% погребений) и кыпчакский-золотоордынский (822 или 23,4% погребений).

Территориально средневековые кочевнические комплексы разбросаны очень широко - по всей степной Евразии, от Алтая до Карпат, но в силу специфики археологической изученности различных

регионов степной Евразии локализация территориально-хронологических комплексов обнаруживает тенденцию, обусловленную основными этапами этнокультурной истории средневековых кочевников Евразии. Основная масса комплексов древнетюркского времени (85,0%) сосредоточена в степях к востоку от р.Урал и Южноуральского хребта; комплексы огузо-печенежского периода, напротив, в абсолютном своем большинстве (почти 97%) располагаются к западу от указанной территории, имея степи Южного Приуралья в качестве своей восточной периферии. Аналогичным образом локализуются комплексы половецко-кыпчакского периода, из которых большинство (58%) располагаются западнее Дона, на территории современной Украины, тогда как комплексы кыпчакского-золотоордынского периода в большинстве своем выявлены в степях Волго-Уральского региона (в общей сложности — 56,2%) и Волго-Донского междуречья, включая и Северный Кавказ (11,3%).

Данные статистические выкладки интересны в том плане, что дают возможность проследить время и направления наиболее вероятных культурных контактов средневекового населения лесного Прикамья, памятники которого расположены достаточно компактно в верховьях р.Камы, от ее истоков (Аверинский, Щукинский могильники) до устья р.Чусовой (могильники Антыбарский, Теля-

Признак	VII-IX вв.			X-XI вв.		XII-XIII вв.		XIII-XIV вв.
	Лом оват.	Кушнар снков.	Тюрк и	Рождест в.	Печенег и	Роданов о	Половц ы	Кыпча ки
Поясные наборы целиком	16,16	9,8	7,8	4,46	6,3	1,25	2,2	1,7
Пряжки, накладки	17,36	9,2	15,2	11,17	2,2	8,86	-	0,36
Поясные накладки	15,56	59,8	6,2	34,07	10,2	35,44	1,9	1,1
Пряжки, наконечники ремня	3,29		-	1,67	-	-	-	-
Пряжки	17,36	32,0	12,3	5	12,7	18,98	11,7	7,9
Привески с накладками	6,8	5,0	-	37,9	-	18,75	-	-
Привески с пронизками	53,3	-	-	58	-	28,75	-	-
В том числе:								
Зооморфные пронизки	2,7	2,1	-	0,5	-	1,25	-	-
Ложка	0,8	2,1	-	0,5	-	0	-	-
Флаконовидн. пронизки	0,8	2,1	-	2,2	-	0	-	-
Планчатая подвеска	3,6	4,3	-	-	-	0	-	-
Подвеска-коробочка	2,9	-	-	-	-	0	-	-
Сумочка	0,8	-	-	7,8	0,8	2,5	0,25	4,7
Перстни	20	14,4	1,1	12,3	4,5	25	1,9	1,9
Браслеты	21,5	26,0	1,1	11,7	3,0	0	2,2	1,3
Серьги, вис. подвески	43,11	27,7	16,8	35,2	9,9	7,5	14,7	17,6
Накосники	19	16,3	-	37,4	-	2,5	-	-
В том числе:								
коньковые	6,88	6,4	-	2,23	-	0	-	-
арочные	7,5	7,2	-	0,5	-	1,25	-	-
Трапезиевидн.	7,5	7,9	-	-	-	-	-	-
умбоновидные	3,3	-	-	-	-	1,25	-	-
колесовидные	6,3	4,3	-	-	-	-	-	-
шаровидные	-	-	-	27,3	-	-	-	-
копоушка	1,5	-	-	-	6,1	-	-	-
Гривна, цепь	1,19	-	-	-	-	-	3,8	-
Ожерелья из бус	44	9,3	-	34	8,1	47,5	11,3	14,2
Монеты	12,8	16,3	-	17,3	1,0	15	2,0	есть
Обувь (пряжки, нак. ремня)	0,3	3,5	-	-	есть	-	-	-
Гол.убор (пряжки, нак. ремня, пронизки, бусы)	6,2	-	-	-	-	-	3,8	8,9
Зеркало	-	-	6,7	-	1,5	-	4,6	22,0
Всего погребений:	334	139	178	179	526	79	376	822

Таблица 1.

Ассортимент предметов убранства костюма у средневековых кочевников Евразийских степей и населения лесного Прикамья VI-XIV вв. (в %)

чий Брод), с кочевыми племенами Евразийских степей.

Суммарно ассортимент предметов, составлявших убранство костюма средневековых кочевников Евразийских степей и оседлых земледельческо-охотничьих племен лесного Прикамья, представлен в таблице 1.

Из приведенной таблицы следует, что, при всем на первый взгляд очевидном различии, в убранстве костюма средневекового населения рассматриваемой территории присутствуют категории универсального характера. Прежде всего, это пояса и их гарнитура, кожаные сумки, перстни, браслеты, серьги-подвески и ожерелья из стеклянных бусин.

Исходя из имеющихся выборок и применяя показатель степени вероятности 0,9 - 0,95 [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С. 61-65], мы вполне определенно можем сказать, что для древнетюркских комплексов характерен набор украшений, включающий в себя поясную гарнитуру в различных её сочетаниях (от полных поясных наборов - 7,8% всех рассматриваемых погребений указанного периода, до единичных пряжек - 12,3%); серьги-подвески (16,8%); бронзовые зеркала и украшения узды (по 6,7% погребений). В огузо-печенежское время этот набор дополняется перстнями, браслетами и костяными колчанскими накладками (в древнетюркское время они тоже встречаются, но в таком количестве,

которое не позволяет считать этот признак представительным для имеющейся выборки древнетюркских комплексов), а в половецко-кыпчакское - деталями сложных головных уборов.

Костюмный убор приуральских угров - носителей кушнаренковско-караякуповской культуры - выглядит уже несколько сложнее. В нем также присутствует поясная гарнитура в различных сочетаниях (целые поясные наборы 19,0%; одни пряжки 32,0%); серьги-подвески (27,7%), браслеты (26,0%), перстни (14,4%). Отличительной особенностью угорского костюма являются металлические наконечники из коньковых и арочных подвесок с цепочками (16,3%), ожерелья из стеклянных разноцветных бусин (16,3%), дополненные серебряными привесками-медальонами листовидной формы (9,3%).

Что касается костюма населения лесного Прикамья, то здесь можно утверждать, что для костюмных комплексов харинского этапа характерен набор украшений, включающий в себя поясную гарнитуру в различных её сочетаниях (от полных поясных наборов - 18,5% всех рассматриваемых погребений указанного периода - до накладок без пряжек и наконечников ремня - 5,55%); характерные для средневекового костюма Пермского Предуралья поясные привески в виде низок из металлических пронизок и бус (12,9 %), причем в 3,7 % случаев в состав низок входили зооморфные пронизки - коньки и мед-

веди; поясные подвески-коробочки (1,8%); нож на поясе (72,2%); серьги-подвески (22,2%); браслеты (16,6% погребений) и перстни (1,8%), ожерелья из бус (48%, в том числе с монетами и монетовидными подвесками 3,7%); гривны и шейные цепи (12,9%); наконечники (22,2%, в том числе коньковые пронизки 14,8%, арочные подвески 3,7%); детали обуви - пряжки, наконечники ремня (18,5%), детали головных уборов - пряжки, наконечники ремней, пронизки (5,5%).

В ломоватовское время этот набор в целом сохраняется, однако значительно возрастает количество использования привесок в виде низок (53,3%, в том числе с зооморфными пронизками 2,7%); появляются поясные привески в виде узких ремешков с накладками (6,8%); возникает большое количество новых видов поясных подвесок-амулетов - ложки (0,8%), флаконовидные пронизки-игольники (0,8%), планчатые подвески (3,6%) и пр., продолжают использоваться подвески-коробочки (2,9%); в состав поясного снаряжения кроме ножей (65,26%) вошли кресала (10%) и сумочки (0,8%); значительно возросло использование височных подвесок (43,11%), браслетов (21,5%) и перстней (20%); в составе ожерелий (44%) значительно чаще стали использоваться монеты (12,8%); сократилось использование гривен (1,19%); изменился состав наконечников (19%) - вместо коньковых

пронизок получили распространение шумящие биконьковые подвески (6,88%), более широко стали применяться арочные шумящие подвески (7,5%), появились трапецевидные (7,5%), умбоновидные (3,3%), колесовидные (6,3%) подвески, гребни (2,7%), копоушки (1,5%) и разнообразные иные амулеты.

В X-XI вв. на рождественском этапе в составе поясных наборов чаще стали использоваться привески-низки (58%) и привески-ремешки (37,9%); сокращается использование поясных подвесок-амулетов, из которых сохраняются только ложки (0,5%) и флаконовидные пронизки-игольники (2,2%); реже на поясе встречаются ножи (27,3%), но возрастает количество кресал (21,7%), среди которых довольно распространены кресала-амулеты с бронзовой зооморфной рукоятью, и поясных сумочек (7,8%); в ожерельях (34%) кроме бус и монетовидных подвесок (17,3%) стали широко использоваться полые шаровидные привески (27,3%); в составе наконечников (37,4%) из традиционных подвесок сохраняются коньковые (2,23%) и арочные (0,5%), характерным становится использование в наконечниках полых шаровидных привесок (27,3%), низок из бронзовых бус, цепочек; исчезают такие детали обуви и головных уборов, как пряжки и наконечники ремней.

На позднеродановском этапе XII-XIV вв. состав поясных набо-

ров в целом остался без изменений, лишь полностью вышли из употребления пояса, состоящие из пряжки и наконечника ремня, и поясные подвески-амулеты; прекратилось использование браслетов при общем увеличении количества перстней (25%); полые шаровидные привески, применявшиеся в составе ожерелий и накосников, вышли из употребления, на смену им пришли многочисленные колокольчики и бубенчики; накосники встречаются редко (2,5%), среди них сохраняются арочные (1,25%) и умбоновидные (1,25%).

Рассматриваемый материал представлен четырьмя хронологическими и девятью этнокультурными выборками, поэтому для нас не менее важной задачей является выявить общие и особенные черты каждой выборки. Для этого обратимся к таблицам, содержащим данные по тенденции того или иного признака. В статистических исследованиях «тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения... При нормальном распределении признака тенденция стремится к единице. Это значит, что количественный показатель признака близок к среднеарифметическому - норме распределения - или, другими словами, распределение признака во всех выборках будет примерно одинаковым... тенденция признака позволяет оценить встречаемость

признака в выборке по отношению ко всему массиву: пониженную - при показателях менее 1,0, нормальную - в пределах 1,0, повышенную - более 1,0» [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С. 85-87].

Аналитический смысл выявления тенденции признака заключается в том, чтобы провести их группировку и дифференциацию на всеобщие, локальные и частные. По определению В.Ф.Генинга и его соавторов, *всеобщие - признаки, примерно в равной степени характерные для всех сравниваемых выборок*; локальные - характерные лишь для части сравниваемых выборок, «чистые локальные признаки фиксируют примерно равномерную встречаемость признака в нескольких выборках и полностью исключают его присутствие в остальных. *Локальные по тенденции фиксируют повышенную встречаемость признака в ряде выборок, что не исключает их присутствия в остальных, в которых, однако, тенденция понижена*» [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С. 89] (выделено нами — авт.) и частные - характерны для какой-то одной выборки, «по аналогии с локальными здесь также предлагается различать «чистые» частные признаки и частные признаки по тенденции. *Первые присутствуют лишь в одной выборке, поэтому всегда имеют здесь чрезвычайно высокую тенденцию и полностью отсутствуют в других; частные признаки по тенден-*

ции лишь значительно преобладают в одной выборке, но в незначительном количестве могут присутствовать и в других» [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С. 90] (выделено нами - авт.).

Поскольку в нашем случае мы имеем дело с хронологически последовательными выборками, для нас результаты подобного анали-

касается локальных признаков, то все они, будучи «локальными по тенденции», распадаются на две группы, условно нами названными «ранними» и «поздними». К первой относятся поясные наборы в полном комплексе и отдельные поясные накладки в погребениях, имеющие повышенную тенденцию встречаемости в комплексах древнетюркского и

Содержание признака	Тенденция			
	Тюрки	Огузо/печен	Половцы	Кыпчаки
Поясные наборы целиком	1,7	1,4	0,48	0,37
Пряжки, накладки	3,4	0,47	-	0,08
Поясные накладки	1,3	2,1	0,39	0,23
Пряжки	1,1	1,1	1,05	0,7
Перстни	0,48	2,0	0,86	0,86
Браслеты	0,57	1,6	1,1	0,68
Серьги, подвески	1,1	0,67	1,0	1,2
Копоушки	-	4,0	-	-
Зеркала	0,77	0,17	0,52	2,5
Головной убор /бонка	-	-	1,2	2,8

Таблица 2.

Показатели тенденции признаков убранства костюма средневековых кочевников Евразии

*жирными цифрами выделены значения признаков локальных, жирными с серой заливкой - частных

за важны тем, что они позволяют установить степень этнокультурной преемственности как степного, так и лесного населения в области ассортимента предметов костюмного убранства.

По имеющимся результатам, приведенным в табл.2, можно с высокой степенью достоверности утверждать, что всеобщих признаков, объединяющих комплексы средневековых кочевников евразийских степей, среди категорий предметов декоративно-прикладного искусства мы не имеем. Что

огузо-печенежского периодов; ко второй - детали головных уборов, представленные в половецко-кыпчакских (домонгольских) и кыпчакских-золотоордынских комплексах. Что касается частных признаков, то в сравниваемых выборках они представлены достаточно четко: к «чисто частным» признакам можно отнести птицевидные подвески, копоушки, характерные только для комплексов огузо-печенежского периода; к «частным по тенденции» - пряжки в сочетании с несколькими поясными на-

Содержание признака	Тенденция признака				
	Харино	Кушнареново	Ломоватово	Рождественск	Роданово
Поясные наборы целиком	0,54	1,5	2,95	0,43	0,05
Пряжки + накладки	0,53	1,3	2,36	0,81	0,28
Пряжки + наконечник ремня	1,66		1,83	0,5	-
Накладки	0,08	1,5	1,44	1,69	0,77
Пряжки	0,55	1,3	2,42	0,38	0,63
Поясные привески с накладками	-		1,13	2,34	0,51
Привески-низки	0,05		1,8	1,67	0,47
Зооморфные пронизки на поясе	0,57		2,57	0,57	0,28
Флаконовидная пронизка на поясе	-		1,71	2,28	-
Перстни	0,03		2,43	0,8	0,72
Браслеты	0,35	1,5	2,82	0,82	-
Серьги, подвески	0,16	1,0	2,7	0,93	0,19
Гривна, цепь	2,54	-	1,45	-	-
Ожерелья, нагрудники	0,33		1,94	1,26	0,45
Монеты в ожерелье	0,1		2,28	1,61	-
Накосники	0,32	2,7	1,64	1,97	0,05
Коньковые подвески	0,91		2,62	0,45	-
Арочные подвески	0,29		3,55	0,14	0,14
Копеушки	-	-	4,0	-	-
Обувь	3,63		0,36	-	-
Головной убор	0,5		3,5	-	-

Таблица 3.

Показатели тенденции признаков убранства костюма средневекового населения лесного Прикамья и Приуралья

**жирными цифрами выделены значения признаков локальных, жирными с серой заливкой - частных*

кладками (для древнетюркских комплексов), перстни (для огузо-печенежского времени), зеркала, детали головных уборов (для комплексов кыпчакского-золотоордынского времени) (табл.2).

Аналогичным образом всеобщих признаков, объединяющих комплексы средневекового погребального инвентаря могильников Пермского Предуралья, мы также не имеем (табл.3).

Что касается локальных признаков, то они, будучи «локальными

по тенденции», распадаются на две группы. К первой группе относятся пояса, имеющие в составе пряжку и наконечник ремня, и шейные гривны, имеющие повышенную тенденцию встречаемости в комплексах харинского и ломоватовского периодов.

Ко второй группе относятся пояса, в наборе которых присутствуют только накладки, поясные привески-ремешки и привески-низки, флаконовидные пронизки-игольники в составе поясных ук-

рашений, височные подвески и серьги, ожерелья и нагрудники, в том числе с монетами в их составе, и накосники, представленные в комплексах ломоватовского и рождественского периодов.

Частные признаки в сравниваемых выборках выделяются достаточно четко. К «чисто частным» признакам относятся копоушки, характерные только для комплексов ломоватовского периода. Интересно, что у кочевников в аналогичный хронологический период копоушки также являются частным признаком. К «частным по тенденции» признакам относятся обувные пряжки и наконечники, характерные для харинского времени; поясные наборы целиком, пряжки с накладками и отдельные пряжки, зооморфные пронизки на поясе, нож в составе дополнительных элементов поясного снаряжения, браслеты и перстни, коньковые и арочные подвески в составе накосников, детали головных уборов, характерные для ломоватовского периода; для рождественского периода частным по тенденции признаком является наличие кресала в снаряжении пояса.

Таким образом, первая группа, объединенная локальными признаками, демонстрирует главным образом хронологические особенности костюма, возможно, влияние общеевропейской моды, вторая же группа явно отражает наиболее характерные черты местного средневекового костюма, сформировавшиеся в течение ломоватовско-

го периода, во время которого наблюдается большое количество частных по тенденции признаков, что свидетельствует о бытовании именно в этот период наиболее типичного прикамского средневекового костюма.

На рождественском этапе многие признаки продолжают сохранять повышенную тенденцию, однако одновременно наблюдается процесс замены отдельных традиционных местных категорий декоративно-прикладного искусства на продукцию массового ремесленного производства.

Поскольку одним из основных вопросов нашего исследования является вопрос о культурных связях лесного прикамского и степного населения эпохи средневековья, ниже мы приводим таблицу тенденции признаков убранства костюма рассматриваемых племен.

Данные этой таблицы показывают динамику развития костюмного декора прежде всего во времени. Хотя они же наводят на определенные мысли и относительно культурного взаимодействия оседлых и кочевых племен региона.

Полученные данные наглядно демонстрируют динамику использования в средневековом костюме предметов декоративно-прикладного искусства и позволяют произвести сравнение с аналогичными данными по костюму средневековых кочевников.

Наборные пояса (как целиком, так и в частичных наборах) до-

	Признак	Тенденция признака							
		VII-IX вв.			X-XI вв.		XII-XIII вв.		XIII-XIV вв.
		Ломов ат.	Кушна ренк.	Тюрки	Рожд.	Печен еги	Родан.	Полов.	Кыпча ки
1	Поясные наборы целиком	3,0	1,5	1,4	0,82	1,16	0,23	0,40	0,3
2	Пряжки+накладки	2,2	1,3	1,9	1,4	0,28	1,1	-	0,04
3	Накладки	1,0	1,5	0,4	2,28	0,68	2,37	0,12	0,07
4	Пряжки	1,4	1,3	1,0	0,4	1,0	1,5	0,95	0,6
5	Перстни	2,1		0,1	1,3	0,47	2,6	0,2	0,2
6	Браслеты	3,7	1,5	0,18	2,0	0,5	-	0,37	0,22
7	Серьги, подвески	2,09	1,0	0,8	1,7	0,48	0,36	0,7	0,85
8	Гривна, цепь	1,0		-	-	-	-	3,4	-
9	Ожерелье из бус	1,9		-	1,5	0,35	2,0	0,49	0,6
10	Копчушки	1,5		-	-	6,1	-	-	-
11	Сумки	0,3		-	3,35	0,3	1,0	0,1	1,95
13	Головной убор	2,3		-	-	-	-	1,4	3,3

Таблица 4.

Значения тенденции признаков убранства костюма лесных прикамских и кочевых степных племен эпохи средневековья

вольно широко были распространены на харинском этапе (особенно в составе пряжки и наконечника ремня), имели повышенную тенденцию распространения в ломоватовское время, продолжали бытовать на рождественском этапе, но в позднеродановский период значительно сокращается количество полных поясных наборов, отсутствуют наборы из пряжки и наконечника ремня, массово продолжают встречаться пояса либо только с пряжками, либо только с накладками. Поясные привески-низки появились на харинском этапе, но широкое распространение получили, начиная с ломоватовского периода, когда возникли еще и привески-ремешки. Можно утверждать, что наличие большого количества поясных привесок как в женских, так и в мужских поясах является характерной чертой при-

камского костюма с VII по XIV вв. Таким образом, если сравнивать тенденцию использования наборных поясов в среде кочевников и у населения Пермского Предуралья, можно отметить, что пик моды на них и у тех и у других приходится на VII-X вв. Позднее у кочевников такие пояса встречаются уже довольно редко, а у населения Пермского Предуралья их продолжали носить до XIV в.

Перстни и браслеты хотя и встречаются на всех хронологических этапах и у всех рассматриваемых племен, но более характерны для лесного прикамского населения, по сравнению с которым использование этих категорий украшений кочевниками в их убранстве выглядит явно заниженным. Причем в Прикамье браслеты наиболее характерны для комплексов ломоватовского и рождественско-

го периодов, на харинском этапе они использовались реже, а на позднеродановском этапе практически не встречаются.

Серьги-подвески хотя и присутствуют во всех рассматриваемых хронологических и этнокультурных группах, но, начиная с родановского периода в Прикамье, они имеют пониженную тенденцию распространения, в то время как у половцев домонгольского периода, а затем и у кыпчаков-ордынцев, они имели повышенную тенденцию распространения.

Совершенно оригинально на общем фоне выглядят **гривны**, обнаруженные только в харинских и половецких-домонгольских комплексах. Причем в последних они имеют чрезвычайно повышенную тенденцию распространения, т.е. встречаются в три раза чаще, чем у лесных племен.

Разного рода **подвески, копоушки и пр. украшения**, которые входили главным образом в состав нагосников или элементов пояса, являются отличительной чертой комплекса декоративно-прикладного искусства ломоватовского периода, позднее они приобретают новое художественное решение, используются более ограниченно и нередко в новом качестве (например как нагрудные украшения). Интересно, что у кочевников птицевидные подвески и копоушки были распространены примерно в то же время.

Кожаные сумки, украшенные иногда металлическими бляшками

и застежками, у прикамских племен бытуют уже с X в., а у кочевников-степняков широко распространяются только в эпоху Золотой Орды.

Детали обуви (пряжки и наконечники ремней) характерны для харинского этапа, в начале ломоватовского периода они еще иногда встречались, а позже вышли из употребления. Зато у кочевников огузо-печенежского периода (X-XI вв.) широкое распространение получает обувь, украшенная металлическими бляшками.

Детали головных уборов (пряжки, накладки, бусы) в Прикамье встречаются только на харинском и ломоватовском этапах, в ломоватовское время за счет широкого использования для украшения бус и пронизок головные уборы получили повышенную тенденцию распространения. У кочевников же усложненные головные уборы (бока) получают распространение только после XII в.

Таким образом, как это следует из данных, приведенных в табл.1, ассортимент предметов убранства костюма средневековых кочевников, так же как и населения лесного Прикамья, в принципе унифицирован (здесь, конечно, сыграла свою роль и специфика археологического материала), и культурно-хронологические различия проявляются в основном в удельном весе тех или иных предметов в общем комплексе материальной культуры рассматриваемых групп.

Вместе с тем очевидно, что

большинство представленных в погребальных комплексах типов являются элементами костюма, который, как известно, имеет четкую половозрастную и социальную градацию. Следовательно, сами по себе предметы костюмного декора, взятые в отдельности, могут выступать только как артефакты, но рассмотренные в комплексе они уже могут фигурировать как социальный или этнокультурный признак. Иными словами, необходимо установить степень связи между артефактами внутри рассматриваемых культурно-хронологических выборок. Методика выявления такой связи давно разработана и успешно применяется в археологии [Федоров-Давыдов, 1987. С.91-99].

По результатам проведенного анализа мы получаем несколько комплексов связанных между собой признаков (КСП), разбросанных по рассматриваемым культурно-хронологическим группам памятников и свидетельствующих о том, что сочетание тех или иных артефактов не случайно (согласно использованной методике, при подобных расчетах вероятность ошибки составляет 0,05), но обусловлено какими-то этносоциальными и хронологическими факторами. Хронологический аспект в данном случае мы рассматривать не будем, поскольку он очевиден: анализируемые КСП имеют свою протяженность во времени. Для нас важнее установить социально-культурный смысл этих КСП. Сде-

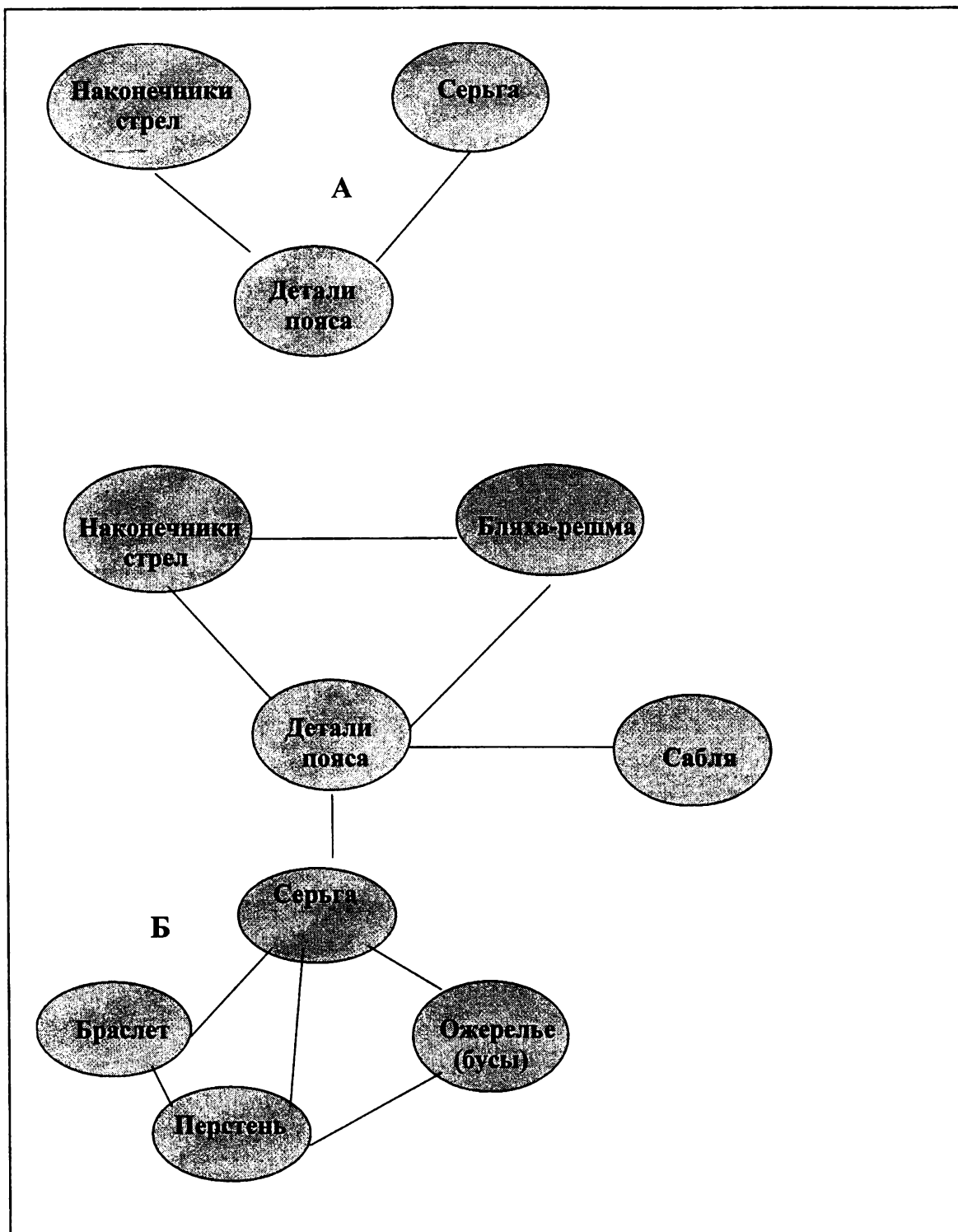
лать это не представляло бы труда при наличии результатов краниологического анализа костных остатков из погребений рассматриваемых групп населения. Но поскольку наши возможности в этом плане крайне ограничены, мы будем оперировать традиционными признаками и понятиями: оружие - признак мужской, украшения - женский.

КСП древних тюрок составляют железные наконечники стрел, наборные пояса (в виде целых комплексов или их частей) и серьги-подвески (рис.1,А);

КСП огузо-печенегов - железные наконечники стрел, украшения конского оголовья (решма) и сабля, объединенные тесной условной связью с полными наборами или деталями поясной гарнитуры; браслеты, перстни, ожерелья и серьги-подвески, обнаруживающие между собой перекрестную связь, причем серьги здесь уже выступают в качестве связующего звена между комплексом женских украшений и поясными наборами (рис.1 Б);

КСП половцев домонгольского периода - железные наконечники стрел и украшения конской сбруи; серьги-подвески, ожерелья, зеркала и детали головного убора, обнаруживающие перекрестную связь между собой (рис.1,В);

КСП кыпчаков золотоордынского периода - ожерелья, серьги-подвески и бронзовые зеркала, связанные между собой через детали головного убора - бокку

(рис.1,Г).

Приведенные данные показывают, что из всех археологически фиксируемых деталей убранства костюма только поясная гарнитура может бесспорно считаться мужским признаком, поскольку и

у древних тюрков, и у кочевников огузо-печенежского периода она устойчиво сочетается с оружием. Правда, в древнетюркском обществе таковыми, вероятно, являлись и серьги-подвески, которые у всех кочевников последующих перио-

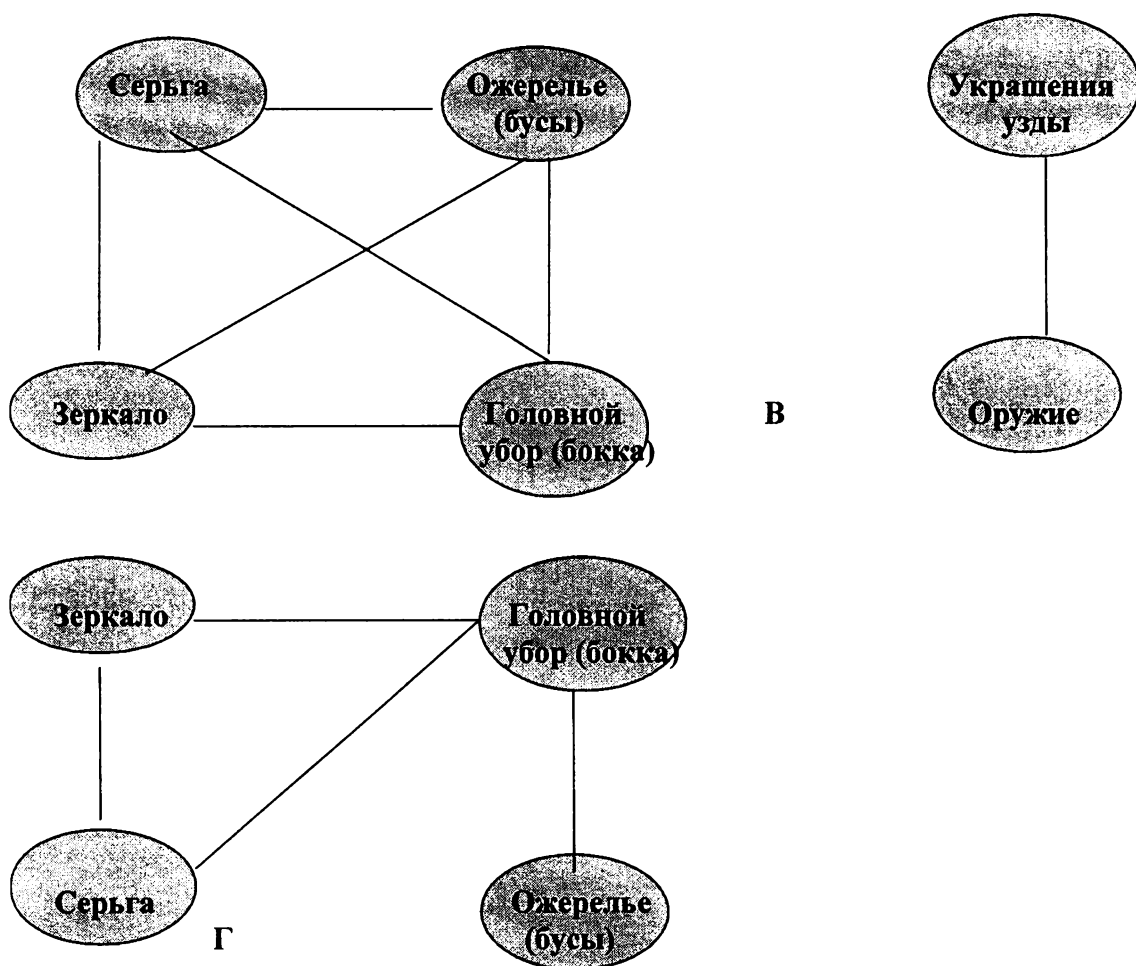

Рисунок 1. Графы КСП предметов декоративно-прикладного искусства средневековых кочевников:
 А - древние тюрки; Б - кочевники огузо-печенежского периода; В - половцы домонгольского периода; Г - кыпчаки эпохи Золотой Орды

дов устойчиво сочетаются с женскими украшениями.

Впрочем, сочетание серьги-подвески + оружие имеет место и в кочевнических погребальных комплексах последующих периодов, правда, с устойчивой тенденцией

к снижению удельного веса этих сочетаний в общем культурном комплексе: у кочевников огузо-печенежского периода 50% всех погребений с серьгами содержат какие-либо предметы вооружения - наконечники стрел, либо саблю,

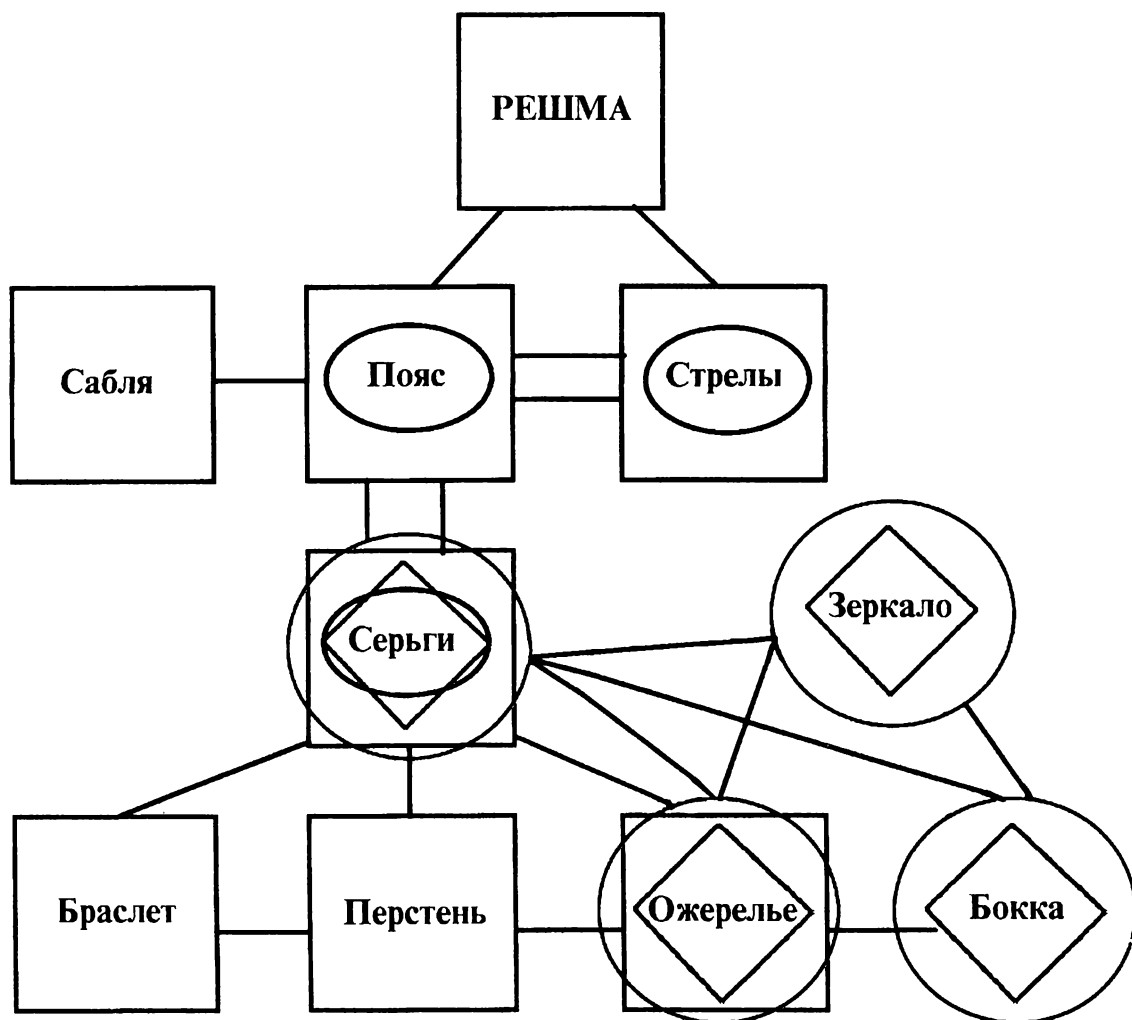

Рисунок 2. Сравнительный граф КСП предметов костюмного декора средневековых кочевников

Условные обозначения:

- — древние тюрки;
- — кочевники огузо-печенежского периода;
- — половцы XII-XIII вв.;
- — кыпчаки золотоордынского времени.

либо детали колчанов; у домонгольских половцев такое сочетание прослеживается в 28% всех погребений с серьгами; у кыпчаков Золотой Орды - 19% погребений с серьгами. То есть, серьга как деталь мужского убранства вооб-

ще характерна для средневековых кочевников Евразийских степей, но, по-видимому, только у древних тюрков серьги обладали социально-знаковой функцией.

Таким образом, если мы представим костюм древнетюркского

мужчины-воина, то в его убранстве с высокой степенью вероятности должны присутствовать, кроме колчана со стрелами, пояс с металлическими бляшками и серьга, что вполне согласуется с иконографией древнетюркских каменных изваяний [Кубарев, 1984. Гл.2]. То же самое должно наблюдаться и у кочевников огузо-печенежского периода, у которых вместе с тем уже вырисовывается и типичный набор женского убранства: браслеты, перстни, ожерелья из бусин и серьги-подвески. У половцев домонгольского периода мужской костюм не обнаруживает выраженного сочетания признаков, зато этим отличается их женский костюм, обязательными элементами которого, кроме серег-подвесок и ожерелий, становятся металлические зеркала и головные уборы типа бокка. Именно этот набор элементов убранства костюма отражен в половецких каменных изваяниях XII- нач. XIII вв. [Плетнева, 1974. С.38-52].

В таком виде, судя по данным, приведенным выше, половецкий женский костюм продолжает бытовать и у кыпчаков периода Золотой Орды.

Совместив графы КСП предметов декоративно-прикладного искусства средневековых кочевников, мы получаем любопытную, с точки зрения этнокультурных связей рассматриваемых групп, картину.

Для древних тюрков и кочевников огузо-печенежского времени

сочетания поясной гарнитуры, серьги и наконечников стрел являются общими; для кочевников огузо-печенежского времени и половцев домонгольского периода общими являются только сочетания серьги с ожерельем; зато для половцев домонгольского периода и кыпчаков эпохи Золотой Орды общими являются сочетания серьги, зеркала и головного убора (бокки) и бокки и ожерелья (рис.2).

Таким образом, серьга-подвеска - единственный элемент, присутствующий в убранстве кочевнического костюма на всем протяжении эпохи средневековья. Хроно-культурная типология данной категории украшений показывает, что в древнетюркских погребальных комплексах в основном встречаются серьги трех типов: 1 - в виде простого несомкнутого гладкого кольца; 2 - в виде гладкого кольца с цельнолитым шариком-привеской или привеской каплевидной формы; 3 - в виде несомкнутого кольца с выступом и цельнолитым стерженьком-привеской, заканчивающимся литым или полым шариком (рис.3). Довольно частая находка в погребальных комплексах (см. табл.1), эти же типы серег изображены на мужских древнетюркских каменных изваяниях [Евтюхова, 1952. С. 106; Кубарев, 1984. С.29].

Серьги огузо-печенежских комплексов - гладкие несомкнутые кольца, чаще всего из бронзы, серебра, очень редко - из золота (мо-

Рисунок 3. Серьги и подвески средневековых кочевников

гильник у Саркела - Белой Вежи, кург.56) [Плетнева, 1990. С.29, рис.10/1]. Как вариант известна серьга с шариком на конце (Петродолинское, кург.3, погр.5). В двух приуральских погребениях (Атпа и Яман) найдены серьги с грузиком-утолщением в нижней части и выступом-шариком на дужке (рис.3:10). В отдельных печенежских погребениях (Саркел, кург.37 [Плетнева, 1990. С.29, рис.12/2], Флоринское, Коминтерн) найдены золотые серьги в виде

кольца с дутой бусиной-утолщением, украшенной сканью (рис.3:6,7).

Половецкие серьги XII-начала XIII вв. в основном те же гладкие несомкнутые кольца, но среди них выделяется группа серег в виде несомкнутых гладких же колец с напускной бусиной или биконической дутой нанизкой. Серьги этого типа представлены как в погребальных комплексах (Краснополка, кург.271; Зеленки, кург.365 [Плетнева, 1973. С.36,37]; Флоринское; Филатовка, к.9; Вла-

димировский [Дорофеев, 1981/19.]; Грушевский, кург.5 [Клейн, 1970. Р-1]; Нижняя Козинка и др.), так и на половецких каменных изваяниях [Плетнева, 1974. С.44]. Оригинальной представляется серьга-подвеска в виде несомкнутого кольца с напускной нанизкой, украшенной коническими выступами (Зеленки, кург.297) (рис. 3:8).

У кыпчаков периода Золотой Орды серьги в виде простого несомкнутого кольца тоже присутствуют. Правда, в указанное время данный тип серег уже не доминирует, уступая место широко известным и характерным для XIII-XIV вв. серьгам в виде знака «?» с длинным стержнем, обвитым тончайшей проволокой и бусиной на конце (рис.3:13-15). Иногда среди них встречаются экземпляры из золота и с двузвеньевым стержнем (Лебедевка VIII, к.3; Ишкулово II, к.4).

Декоративная простота серег и их присутствие в воинских комплексах свидетельствуют о том, что в культуре средневековых кочевников данная категория декоративно-прикладного искусства являлась не столько украшением, сколько элементом знаковой системы, указывающим на социальный статус владельца (подобно тому, как это было в казачьей среде, где серьга в мужском ухе указывала на место казака в родовой системе казачьего сообщества: один сын у родителей, последний мужчина в роде и т.д.).

Другим подобным элементом

материальной культуры средневековых кочевников, безусловно, является поясная гарнитура, элементы которой (полные наборы или пряжки и накладки) в совокупности занимают видное место в погребальных комплексах древних тюрок и кочевников огузо-печенежского периода (соответственно 29,2% и 18,6%) (табл.1). Первое, что бросается в глаза, это отсутствие какого-либо эстетического стандарта в декоре поясной гарнитуры указанных культурно-хронологических групп. В.Н.Добжанский, детально рассматривая наборные пояса азиатских кочевников древнетюркского периода, для раннего этапа их истории (VI-VII вв.) выделяет пояса с т.н. «геральдической» гарнитурой, пояса, украшенные бляхами в виде цветка, и пояса с круглыми бляхами. Причем, поскольку для указанного периода находки наборных поясов - вообще большая редкость (по данным В.Н.Добжанского, наборных поясов периода Первого тюркского каганата известно только пять), каждый из этих поясов представлен в одном экземпляре [Добжанский, 1990. С.30 и сл.] (рис.4:1-3).

На рубеже VII-VIII вв. (начало Второго тюркского каганата), по мнению названного исследователя, происходит смена типов и орнаментации древнетюркских поясных украшений в сторону их стандартизации. Для VII-IX вв. В.Н.Добжанский выделяет три типа древнетюркских поясов: I -

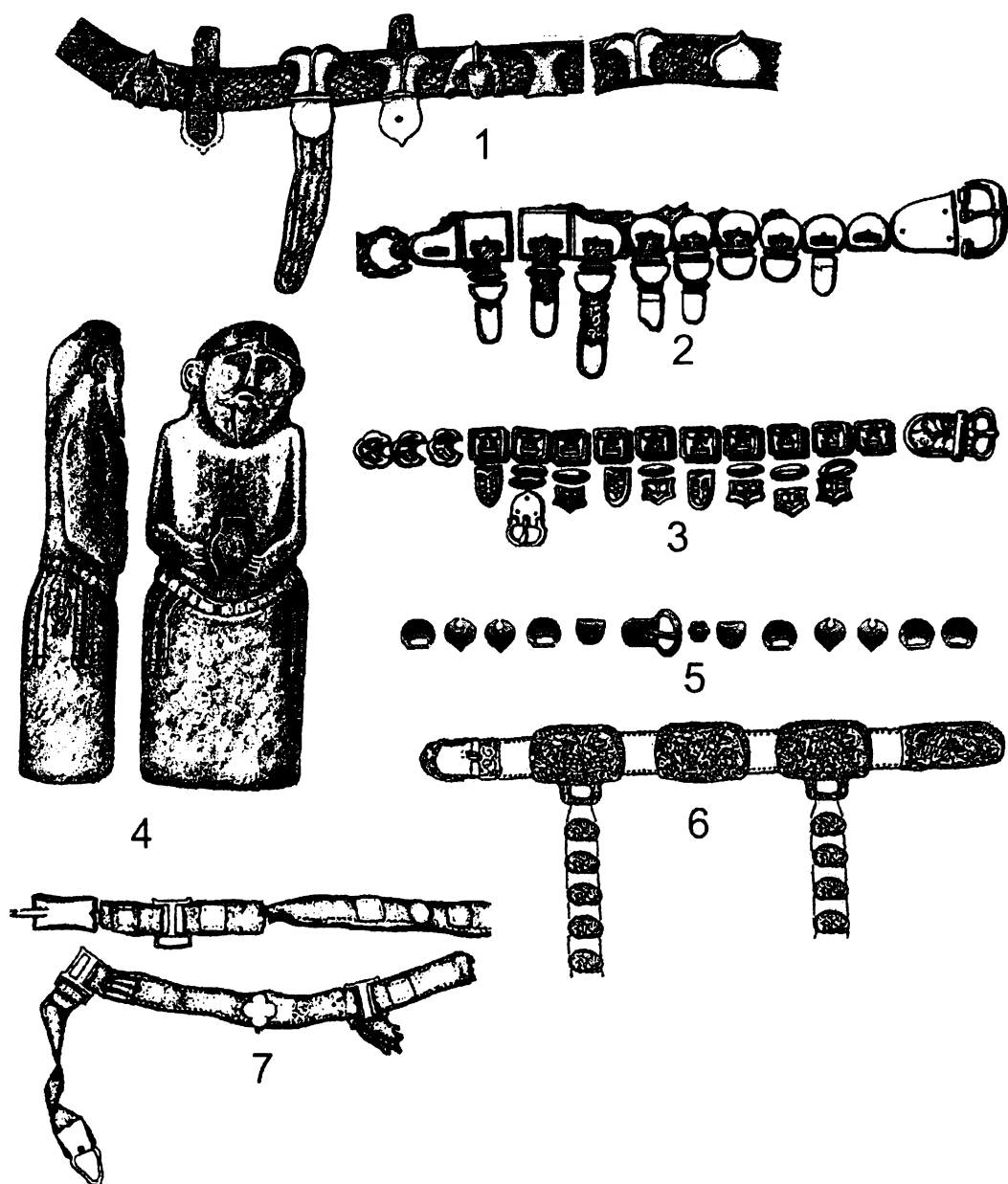

Рисунок 4. Пояса средневековых кочевников:
1-4 древние тюрки; 5 огузы; 6, 7 Орда

украшенные накладками с фестончатым краем или порталльной формы; II - украшенные бляхами - оправами прямоугольной, сегментовидной, сердцевидной формы или в форме лунниц; III - пояса с накладками «специфических» форм (прямоугольные, шестиугольные, Х-образные), отличительной осо-

бенностью которых является выпуклый орнамент, состоящий из растительных, зооморфных мотивов или изображения светильников и языков пламени [Добжанский, 1990. С.38-41]. По сути, выделенные исследователем первые два типа поясов - это пояса, воспроизведенные на древнетюркс-

ких каменных изваяниях, где встречаются изображения бляшек прямоугольной или квадратной формы с узкими прорезями для привесных ремешков, полукруглые (сегментовидные) бляшки, сердцевидные бляшки и бляшки-лунницы [Евтюхова, 1952. С.108; Кубарев, 1984. С.36-39]. Характерный факт: из данных, приведенных в табл.1, следует, что элементы поясной гарнитуры встречены в 29,2% анализируемых древнетюркских погребений, что самым удивительным образом совпадает с данными Л.А.Евтюховой и В.Д.Кубарева, согласно которым пояса изображены на 105 из 325 каменных изваяний, что составляет 32% от исследованных и опубликованных названными авторами древнетюркских статуй.

Аналогичная картина (т.е. отсутствие какого-либо декоративного стандарта) наблюдается и в поясной гарнитуре огузо-печенежского периода. Здесь мы встречаем накладку круглые гладкие и орнаментированные (Быково-II, Никольское-V, Мирное, Успенка, Гавевка и др.), накладки в виде сегментов с прямоугольным вырезом (Яман, Тамар-Уткуль) и сердечек, также гладких и орнаментированных (Кара-Су, Калиновский), лунницевидные с круглыми выступами (Антоновка, Малиновский) и Х-образные (Калиновский) (рис.4:5). Особенно выразителен пояс из богатого огузского погребения кургана Успенка в Астраханской области (раскопки Е.В.Шнайдш-

тейн, 1984 г.), украшенный симметрично расположенными круглыми бляшками-розетками, бляхами-«лунницами», трехзвеньевыми бляшками и двумя фигурными наконечниками. Пояс имел три свисающих ремешка, каждый из которых был украшен пятью бляшками-розетками и треугольным наконечником с парными выпуклинами по основанию (пояс лежал свернутым в ногах погребенной, поэтому его реконструкция достаточно условна).

Столь же разнообразны и формы поясных пряжек и наконечников ремней, хотя в их распространении наблюдается некоторая этнотерриториальная закономерность: в комплексах IX-XI вв. Волго-Уральского региона (т.е. на территории огузских кочевий и За-волжской Печенегии [Кригер, 1993. С.137-143.; Иванов, Гарустович, 2001]) чаще всего встречаются овальнорамчатые пряжки с цельнолитым полуовальным, стрельчато-арочным или фигурным щитком, составляя единый поясной комплекс с полукруглыми или стрельчатыми орнаментированными наконечниками ремней (Болгарка-I, Ак-Булак, Алебастровая гора, Тамар-Уткуль, Калиновка, Верхне-Погромное, Старица) (рис.5:1, 7, 10, 12; рис.6:3, 7, 9), тогда как в комплексах, обнаруженных к западу от Волги (Европейская Печенегия), более распространены пряжки с подтреугольной рамкой, стрельчатым или цельнолитым фигурным щитком, с пря-

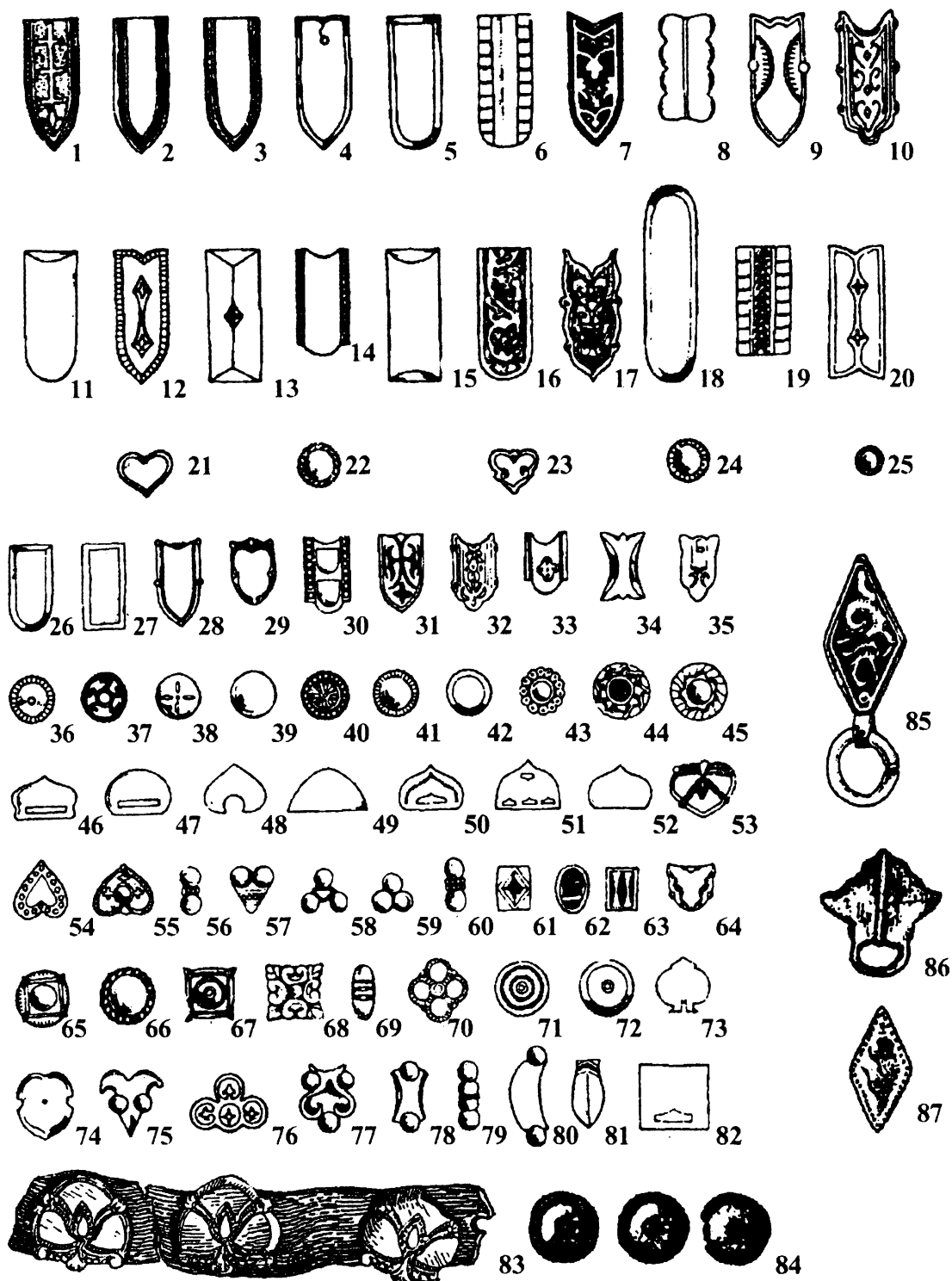

Рисунок 5. Наконечники ремней и поясные накладки средневековых кочевников IX-XIV вв.

моугольной рамкой и прямоугольным цельнолитым щитком, лировидные, овальные или круглые бесщитковые и овалнорамчатые с цельнолитым щитком, имеющим

полукруглое завершение при переходе в рамку (Ново-Каменка, Большемихайловка-II, Кагарлык, Саркел, Степанцы, Поток и др.) (рис.6).

Половецкие пояса домонгольского периода немногочисленны, а главное - невыразительны (что, собственно говоря, наглядно отразилось в оформлении половецких каменных изваяний XI - начала XIII вв. [Плетнева, 1974. С.36]). Например, в могильнике Лебедев-

го П.Д.Рау в 1929 г. Набор состоял из массивной овальнорамчатой пряжки с прямоугольным рамчатым щитком, украшенной растительным орнаментом (рис.6:13), массивного наконечника, также покрытого растительным орнаментом, трех больших овальных

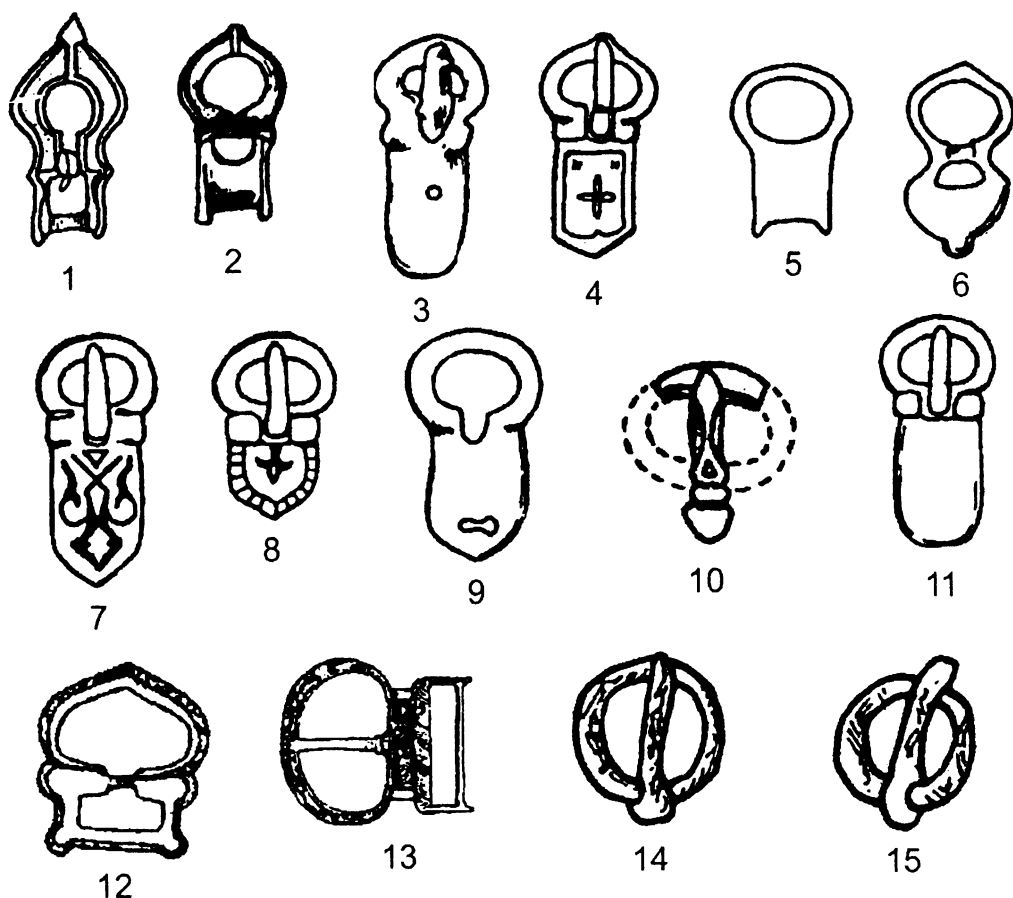

Рисунок 6. Поясные пряжки средневековых кочевников

ка VI (кург.11) найдены остатки пояса, украшенного сердцевидными накладками (рис.5:54).

Поясные наборы кыпчаков золотоордынского периода столь же немногочисленны и разнообразны. Среди них особый интерес представляют пять. Первый - золотой набор от пояса из кургана у с.Мариенталь (Тонкошуровка) Саратовской области, исследованно-

орнаментированных бляшек и 14-ти полых гладких бляшек (судя по сопровождавшему погребение инвентарю (костяные обкладки колчана), оно было мужское) [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.189]. Второй - найденный И.В. Синецким в 1963 г. в могильнике Усть-Курдюм (кург.8) - пояс, украшенный бронзовыми круглыми, квадратными и 4-лепестковыми

гладкими бляшками и ажурными прямоугольными рамками для ремешков-привесок (рис. 4:7) [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С.213]. Третий - обнаруженный сравнительно недавно в одном из погребений могильника «Олень-Колодезь» на Дону (Воронежская обл.) - серебряный с позолотой набор, состоящий из двух крупных бляшек с петлями для привесных ремешков, украшенных чеканными изображениями зверей кошачьей породы (барсов?), играющих с котятками, наконечника ремня с изображением кошки и двух котят, играющих её хвостом, и девяти мелких бляшек с изображением фигуры свернувшегося в кольцо барса. Серебряная пряжка, на которую застегивался пояс, украшена фигурами двух драконов, стоящих друг против друга (рис.4:6) [Ефимов, 1997. С.181 и сл.]. Четвертый набор представлен серебряной пряжкой с прямоугольным подвижным щитком и серебряными накладками полулунной формы, украшенными растительным орнаментом («Рясные могилы», кург.7) [Макаренко, 1911. С.89-92]; пятый — лировидная пряжка с подвижным фигурным щитком, лировидные бляшки и овальный наконечник ремня, покрытые стилизованным растительным орнаментом (Траповка, кург.10) [Добролюбовский, Субботин, 1982. С.168-173]. Наконец, детали золотого поясного набора из могильника Уркач I (кург.15) в Западном Казахстане, представляющие со-

бой овальнорамчатую пряжку с прямоугольным приемником, наконечник ремня, прямоугольные обоймы и бляшки и две фигурных бляшки с привесными кольцами, украшенные растительным орнаментом [Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.248].

Остальные поясные наборы, известные для рассматриваемого периода, особой выразительностью не отличаются: 8-угольные гладкие бляшки (Гусевка, кург.2), просто гладкие прямоугольные бронзовые пластинки (Басы-I, погр.2), гладкие прямоугольные или 4-лепестковые накладки (Усть-Курдюм, кург.11), гладкие фигурные бронзовые накладки и наконечник ремня (Новоорский-I, кург.2).

Перстни имеют повышенную тенденцию встречаемости только в кочевнических комплексах огузо-печенежского времени (табл.1). Практически все известные для данного периода перстни — с крупной жуковиной, т.н. «салтовского» типа (рис. 7:1-4, 6) — встречены в огузских погребениях Заволжья (Пчельник, Калиновский, Успенка, Лапас). В половецких же и кыпчакских комплексах перстни простенькие, медные или серебряные, пластинчатые, с плоским прямоугольным щитком, иногда украшенным точечным или растительным орнаментом (рис. 7:7).

Браслеты, судя по данным табл.1, также в большей степени характерны для кочевников огузо-печенежского и половецкого до-

монгольского периодов. Причем если у первых они известны как минимум трех типов — из круглого гладкого дрота (Успенка, Янайкино, Лапас), пластинчатые, украшенные насечками и ложной зернью (Успенка), и браслеты-плетенки из тонкой бронзовой или серебряной проволоки (Флоринс-

шляпы, прически и украшений, очень выразительно представленного на половецких каменных изваяниях [Плетнева, 1974. С.38]. Одним из основных конструктивных элементов подобного убора, надо полагать, являлась берестяная трубочка для кос — бокка. Это полый цилиндр, свернутый из не-

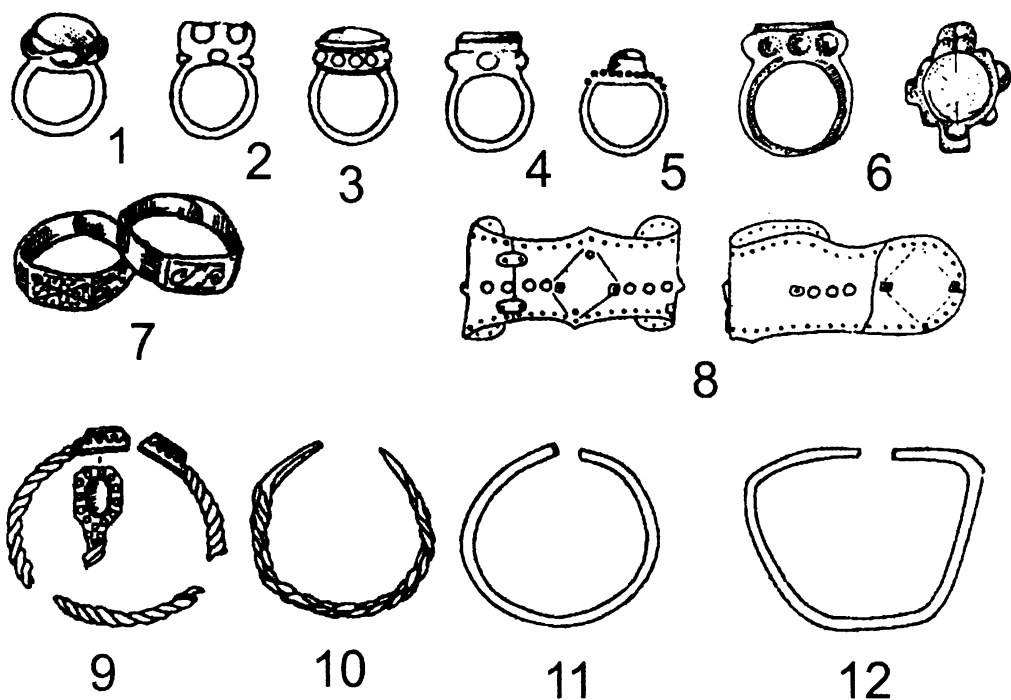

Рисунок 7. Персти и браслеты средневековых кочевников Урало-Поволжья

кое, Саркел) (рис. 7:8, 9, 10) — то у вторых они особым изыском не отличаются — из круглого гладкого дрота или узкой медной пластинки (рис. 7:11, 12).

Детали головного убора (бокка) встречены только в половецких домонгольских и кыпчакских золотоордынских комплексах. Во всех случаях это, конечно, только сохранившиеся элементы сложного сооружения, состоявшего из

нескольких слоев бересты и прошитый по краю. Диаметр их колеблется от 3 до 8 см, а длина — от 10-15 до 25-35 см. Иногда на бокке сохраняются остатки покрывавшей ее ткани и нашивные серебряные или бронзовые бляхи (Тявгуловские, Уральские курганы) (рис. 8:1).

В кургане могильника у с.Хабарный в Оренбургской области найдена бокка в виде берестяного

Рисунок 8. Бокка. Реконструкция Д.В. Васильева по материалам могильника «Маячный Бугор»

«сапожка», украшенного по «голеньцу» бусинами и раковинами (рис. 8:3).

В половецко-кыпчакских комплексах бокка обнаруживает устойчивую взаимовстречаемость с бронзовыми зеркалами.

Зеркала — характерный элемент женского туалета евразийских кочевников, начиная с эпохи раннего железного века. В этом качестве они проходят и через всю рассматриваемую эпоху, правда, с той только разницей, что обнаруживают резко пониженную тенденцию

встречаемости в огузо-печенежских и половецких домонгольских комплексах (табл.1). То есть, если исходить из данных указанной таблицы, где бронзовые зеркала показывают резко повышенную тенденцию встречаемости в кыпчакских комплексах золотоордынского периода, можно сказать, что именно в эту эпоху бронзовое зеркало становится неотъемлемым элементом женского убранства.

Это нашло свое отражение в декоративном оформлении бронзовых кочевнических зеркал. Среди

немногочисленных зеркал древнетюркского времени, например, можно четко выделить небольшую группу китайских изделий: прежде всего, это широко известное зеркало из кургана Монгун-Тайга (ТКЭАН/МТ-57-XXVI) в Туве с изображением «собаководных морских коней» на фоне облаков и китайской надписью, содержащей философское пожелание владельцу (т.н. «зеркало Цинь-вана») [Грач, 1958. С.26-29; Итс, 1958. С.35-37] (рис. 9:3); зеркало с изображением пасторальной сцены из кургана 1 могильника Бертек-20 (рис. 9:2) и зеркало, украшенное концентрическим орнаментом, состоящим из выпуклин и «шнура» из кургана 1 могильника Бертек-34 в Горном Алтае (рис. 9:1) [Древние культуры Бертекской долины, 1994. С.121,149]; фрагмент зеркала с изображением священного цветка из кургана 19 могильника Саглы-Бажи (рис. 9:4) [Грач, 1968. С.109].

Все остальные древнетюркские зеркала — это в основном плоские диски, украшенные концентрическими кругами. Среди них выделяется зеркало из Зевакинского могильника (Прииртышье), с нанесенной на нем рунической надписью [Арсланова, Кляшторный, 1973].

Типология зеркал по элементам и сюжетам декора становится возможной только начиная с половецкого времени. С.А.Плетнева, разбирая изображения деталей костюма и украшений на половецких

каменных изваяниях, выделяет четыре типа зеркал: гладкие с рантиком по краю; с крестовидным узором (по данным названного исследователя, этот тип зеркал — преобладающий); с узором в виде двойного (8-конечного) креста и с орнаментом из четырех дуг, повернутых выпуклостью к центру [Плетнева, 1974. С.49]. Находки в половецких погребальных комплексах полностью подтверждают предложенную типологию.

В настоящее время существуют две типологии зеркал эпохи средневековья в Восточной Европе. Первая, разработанная Г.А.Федоровым-Давыдовым и дополненная В.А.Кригером и В.А.Ивановым, основана на орнаментальных мотивах «как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа» [Федоров-Давыдов, 1966. С.78-84; Иванов, Кригер, 1988. С.19 и сл.]. Вторая, разработанная Г.Ф.Поляковой на материалах Волжской Болгарии и дополненная Л.Ф.Недашковским и А.И.Ракушиным материалами золотоордынского города Укека, в основу классификации металлических зеркал кладет форму бортика [Полякова, 1977. С.78-82; Недашковский, Ракушин, 1998]. Поскольку в контексте данной работы главным является все-таки орнамент тыльной стороны зеркала, ниже приводятся результаты группировки зеркал именно по этому показателю. Хотя орнаментика зеркал золотоордынского времени достаточно разнообразна, ее можно

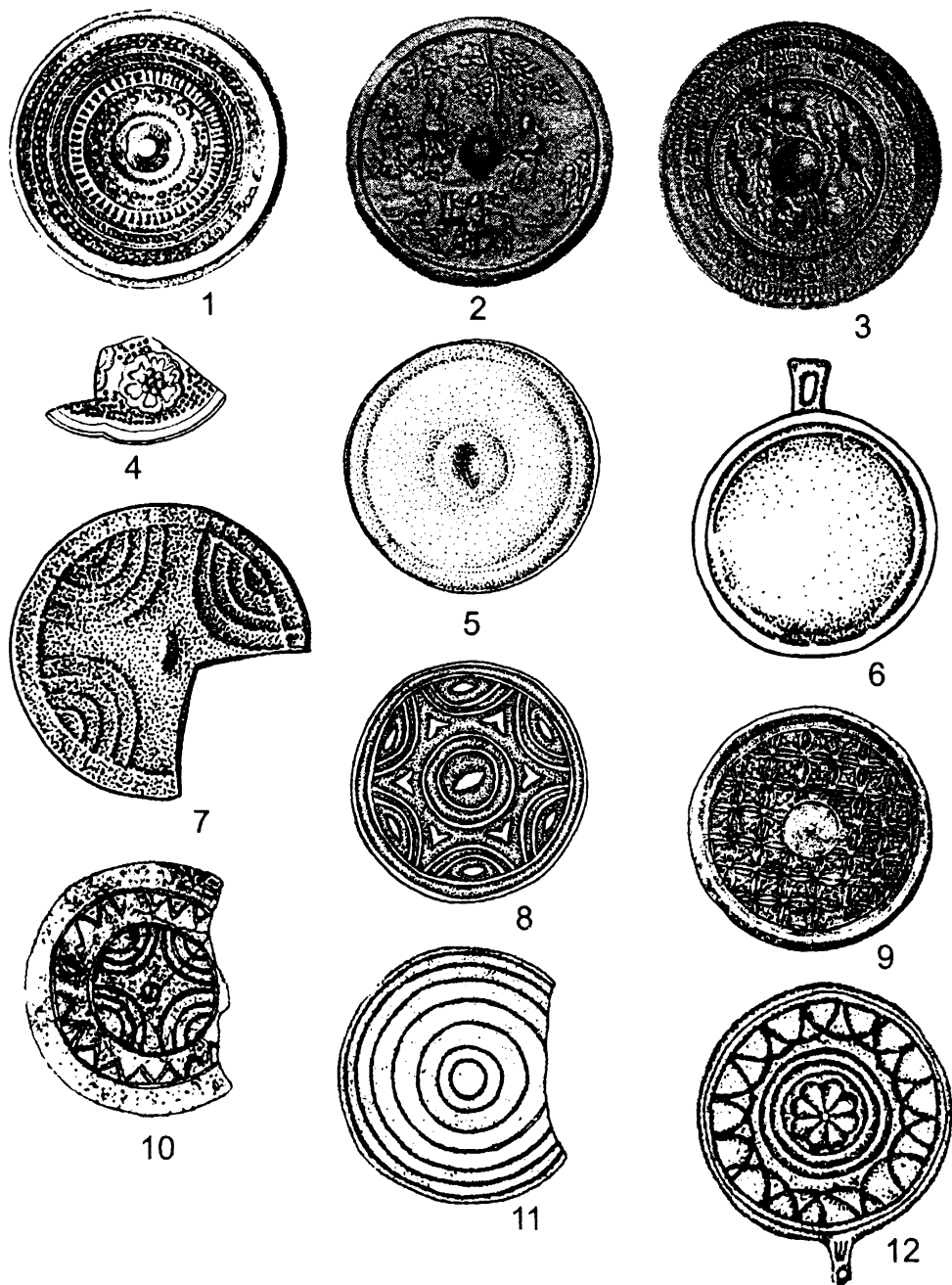

Рисунок 9. Бронзовые зеркала средневековых кочевников:
1-4 тюрки; 5-12 Орда

объединить в несколько сюжетных групп:

первую, наиболее распространенную, составляют зеркала в виде диска без орнамента, но с 1-2 полукруглыми валиками по краю (рис. 9:5, 6);

вторая группа — зеркала, украшенные разнообразным геометри-

ческим орнаментом: чередование Т-образных значков и окружностей, арочным из 2-3 линий, иногда перемежающимся рельефными угольничками (рис. 9:7, 10), арочным с многолепестковой розеткой в центре (рис. 9:12), циркульным (рис. 9:11), сеткой-плетенкой (рис. 9:9), 7-конечной звездой с крестом

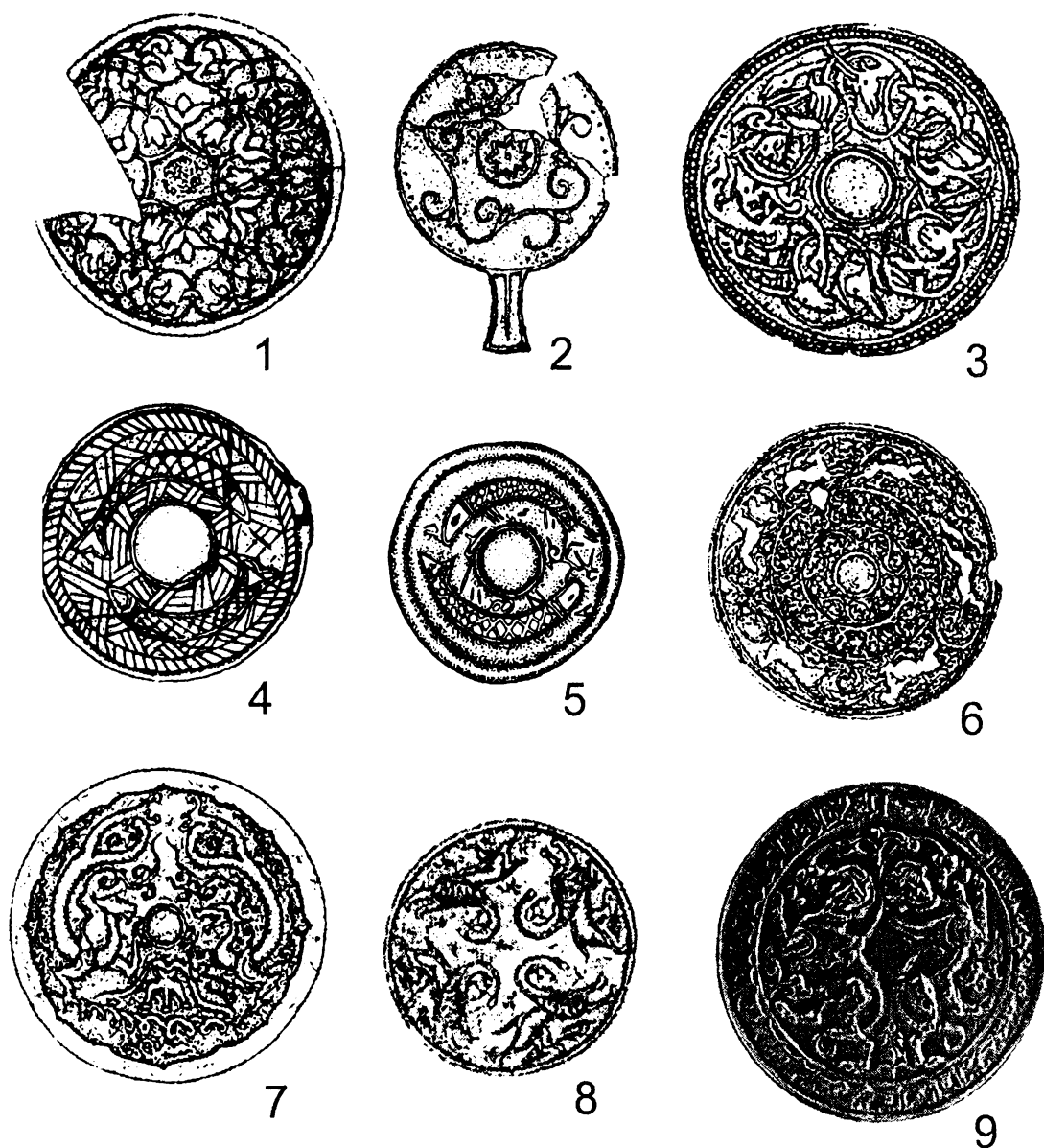

Рисунок 10. Бронзовые зеркала Орды

в центре (рис. 9:8);

третья группа — зеркала с растительным орнаментом: сложное переплетение стеблей, листьев и бутонов (рис.10:1), виньетка из усиков-завитушек и 8-лучевой звездой в центре (рис. 10:2), бутоны;

четвертая группа — зеркала, украшенные зооморфными или комбинированными зооморфно-растительными изображениями, сре-

ди них наиболее распространены изображения двух рыб, плывущих друг за другом (рис. 10: 4,5), реже встречаются изображения ал-Бораков (крылатых мифологических существ с головой человека и туловищем льва) (рис. 10:8, 9), собак и зайцев, бегущих по кругу (т.н. «гон зверей») (рис. 10:6), птиц, сложного переплетения стеблей, среди которых просматриваются головы зайца, косули

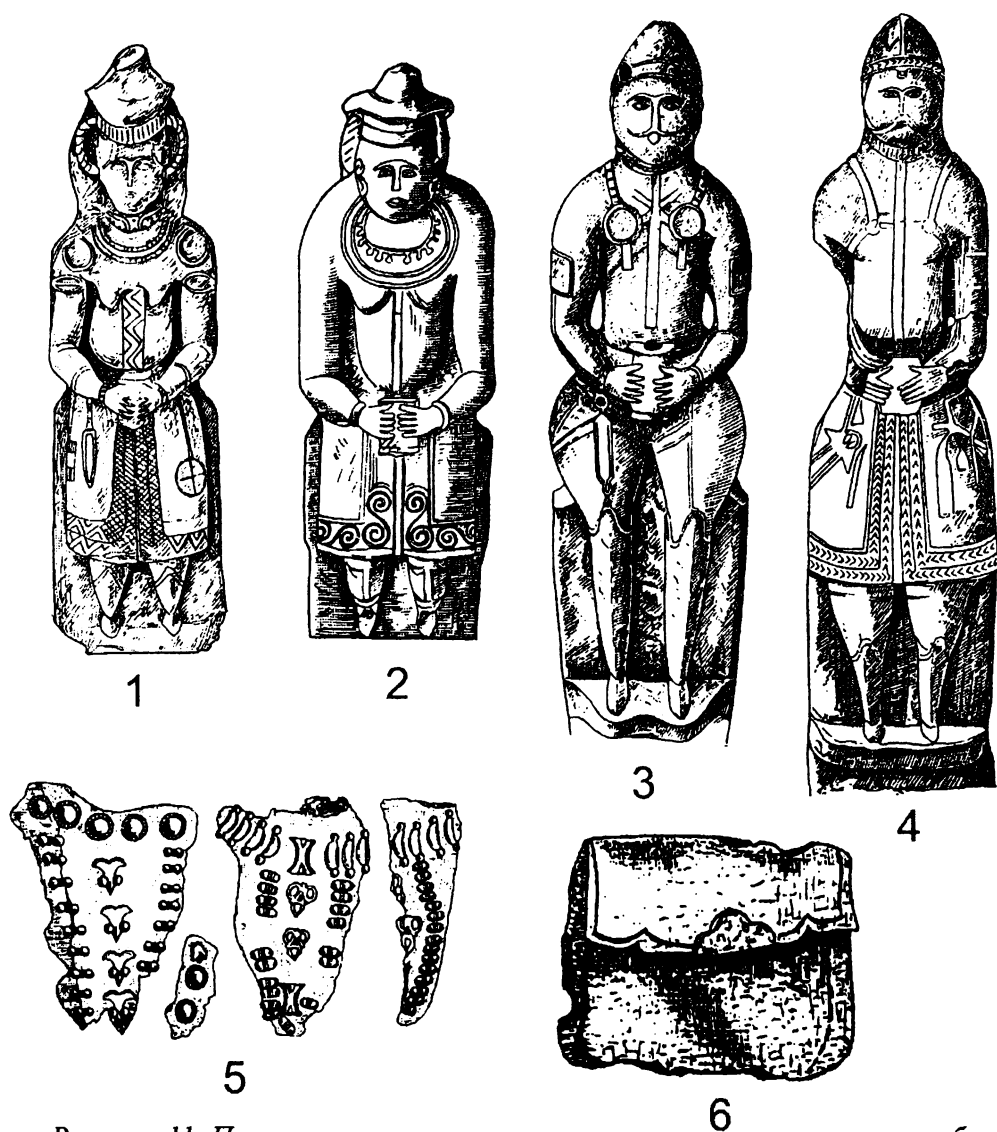

Рисунок 11. Половецкие каменные изваяния, огузские украшения обуви, кыпчакская сумка

(рис. 10:3), драконов (рис. 10:7).

Специфическим элементом материальной культуры кочевников-огузов X-XI вв. являются бронзовые подвески-нашивки в виде стилизованных фигурок птиц и копоушки с ажурным щитком. Птицевидные подвески известны двух типов: 1 — в виде распростертых крыльев, отличающихся степенью их раскрытости (рис. 3:16, 17); 2 — в виде стилизованной фигурки с птичьими головками и розетками на «крыльях» (рис. 3:22, 23). По

нижнему краю подвесок первого типа идут петельки для дополнительных привесок в виде диска, грозди, сердечка, трилистника или гусиных лапок. Щитки копоушек представляют собой овальную или сердцевидную рамку со стилизованным орнаментом, в элементах которого читается солярная или птичья символика (рис. 3:18-21). Птицевидные подвески и копоушки, очевидно, тиражировались, поскольку в разных удаленных друг от друга памятниках встречаются

идентичные изделия (Уральск, Саркел, Истрия).

Этнографической особенностью огузских костюмных комплексов являются также фигурные бляшки-нашивки на обуви, а для кочевников Орды - кожаные поясные сумки с железными застежками «трилистниками». Перечисленные выше компоненты костюмного декора средневековых (домонгольских) кочевников евразийских степей, кроме погребальных комплексов, в своем ансамбле представлены на широко известных половецких каменных изваяниях (рис. 11).

Костюмный убор приуральских угров - носителей кушнареновско-караякуповской культуры выглядит уже несколько сложнее. В нем также присутствует поясная гарнитура в различных сочетаниях (целые поясные наборы 19,0%; одни пряжки 32,0%); серьги-подвески (27,7%), браслеты (26,0%), перстни (14,4%). Отличительной особенностью угорского костюма являются металлические наконечники из коньковых и арочных подвесок с цепочками (16,3%), ожерелья из стеклянных разноцветных бусин (16,3%), дополненные серебряными привесками-медальонами листовидной формы (9,3%).

Набор костюмного декора приуральских угров (носителей кушнареновско-караякуповской культуры) по своим компонентам близок (если не идентичен) набору лесного прикамского населения - ломоватовской и полумской куль-

тур. Хотя, с одной стороны, поясные наборы из кушнареновских и караякуповских погребений по отсутствию многочисленных шумящих привесок типологически стоят ближе к древнетюркским поясам. Но с другой, - в погребениях Манянского могильника, наряду с типично "геральдической" поясной гарнитурой, встречены зооморфные, рожковые и спиральные пронизки, широко использовавшиеся прикамским населением в качестве дополнительных деталей ломоватовских, полумских и неволинских наборных поясов (рис. 12:9, 14). В приуральских комплексах они, в частности, составляют КСП, объединяющим звеном которого выступают кольцевидные подвески с высоким ушком, аналогии которым, хотя и редко, но встречаются также в ломоватовских комплексах (рис. 12:15).

Целых кушнареновских поясных наборов VI-VII вв. до нас не дошло по причине нарушенности большинства погребений. Однако по материалам Манянского и Лагеревского могильников можно говорить о том, что они состояли из типичной "геральдической" гарнитуры - Т-образных, Х-образных, якорьковых, сегментовидных, мечевидных накладок, накладок-псевдопряжек, цельнолитых В-образных, лировидных и прямоугольных пряжек и т.п. - имевшей распространение как в древнетюркской, так и в прикамской культурах. Точно так же и по-

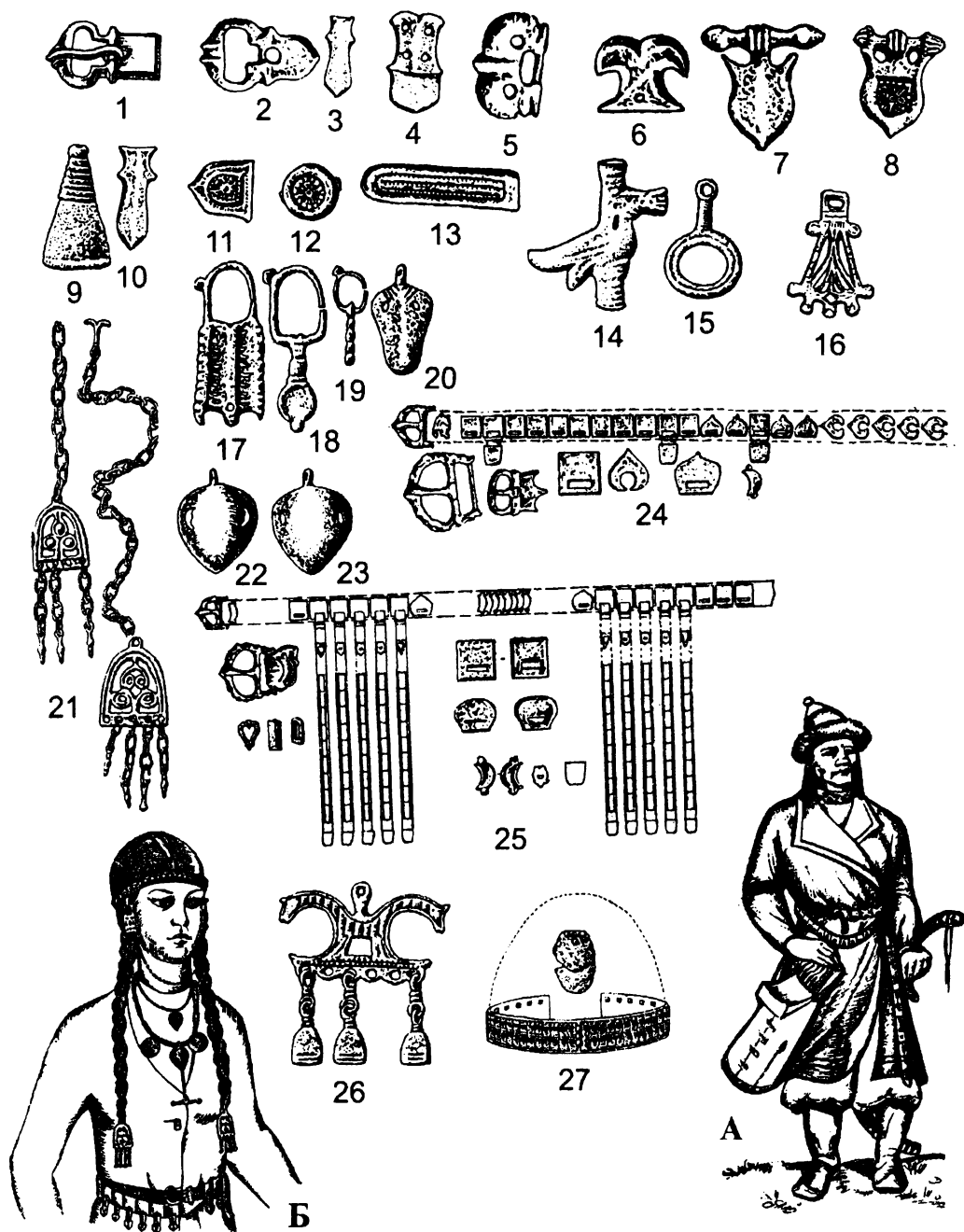

Рисунок 12. Декор костюма угров «Приуральской ойкумены» VII-IX вв.:

А - реконструкция Л.Дюла; Б - реконструкция Е.А. Халиковой

ясные наборы из караякуповских комплексов VIII-IX вв. дают нам многочисленные и выразительные образцы "тюркской" поясной гарнитуры, состоящей из цельнолитых овальнорамчатых пряжек с полуовальным щитком, пряжек со щитком-рамкой, прямоугольных или полуовальных накладок

с прямоугольной прорезью для ремешков-привесок, сердцевидных накладок, накладок-лунниц и т.п. (рис. 12:1-8, 24). Все эти детали, известные нам по комплексам древнетюркских могильников и изображениям на каменных изваяниях, также выступают в качестве одного из определяющих компо-

нентов материальной культуры лотоватовских, полумских и неволинских племен лесного Прикамья.

Но особенно, в плане определения степени этнокультурной бли-

льоны листовидной или ромбической формы (рис.12: 22,23), пластинчатые серьги-подвески с поперечными прорезями (рис.12:17), поясные пряжки подтреугольной

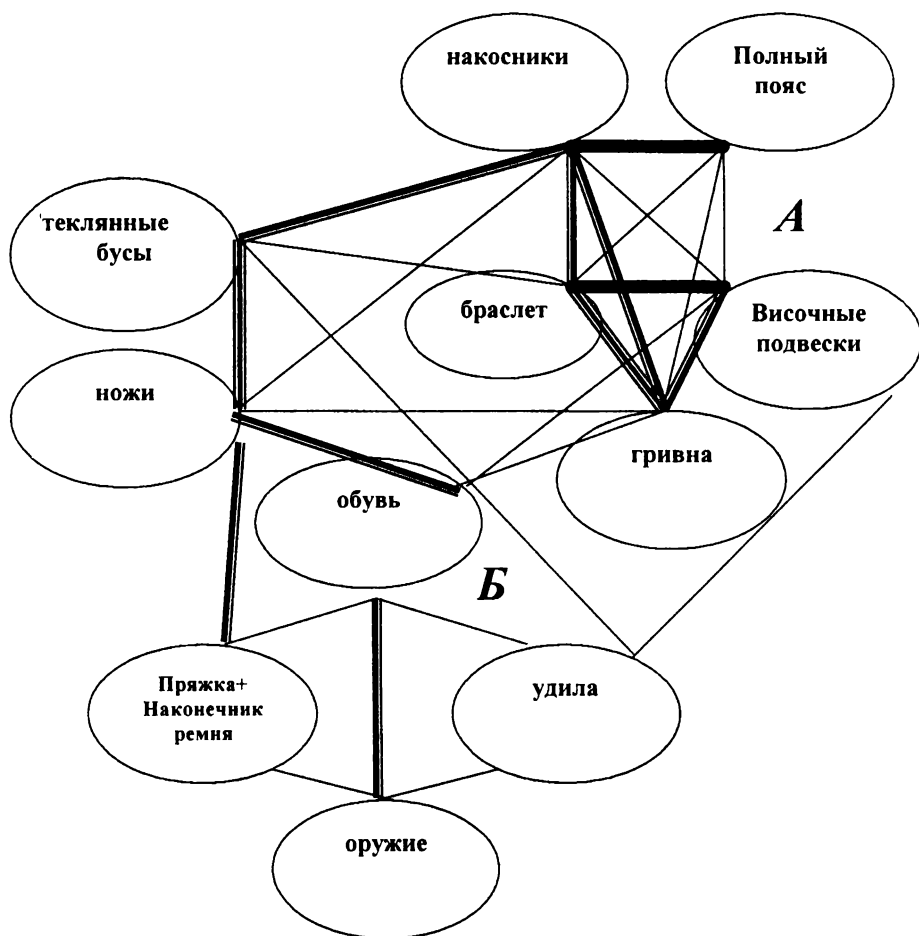

Рисунок 13. Граф КСП предметов костюма харинского периода

зости приуральского и прикамского населения, показательны женские украшения. Для приуральских угров это, прежде всего, шумящие подвески конькового и арочного типов (рис.12: 21, 26), трапецевидные ажурные подвески (рис.12:16), крестовидные подвески, подвески-ложечки.

Этнографической особенностью костюма приуральских угров являются серебряные литые меда-

формы с зубчатым контуром, а также шапочки с окантовкой из сдвоенных накладок-лунниц (рис.12: 27). Они также образуют КСП*, не имеющие аналогов в европейских степях.

Подобные же КСП выделяются и на материалах средневековых могильников лесного Прикамья.

* Авторы благодарят Д.В. Шмуратко, которым были выполнены расчеты КСП по прикамским материалам.

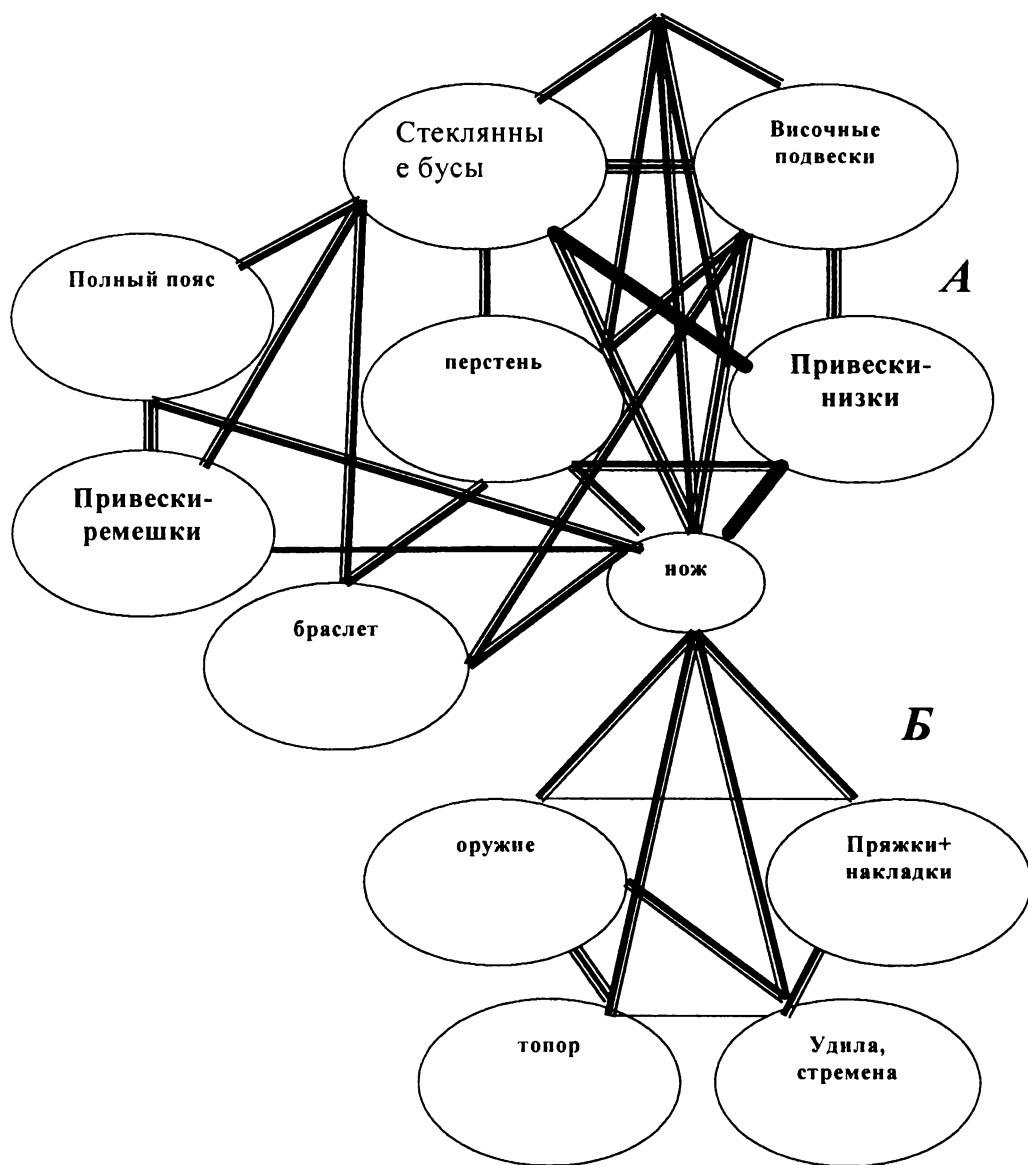

Рисунок 14. Граф КСП предметов костюма ломоватовского периода

КСП-I харинского времени (рис.13: А) составляют височные подвески (серьги), гривна (цепь), браслет, полный наборный пояс, наконечники, стеклянные бусы, нож, связанные условной связью с обувью и удилами. Данный комплекс, несомненно, соответствует женскому костюму. КСП-II (рис.13:Б) – обувь, пряжка+наконечник ремня,

оружие, удила – мужской комплекс.

КСП-I погребений ломоватовского времени — височные подвески, стеклянные бусы, перстни, ножи, наконечники, привески-низки, объединенные тесной условной связью с полным поясом, привесками-ремешками и браслетом, – комплекс женского костюма (рис.

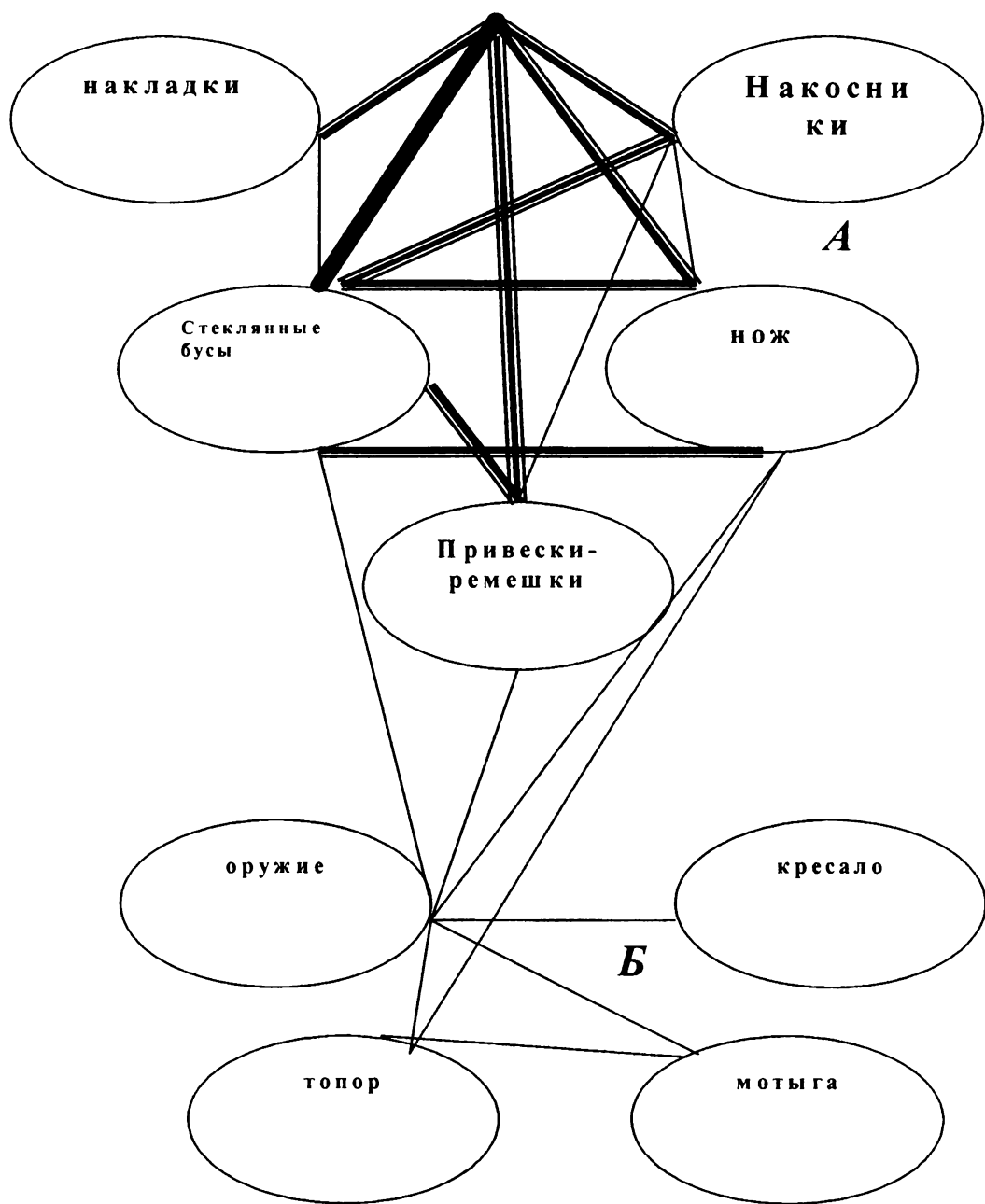

Рисунок 15. Граф КСП предметов костюма рождественского периода

14:А).

КСП-II – пряжки+накладки, ножи, топор, оружие, удила и стрелы, – мужской комплекс (рис.14:Б).

КСП-I рождественского периода (рис.15:А) — стеклянные бусы, накладки, привески-ремешки, при-

вески-низки, наконечники, нож, связанные условной связью с кресалами и оружием (наконечники стрел), - женский комплекс.

КСП-II рождественского периода (рис.15:Б) — привески-ремешки, стеклянные бусы (1-5 экз.), кресала, оружие, топор, мотыга, –

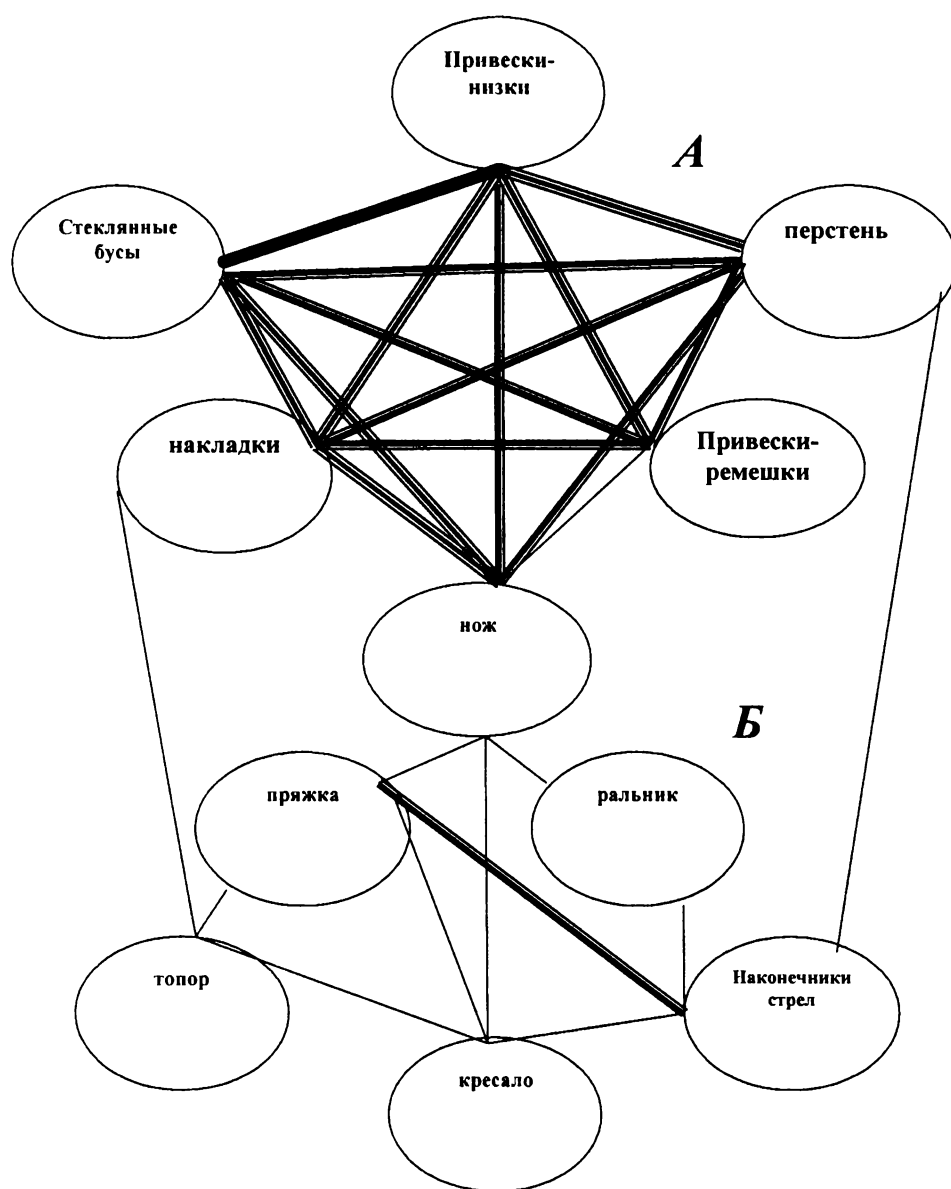

Рисунок 16. Граф КСП предметов костюма
позднеродановского периода

мужской комплекс.

КСР-I позднеродановского периода (рис.16:А) — стеклянные бусы, накладки, привески-ремешки, привески-низки, перстень, нож, - женский комплекс.

КСР-II позднеродановского периода (рис.16:Б) — пряжка, нож, кресало, наконечники стрел, топор, ральник, связанные условной связью с перстнями и накладками,

— мужской комплекс.

Согласно приведенным данным, в Пермском Предуралье из всех деталей костюма мужским признаком является поясная гарнитура, отдельные элементы которой входят в КСП всех хронологических периодов, где она устойчиво сочетается с оружием и орудиями труда. В харинское время элементом мужского костюма являлись

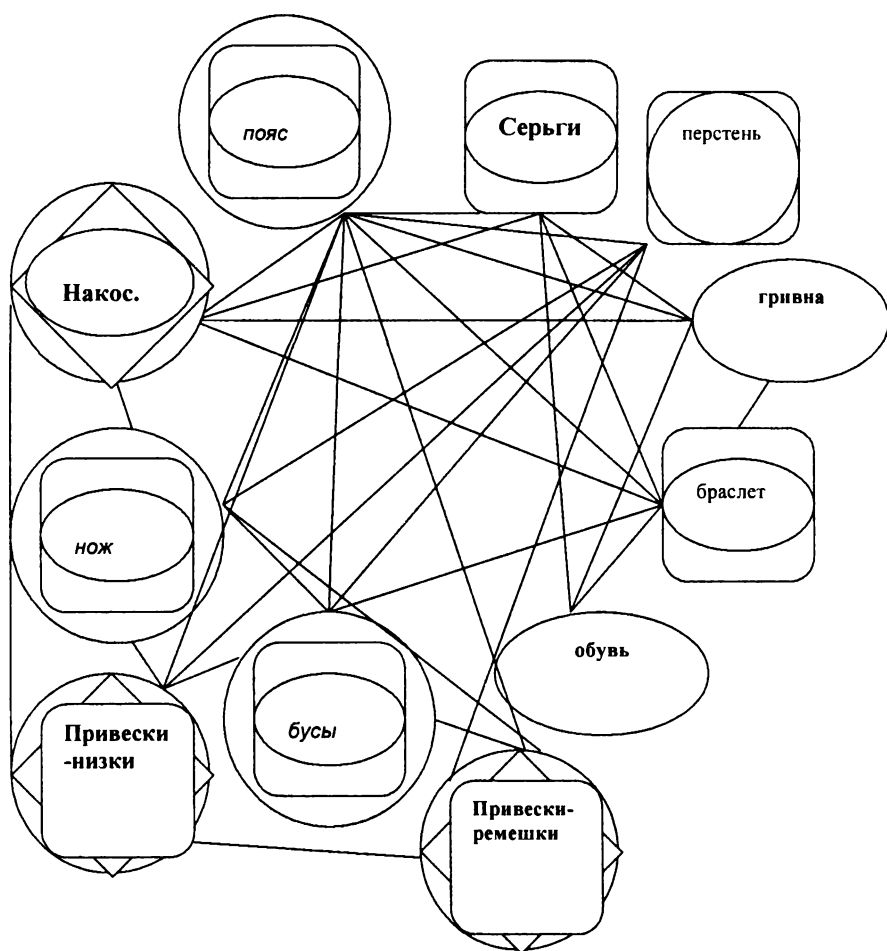

Рисунок 17. Сравнительный граф КСП предметов декоративно-прикладного искусства женского средневекового костюма Пермского Предуралья:

также обувные пряжки. В рождественский период в мужских комплексах фиксируется небольшое количество стеклянных и каменных бус. В позднеродановское время наблюдается связь между наконечниками стрел и перстнями.

Таким образом, в целом по археологически фиксируемым элементам убранство мужского костюма средневекового Пермского Предуралья мало отличалось от костюма кочевников.

Конечно, убранство мужского

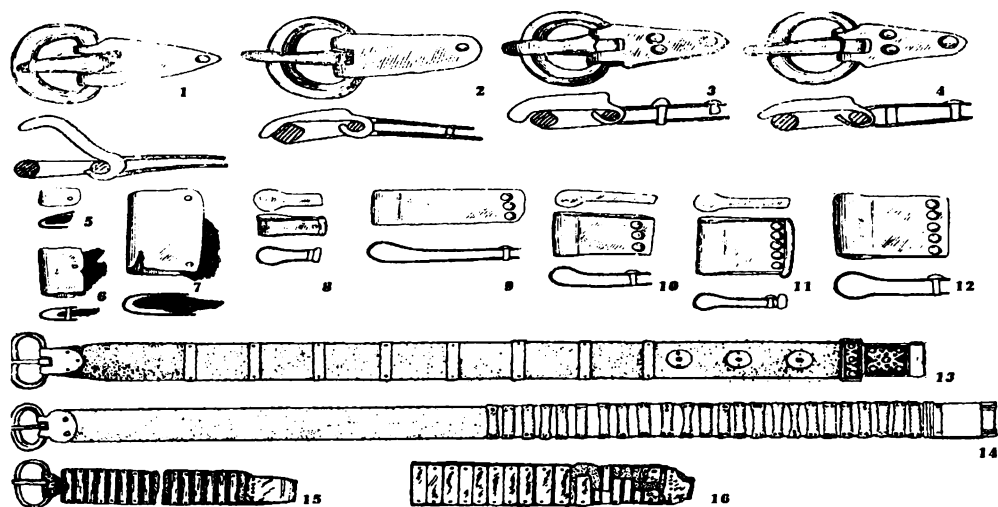

Рисунок 18. Харинские пряжки, наконечники ремней и пояса (по Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго)

костюма далеко не всегда ограничивалось только поясом, в него входили и височные подвески (серьги), и нагрудные украшения, и браслеты, и перстни, но эти предметы не дают настолько устойчивых связей с оружием и орудиями труда, как детали поясной гарнитуры. Подробнее мужские костюмные комплексы рассматривались Н.Б.Крыласовой [Крыласова, 2001].

Что касается женского костюма, то он у средневекового населения Пермского Предуралья отличался большим разнообразием, обилием металлических украшений и бус, что в целом характерно для женского финно-угорского костюма.

Совместив графы КСП предметов декоративно-прикладного искусства, входящих в костюмные комплексы женского средневекового костюма Пермского Предуралья, мы получили следующую картину (рис.17).

Только для харинского этапа характерно наличие в женском костюме гривен и обуви с металлическими пряжками и наконечниками [Голдина, Водолаго, 1990. С.69]. Гривны в этот период преобладали бронзовые пластинчатые в виде несколько расширенных в средней части обручей [Голдина, 1985. С.49]. Гривны иногда встречаются и в погребениях ломоватовского периода – бронзовые и железные круглопроволочные, витые и псевдовитые, а также плетеные гривны-цепи, в IX-XII вв. известны также серебряные витые и псевдовитые гривны т.н. «глазовского типа», но в Пермском Предуралье все они происходят исключительно из кладов [Белавин, 2000. С.83-85, рис.35]. Во все хронологические периоды элементами женского костюма являлись ожерелья из стеклянных и каменных бус и пояс с ножом на нем.

Для ломоватовского и рождес-

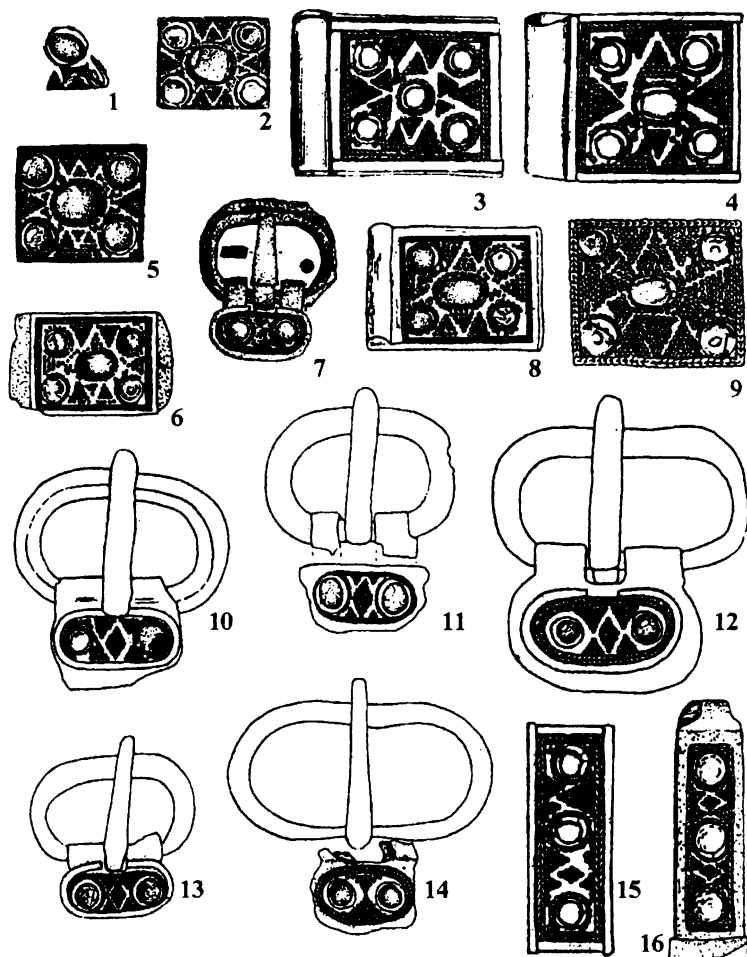

Рисунок 19. Полихромные детали поясной гарнитуры харинского времени (по Ф.В. Овчинникову)

тсвенского этапов характерно использование в составе ожерелий монет и иных подвесок, на поздне-родановском этапе в состав ожерелий включались своеобразные привески-колокольчики.

В харинское время в целом преобладали пояса с пряжкой со свободновращающимся кольцом и длинным язычком и наконечником-обоймой, украшенным полугорошинами, полные пояса с прямо-

угольными накладками характерны для женских погребений (рис. 18). Известны также пряжки и на-

конечники ремней, украшенные зернью и вставками из цветных камней, по характеру декора схожие с ювелирными изделиями керченских захоронений конца IV – начала V вв. (рис. 19) [Голдина, 1985. С.125-126]. В это же время появляются поясные привески-низки в виде шнура с нанизанными на

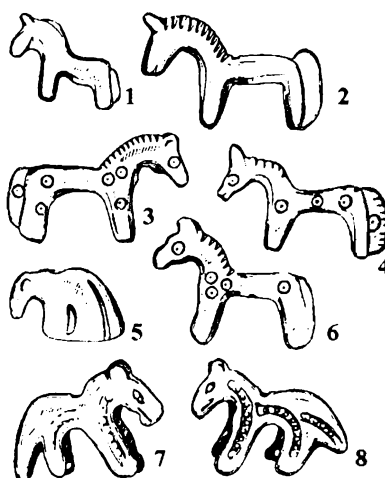

Рисунок 20. Пронизки харинского времени

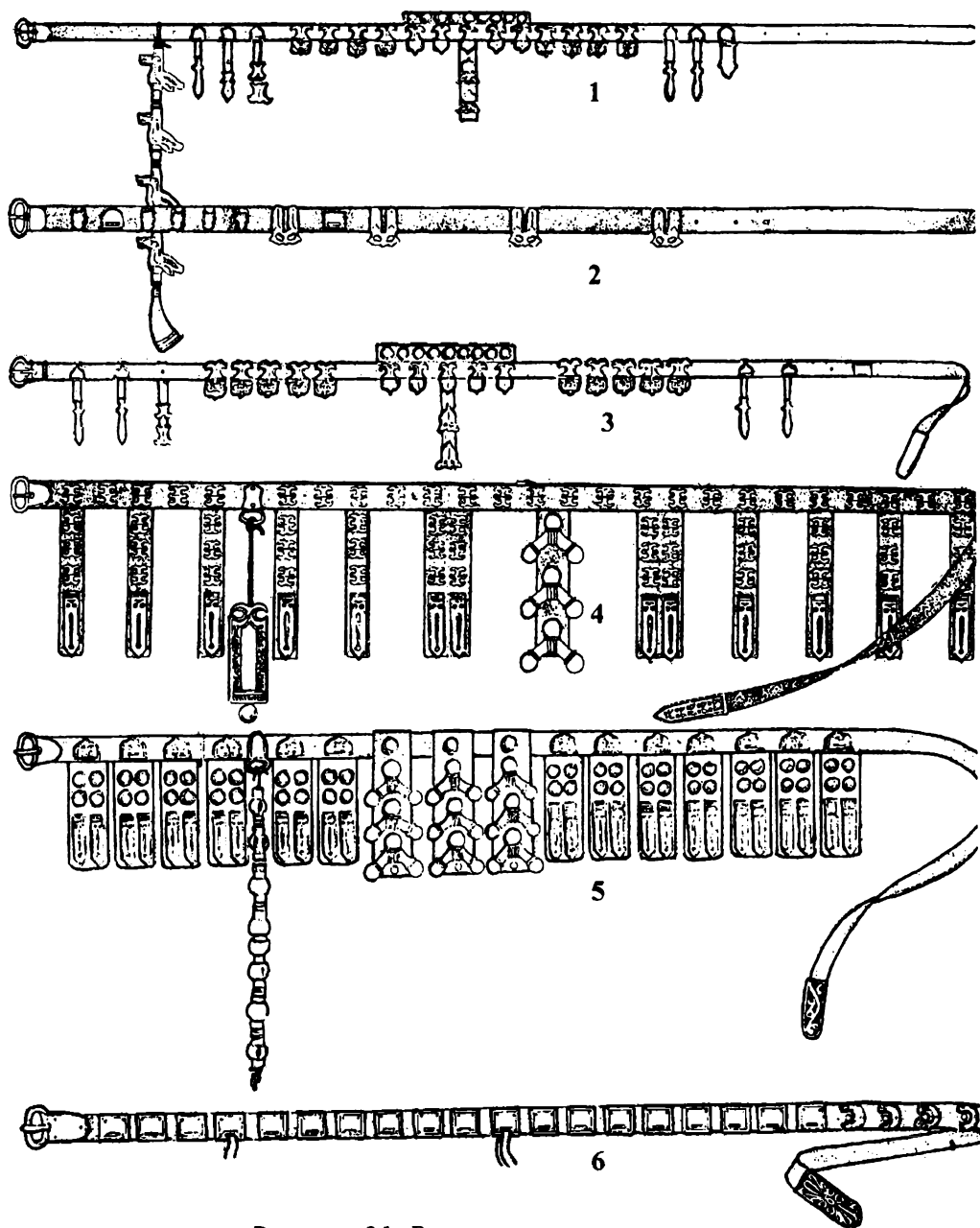

Рисунок 21. Реконструкция ломоватовских и неволинских поясов (по Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго)

него металлическими бусами и пронизками, завершающегося, как правило, пронизкой-колокольчиком; на женских поясах всех периодов привески-низки и привески-ремешки являются распространенной принадлежностью. В харинское время в состав поясных привесок входили объемные пронизки-уточни, коньки и медведи (рис. 20).

В ломоватовское время были распространены пояса, которые по форме, орнаменту металлической гарнитуры, конструкции, Р.Д.Голдина условно разделила на 4 группы, отличавшиеся, по ее мнению, временем бытования: пояса агафоновского, неволинского, тюркско-аварского и салтовского типов [Голдина, Водолаго, 1990. С.74-75].

Во второй половине VI в. в Прикамье, как и в евразийских степях, распространились наборные пояса, украшенные гарнитурой геральдического типа, названные Р.Д.Голдиной агафоновскими [Голдина, 1985. С.126], они характерны и для мужских, и для женских комплексов (рис. 21:1, 2, 3). Эти пояса представляют собой длинный кожаный ремень шириной 2 см, сплошь украшенный накладками. К основному ремню крепились кожаные привески-ремешки шириной 1,5 см, также покрытые накладками, завершающиеся наконечником, обычно мечеобразным. К поясу также подвешивались

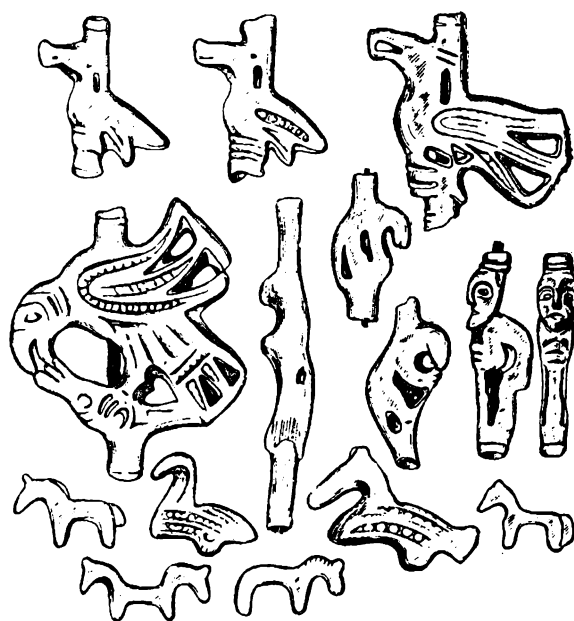

Рисунок 22. Бронзовые пронизки ломоватовского времени (по Р.Д. Голдиной)

привески-низки из разнообразных бронзовых пронизок и нож в ножнах [Голдина, Водолаго, 1990. С.75]. В составе поясных привесок-низок, сопровождающих эти пояса, кроме трубчатых пронизок наиболее широко встречаются разнообразные зооморфные и антропоморфные пронизки – уточки, медведи, коньки, кричащие птицы, птицы со звериной мордой и пр. [Голдина, 1985. С.127].

В конце VII-VIII вв. получили

распространение оригинальные женские пояса неволинского типа, характерные для неволинской и ломоватовской археологических культур (рис. 21: 4, 5). По мнению Р.Д.Голдиной, пояса неволинского типа развились из местных вариантов геральдических поясов (агафоновских) [Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997. С.9-10]. Благодаря

большому количеству металлов, эти пояса имеют хорошую сохранность и легко реконструируются. Они представляют собой кожаный пояс шириной 2-2,5 см, длиной до 70 см, снабженный на концах пряжкой и наконечником и украшенный многочисленными

накладками различных форм. К основному ремню прикреплены, как правило, 12-16 прямоугольных кожаных привесок размерами примерно 4 x 10 см. Одна, чаще три привески, расположенные сзади, обычно украшены тремя накладками-тройчатками, остальные – двумя рядами круглых, Ж-образных или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми – в нижней.

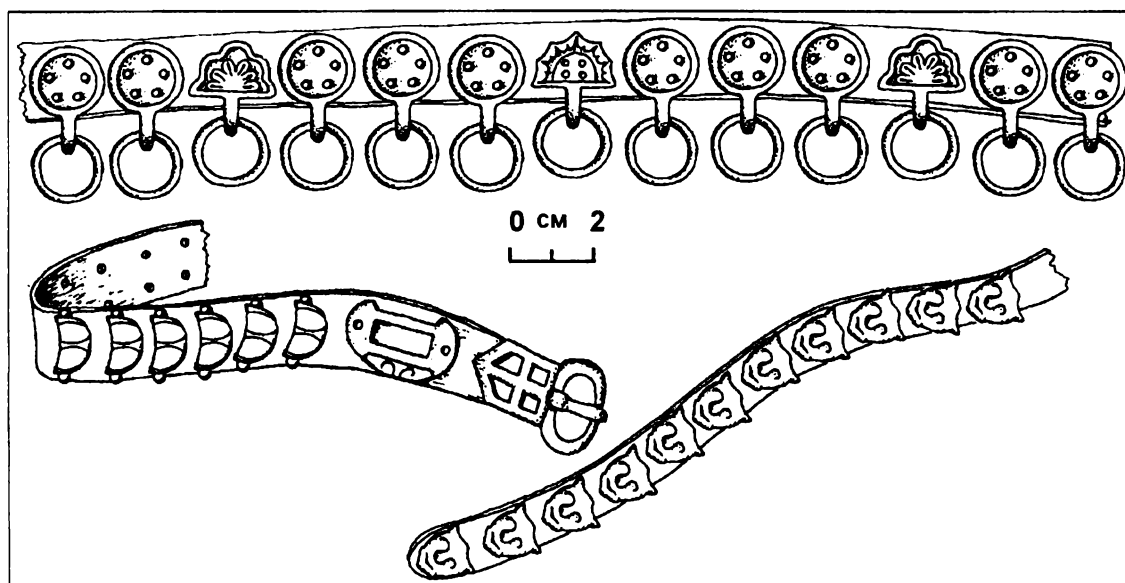

Рисунок 23. Пояс салтовского типа. Баяновский могильник

Пояс снабжался 1-2 низками из различных бронзовых пронизок и бус, завершавшимися рожковой пронизкой или планчатой подвес-

кой [Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997. С.9-10]. В составе низок довольно часто встречаются зооморфные пронизки, изображаю-

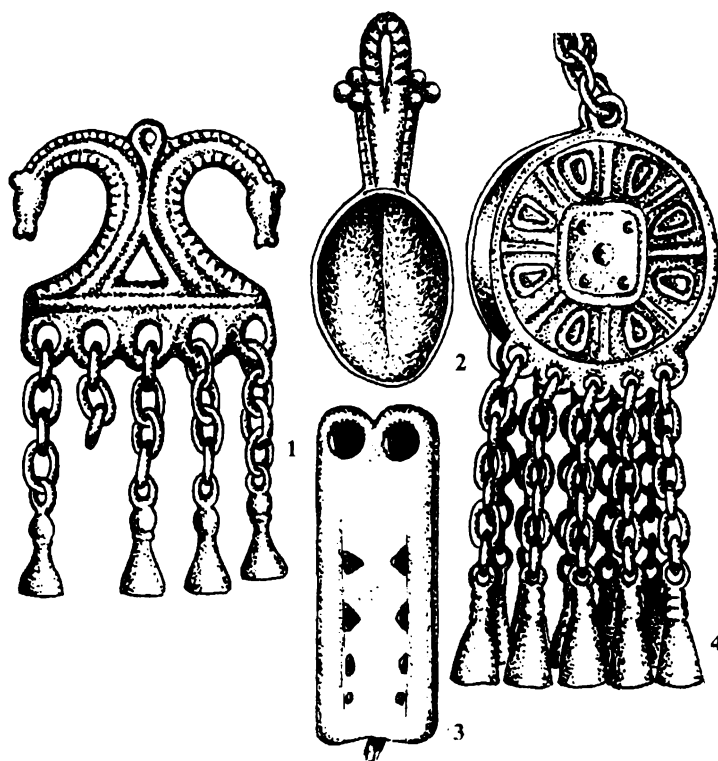

Рисунок 24. Поясные подвески-амулеты ломоватовского времени

шие крылатого пса («крылатая собака-сенмурв»), характерные для данного периода, и ранние формы флаконовидных пронизок.

Одновременно в VIII в. бытовали пояса тюрко-аварского типа, которые в неволинской культуре характерны для мужских захоронений, а в ломоватовской встре-

чаются и в женских комплексах (рис. 21:6). Эти пояса представляют собой кожаный ремень шириной около 2 см, украшенный прямоугольными, арочными, серпообразными и пр. накладками, снабженный пряжкой и наконечником [Голдина, Водолаго, 1990. С.74-75].

В конце VIII – первой половине

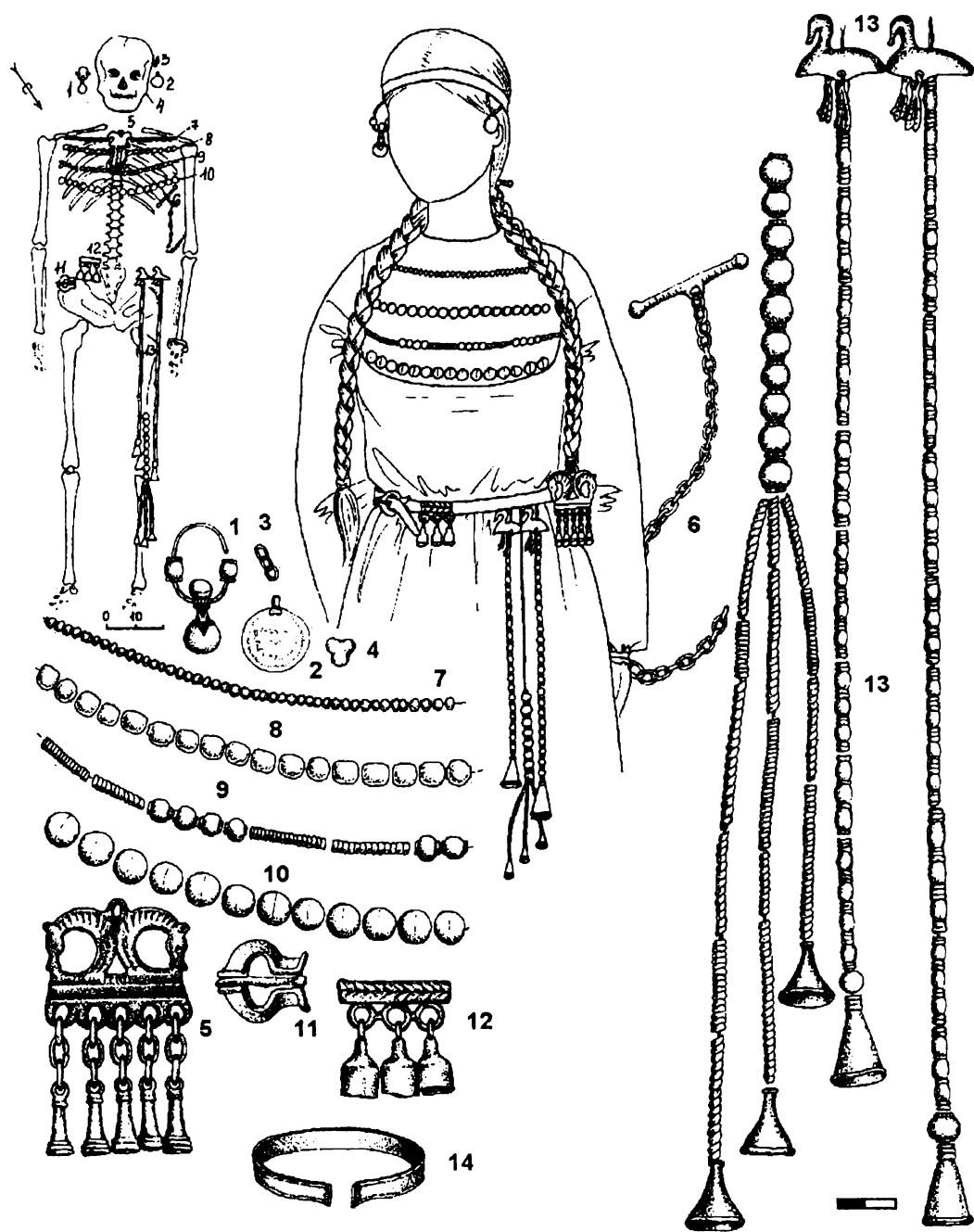

Рисунок 25. Реконструкция женского костюма ломоватовского времени.
Редикарский могильник

X вв. получили распространение пояса салтовского типа с цельнолитыми 8-образными пряжками, щитовидными, сердцевидными, круглыми и пр. накладками, нередко с колечками (рис. 23). В этот период женские пояса иногда дополнялись биконьковыми шумящими подвесками, шумящими

подвесками-коробочками, подвесками-ложками (рис.24). Вариации зооморфных пронизок заметно уменьшились [Голдина, 1985. С.131], в составе поясных низок встречаются только объемные пронизки-уточки и лебеди (рис.25).

На рождественском этапе X-XI

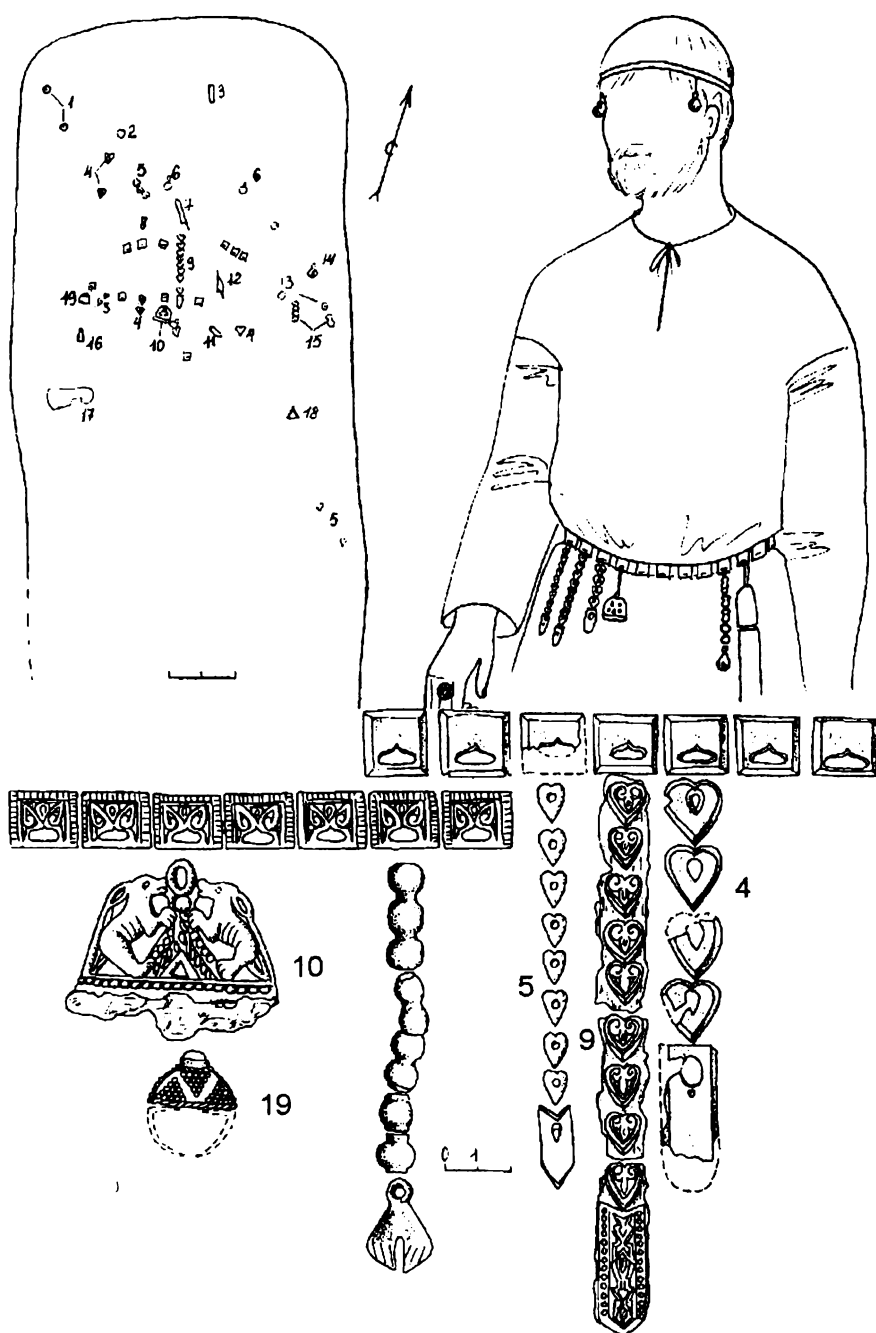

Рисунок 26. Реконструкция мужского костюма.
Рождественский могильник

вв. преобладала поясная гарнитура болгарского ремесленного производства – разнообразные варианты квадратных, щитовидных, сердцевидных и пр. накладок, цельнолитые восьмеркообразные пряжки и со щитком, имеющие широкий ареал распространения (рис.26). Особенно популярными

были болгарские мелкие накладки, использовавшиеся в составе поясных привесок, изображавшие стилизованную морду животного (вероятно, медведя). При этом встречаются и отдельные типы накладок, например, квадратные с «Ж»-образным орнаментом (рис. 27), и восьмеркообразные пряжки

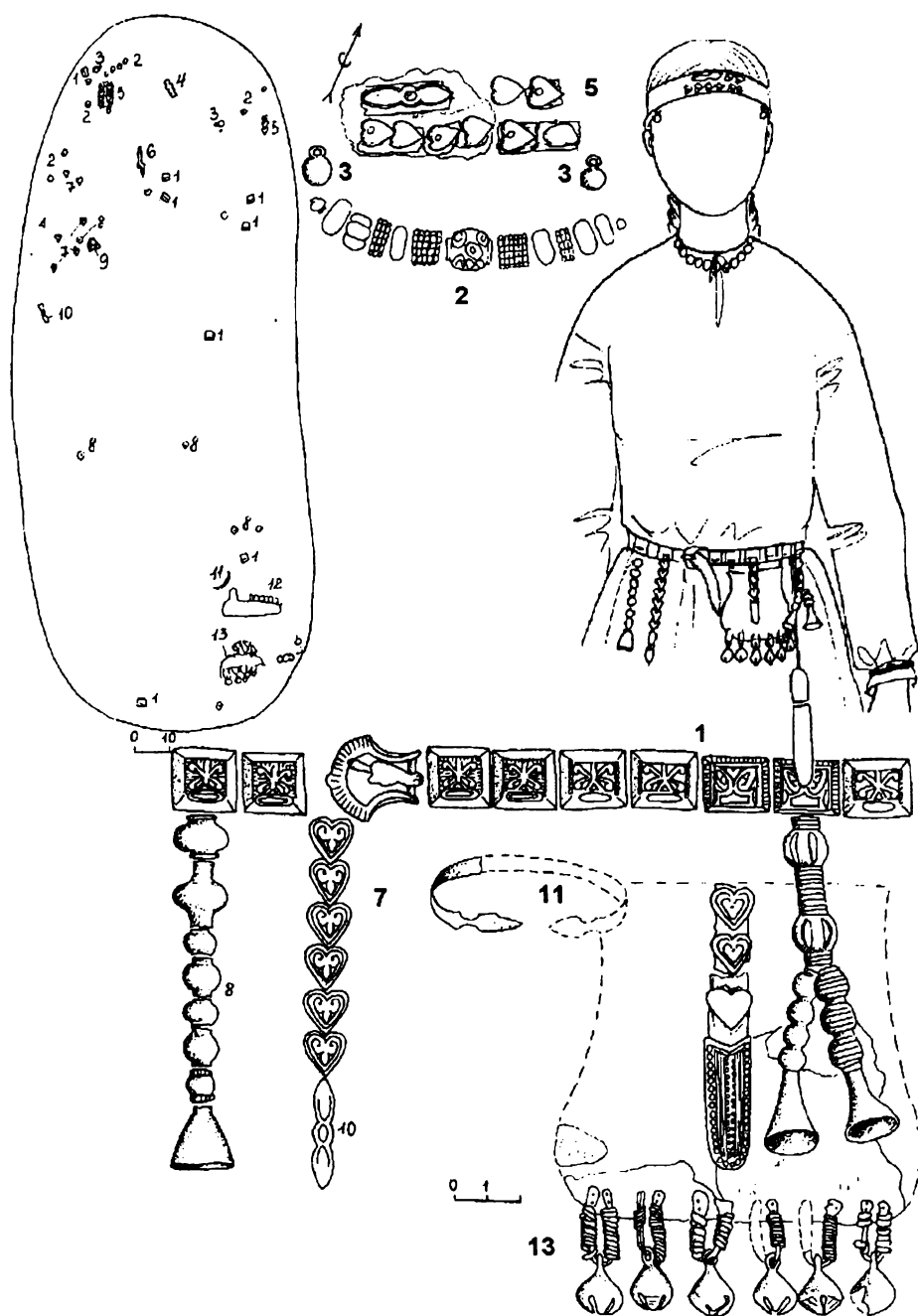

Рисунок 27. Реконструкция женского костюма.
Рождественский могильник

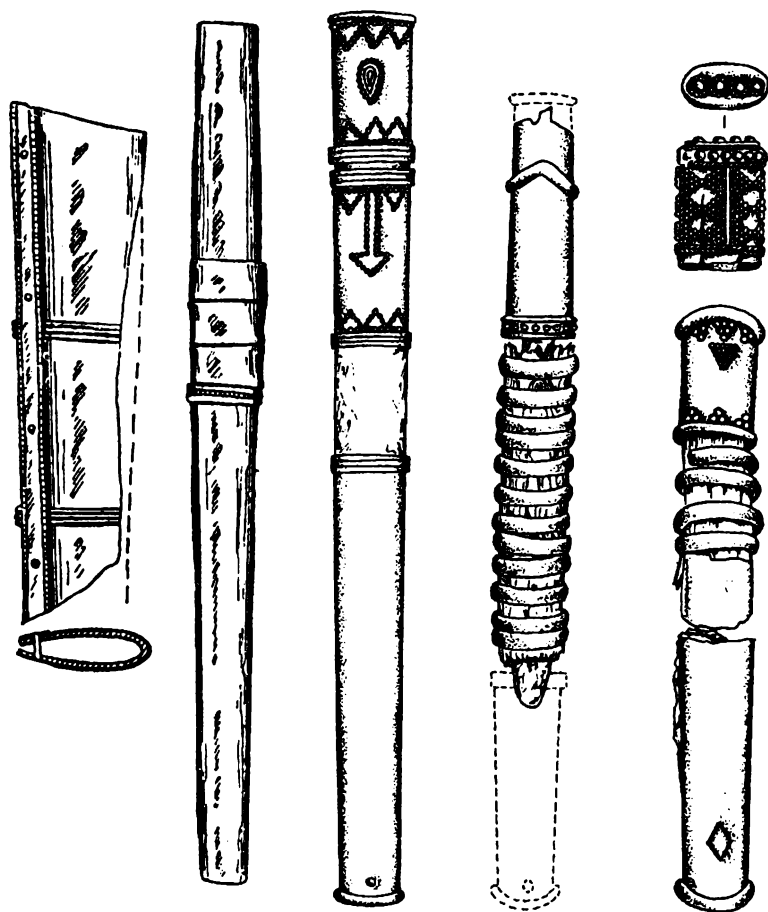

Рисунок 28. Деревянные ножны с металлическими накладками из Пермского Предуралья. V-XI вв.

особой конструкции, распространенные только на памятниках Пермского Предуралья.

Привески-низки в этот период состояли в основном из бронзовых трубчатых пронизок и бус, среди которых наиболее типичными были флакончатые бусы, завершались разнообразными пронизками-колокольчиками или привесками-бубенчиками. Изредка в составе низок встречаются и пронизки-уточки.

На позднем этапе поясная гарнитура становится очень стандартной, уже со второй половины XI в. в Пермском Предуралье получили распространение выпуклые

щитовидные накладки с растительным орнаментом, напоминающим очертания бабочки, которые оставались основным видом накладок вплоть до XIV в., для украшения поясных привесок-ремешков использовались сердцевидные и розетковидные накладки, которые также почти не изменялись на протяжении очень длительного промежутка времени. Это, вероятно, связано с тем, что на ранних этапах постоянно возникали новые импульсы в развитии поясной гарнитуры, когда же в XI в. в Восточной Европе распространилась мода на железную поясную гарнитуру, местное население, для кото-

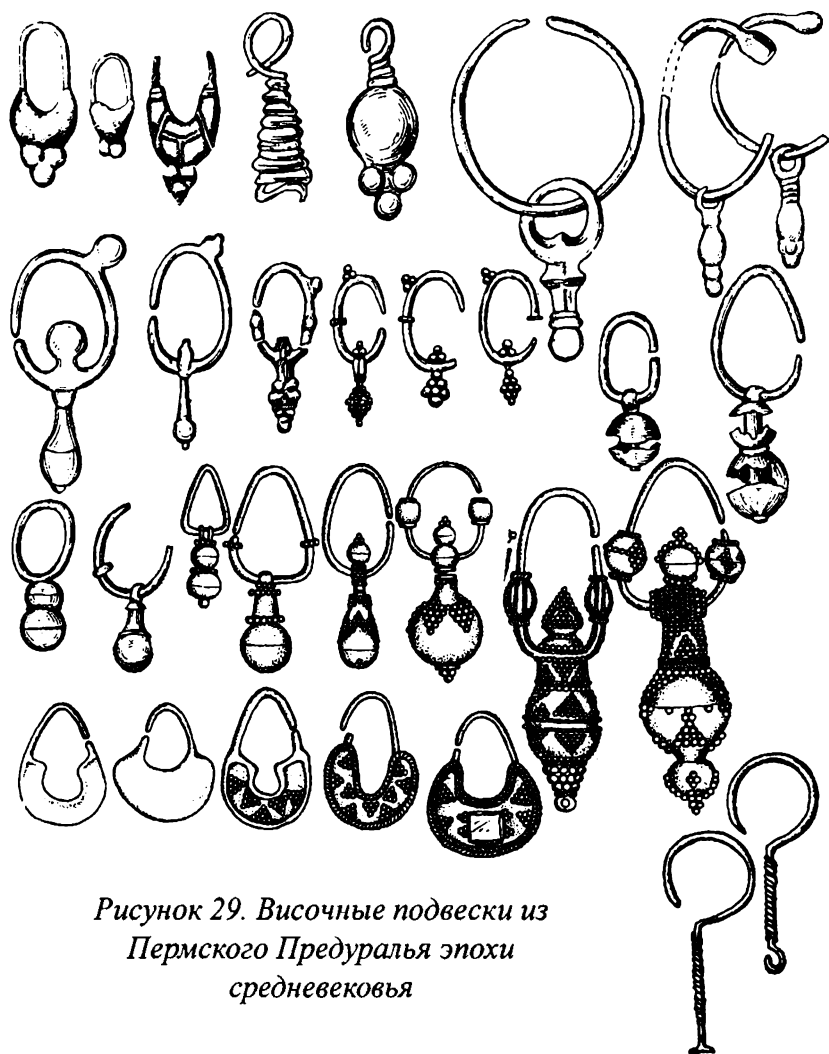

Рисунок 29. Височные подвески из
Пермского Предуралья эпохи
средневековья

рого бронзовые накладки на пояс имели, очевидно, особое сакральное значение, вынуждено было довольствоваться исключительно продукцией местных бронзолитейщиков, которые, выработав определенный набор форм накладок, не изменяли их внешнего вида в силу консервативности традиционной культуры. В составе привесок-низок на позднегородановском этапе присутствовали Ф-видные шумящие пронизки.

Нож на поясе в харинское время носили в деревянных ножнах, обложенных медными пластинами, украшенными полугорошинами [Голдина, 1985. С.125], а на рубе-

же IX-X вв. распространились покрытые серебром и украшенные зернью и сканью ножны, характерные для наиболее богатых женских погребений (рис.28).

На харинском и ломоватовском этапах распространенной деталью костюма являлись височные подвески (серьги) и браслеты.

Характерными для харинского времени считаются височные подвески лунничного типа (калачиковые), хотя одновременно также довольно широко бытовали простые проволочные кольца с привесками в виде свитого из проволоки колокольчика, в ломоватовский период получили распростра-

нение разные варианты височных колец с привеской в виде полого шарика и серьги с гроздьевидной привеской, для рождественского этапа наиболее характерны проволочные круглые, овальные, грушевидные кольца и калачевидные подвески, в позднегородничевский период изредка встречаются серьги в виде знака «?» (рис. 29).

Начиная с харинского времени до XI в. обязательной принадлежностью женского костюма являлись наконечники (рис. 30), которые эволюционировали от зооморфных пронизок коньков, уток и медведей, плоских подвесок-коньков и ранних форм шумящих арочных подвесок на харинском этапе, к разнообразным шумящим подвескам – биконьковым, арочным, с изображением медведя в жертвенной позе, колесовидным и пр. – в ломоватовское время, и простым цепочкам и низкам из бронзовых бус на рождественском этапе. Из всех многочисленных разновидностей наконечников наиболее устойчивым типом оказались арочные шумящие подвески – с простой пластинчатой основой в харинское время, литые ажурные с изображением ростка (арочные подвески «прикамского типа») или медведя, характерные для ломоватовского периода, выполненные в технике имитации косоплетки, бытовавшие со второй половины XI в. вплоть до XIII-XIV вв., высокохудожественные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, с позолоченным фоном и встав-

ками из полудрагоценных камней, известные в XI-XIII вв.

Браслеты в харинское и ломоватовское время преобладали простые прутковые, с VIII в. наряду с ними распространяются граненые прутковые браслеты с кружковым орнаментом, пластинчатые, витые и псевдовитые. Подобные браслеты сохранились и на рождественском этапе, для которого наиболее характерными могут считаться граненые прутковые и пластинчатые с округлым расширением на концах с кружковой орнаментацией, в этот же период получают распространение литые плоские бронзовые браслеты, имитирующие болгарские ювелирные серебряные браслеты со скано-зерневой орнаментацией и вставками из цветных камней на концах (рис. 31:9).

Перстни на харинском этапе существовали медные из очень тонкой пластины, из-за очень плохой сохранности они фиксируются достаточно редко, для ломоватовского периода наиболее характерны цельнолитые бронзовые перстни с разнообразной формой щитков, в IX-X вв. получили распространение т.н. «салтовские» перстни со вставкой. Для рождественского периода наиболее типичны пластинчатые медные и серебряные перстни без орнаментации, но в это же время появились перстни с ювелирным серебряным «колпачком» на месте щитка, к которому припаивались два медных «ушка», образующих кольцо (рис. 31:12). Последние представлены

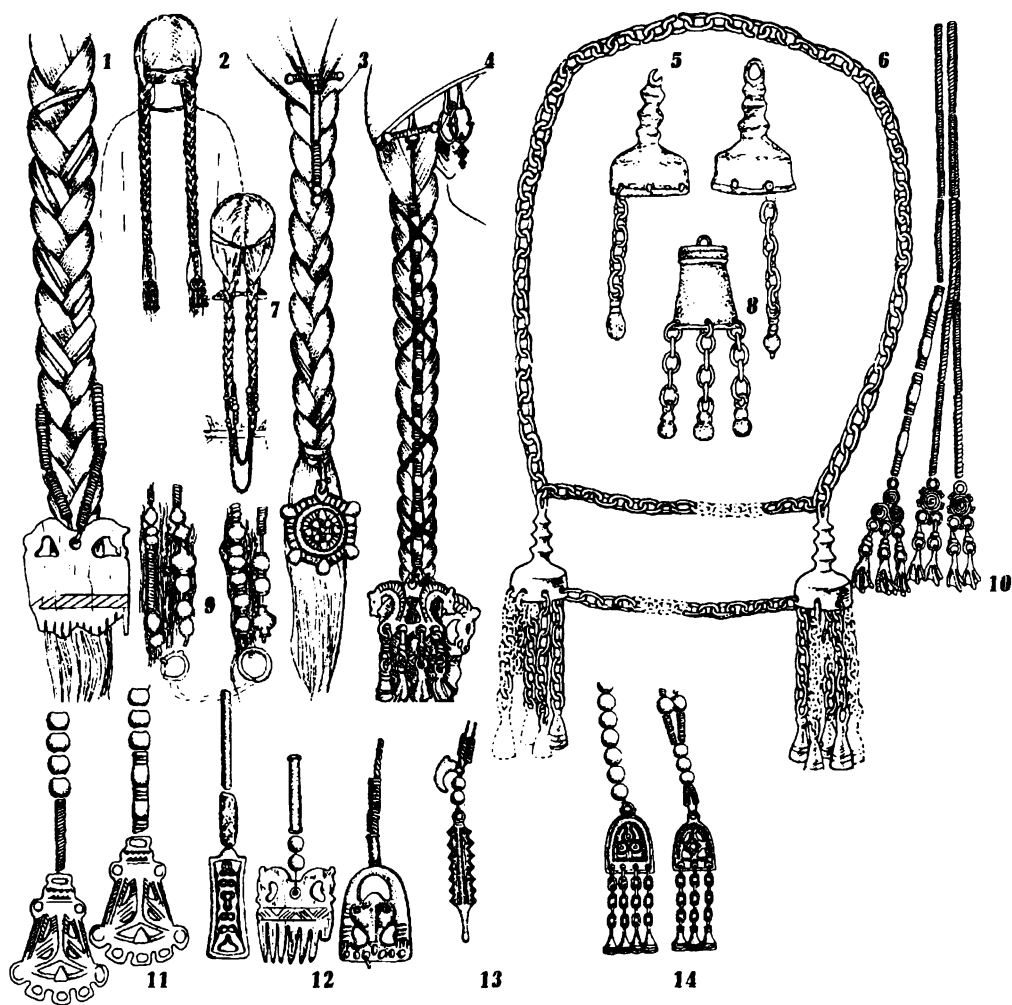

Рисунок 30. Виды накосников

преимущественно в наиболее богатых мужских, реже женских, погребениях, и имели, вероятно, наиболее престижный характер. На позднеродановском этапе наиболее массовыми являлись провололочные спиральновитые перстни.

Результаты статистического анализа элементов декора костюма средневекового населения лесного Прикамья и кочевников-степняков, представленные в приведенных выше таблицах и графах, позволяют создать гипотетическую модель основных компонентов, формирующих облик костюма рассматриваемых групп населения (табл.5).

За основу полового членения вещевых комплексов, с определенной долей условности, нами взяты оружие и принадлежности конской сбруи – для мужских погребений и ожерелья из стеклянных бус – для женских.

Из указанной таблицы следует, что мужской костюм «харинцев» и «ломоватовцев» характеризуется, прежде всего, наличием пояса, украшенного пряжкой и несколькими накладками. Возможно, здесь мы имеем отражение культурной преемственности данных групп прикамского населения. Она наглядно прослеживается и на женском костюме, для которого,

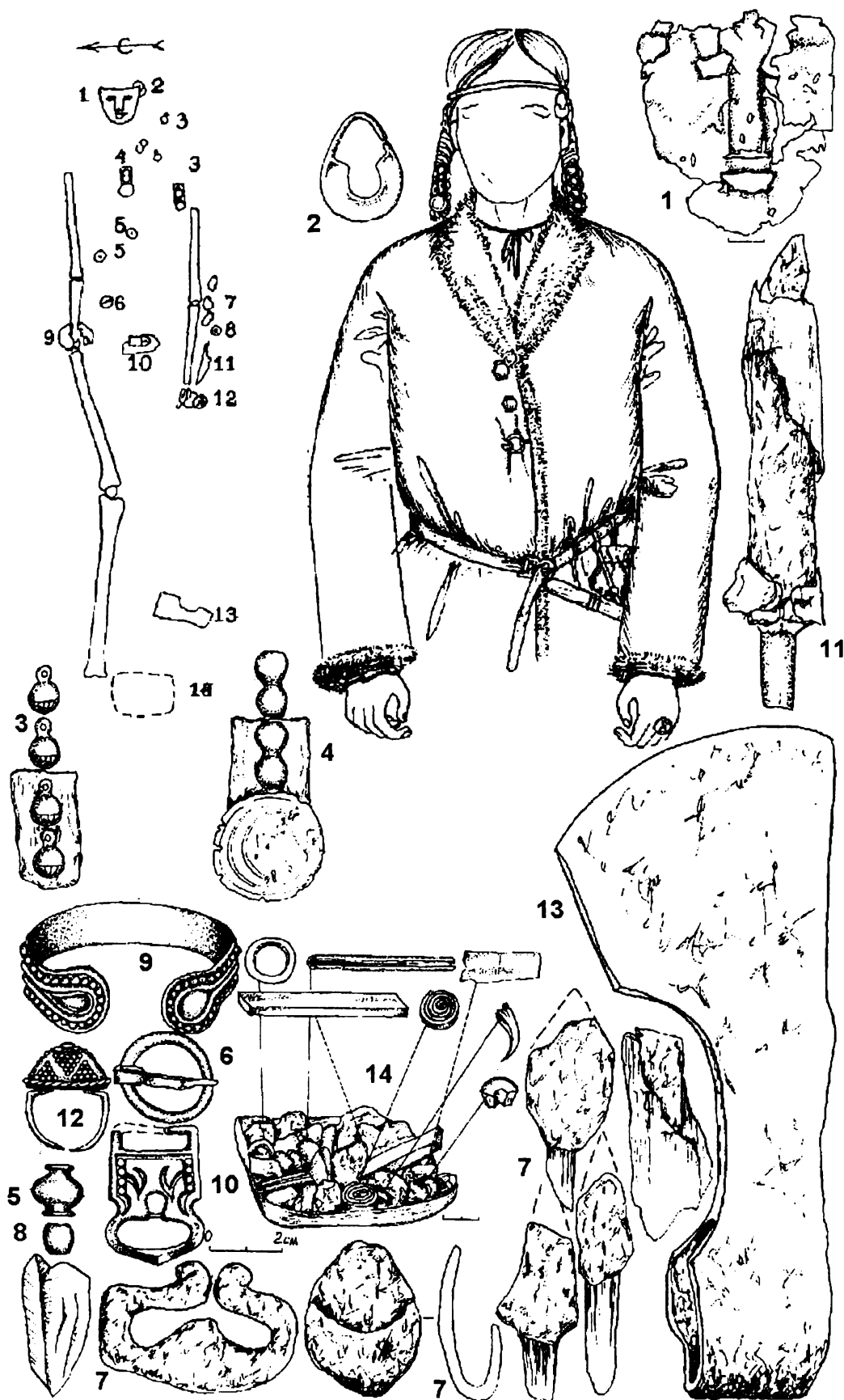

Рисунок 31. Реконструкция мужского костюма XI в.
Огурдинский могильник

	Признак	Этнокультурная группа							
		Харино	Ломоватово	Тюрки	Рождеств.	Печенеги	Роданово	Половцы	Кыпчаки
Мужской	Оружие	+	+	+	+	+	+	+	
	Конская сбруя	+	+			+		+	
	Нож				+		+		
	Поясные наборы целиком			+					
	Пряжки+накладки	+	+	+		+			
	Пряжка						+		
	Накладки						+		
	Привески-ремешки				+				
	Серьги, подвески			+		+		+	
Женский	Ожерелье из бус	+	+		+	+	+	+	+
	Накосник	+	+		+				
	Полный пояс	+	+						
	Накладки				+		+		
	Привески-ремешки		+		+		+		
	Привески-низки		+		+		+		
	Перстни		+			+	+		
	Браслеты	+	+			+			
	Серьги, подвески	+	+			+		+	+
	Гривна, цепь	+							
	Зеркало							+	+
	Головной убор							+	+
	Нож	+	+		+		+		

Таблица 5.

Статистически обусловленные элементы костюмного декора средневекового населения лесного Прикамья и кочевников евразийских степей

кроме практически обязательного ожерелья, характерны накосники, полные поясные наборы, серьги-подвески, браслеты и подвешенный к поясу нож. Отличие состоит только в том, что харинские женщины носили еще и гривны, а у ломоватовских в ходу появляются перстни, привески-ремешки и привески-низки, подвески-амулеты на поясе.

У синхронных им древних тюр-

ков женский костюм статистически не вычленяется, зато для мужского характерными оказываются полные поясные наборы и серьги.

Мужской костюм кочевников огузо-печенежского времени по своим атрибутам как бы продолжает древнетюркский (отличие заключается в том, что у огузов и печенегов полные поясные наборы встречаются значительно

реже). У синхронных же им «рождественцов» лесного Прикамья в качестве характерной детали костюма выступают привески-ремешки к поясу и нож. Что касается женского костюма сравниваемых групп населения X-XI вв., то он вообще, кроме ожерелья из бус, не имеет никаких общих признаков. То же самое относится и к убранству костюма лесного прикамского и степного кочевого населения XII-XIV вв. (табл.5).

Эти факты заставляют нас обратиться к мировоззренческому аспекту формирования декоративного ансамбля костюма средневекового населения рассматриваемых территорий, поскольку костюм, как известно, отражает не только форму адаптации тех или иных этносов к окружающей их природной среде, но и их эстетические и религиозные традиции.

ТЛАВА 2. Мировоззренческие основы формирования элементов декора костюма средневековых жителей Прикамья и Предуралья

Современная археология и этнология рассматривает костюм и, в частности, его декор, не только как часть материальной культуры, но и как особый символический мир, формирующийся на протяжении многих эпох. Расшифровать семантику элементов убора средневекового костюма достаточно сложно, и, вероятно, зачастую наши предположения не всегда бывают объективными. Но, тем не менее, этот вопрос всегда волновал и будет волновать исследователей, так как познание внутреннего мира людей прошлого представляет большой интерес.

Исследователи отмечают, что в костюме народов урало-поволжского региона прослеживаются единые корни и взаимовлияния, что отражается в украшениях, покрое, цветовой гамме и семантическом значении частей костюма. Среди финно-угорских народов древние пласты традиционной культуры лучше всего сумели сохранить обские угры. У волжских и пермских финнов эти древние пласты прослеживаются только на археологическом материале или в виде трудно дешифруемых мест в фольклоре. Поэтому попытки реконст-

рукции символики средневекового костюма с позиций угорской мифологии предпринимаются не только исследователями древностей Пермского Предуралья, население которого, на наш взгляд, было родственным предкам хантов и манси, но и исследователями древностей поволжских финнов, костюм которых также имеет некоторые параллели с костюмом обских угров [Павлова, 2002. С.65].

В костюме Прикамского населения довольно четко фиксируются половые особенности, вызванные разным предназначением мужчин и женщин. Мужской костюм функционален, содержит незначительное количество декоративных элементов, в то время как в женском костюме наблюдается сравнительно много разнообразных украшений, играющих, прежде всего, роль амулетов, связанных с женской функцией деторождения.

Декор женского костюма в целом представляет собой комплекс амулетов. Если рассматривать его с позиций угорских представлений, этот комплекс амулетов в наибольшей степени связан с культом верховной богини-матери Калташ (Калтась). У угорских женщин украшения были сосредоточены в четырех местах, соответствующих местам обитания женских душ: душа-голова и ее продолжение волосы¹ оформлялись всевозможными налобными повязками, накосными украшениями, ложными косами или покрывались платком; душа-сердце-плечи закрывалась

бисерным воротником, различными нагрудными украшениями; душе-животу соответствовали пояса; душе-ногам – бисерная или орнаментированная обувь. Украшения членили тело женщины, отделяя одну душу от другой, и вместе с тем служили берегами этих душ, выполняя очистительную функцию [Перевалова, 1992. С.90].

В женском прикамском костюме наблюдается аналогичное расположение украшений (за исключением обуви, о которой очень мало данных). Основным атрибутом мужского костюма был пояс. Довольно часто мужчины носили височные подвески и серьги, в отдельных случаях – нагрудные украшения, браслеты и кольца.

Наиболее распространенным украшением головы были височные подвески и серьги. До XI в. и мужчины и женщины пользовались однотипными височными подвесками, отличие было только в том, что женщины обычно носили две, а мужчины – одну подвеску. Височные украшения усиливали охранительное значение головного убора, так как они, по представлениям древних, препятствовали воздействию на мысли и волю людей со стороны недобрых людей, колдунов, нечистой силы. Вероятно, именно этим объясняется такое широкое распространение височных подвесок у различных народов Европы в период средневековья. Височные подвески, распространенные в Прикамье, чаще всего представляли собой

проволочное кольцо круглой, овальной или грушевидной формы, которое использовалось само по себе или дополнялось разного рода привесками.

На самых ранних средневековых памятниках Прикамья в качестве привесок височных колец использовались колокольчики, свернутые в виде спирали из проволоки. Колокольчик, в первую очередь, ассоциируется со звоном, который он способен издавать. Как известно, звон и бряцание металлов - наиболее распространенные обереги, действующие на слух злых духов, оглушающие их [Зеленин, 1931. С.734]. Шумовой эффект считался одним из основных способов устрашения нечистой силы у многих народов вплоть до недавнего времени. Колокольчики, бубенчики и другие побрякушки вешались на шею скоту, чтобы на скотину не напали волки [Сидоров, 1928. С.129]; манси еще в первой половине XX века пришивали к детской одежде колокольчики, которые, с одной стороны, считались оберегом от злых духов, с другой - позволяли найти ребенка в том случае, если он в данный момент не находится в поле зрения взрослых [Федорова, 1988. С.85].

В эпоху средневековья колокольчики широко использовались в составе нагрудных украшений как привески шумящих подвесок, как завершение поясных привесок. Они продолжали использоваться и как самостоятельное височное

украшение, в отдельных случаях дополняясь шумящими привесками, усиливающими охранительный эффект.

С VI в. получают распространение височные кольца с привесками в виде полых шариков. Варианты подобных привесок различны: наиболее ранние представляют собой один шарик, который с помощью петельки надевается на кольцо-основу, впоследствии 1-2 шарика нанизываются на стержень, припаянный к кольцу, или шарик дополняется конусом, в сочетании с которым приобретает грушевидную форму. Височные подвески с полым шариком широко использовались до конца X в., хотя отдельные украшения, выполненные болгарскими ювелирами, встречаются до XIII века [Белавин, 2000. С.73-78]. В XI в. в качестве самостоятельных височных украшений продолжали использоваться шаровидные привески, состоящие из двух половинок. Шаровидная привеска может быть сопоставлена с яйцом, из которого, согласно многим мифологическим традициям, возникает вселенная. Подобный вариант творения мира из яйца, снесенного птицей, известен и в финно-угорской космогонии [Мифы народов мира, 1982. С.564, 681]. В этой связи, по мнению В.Г.Котова, не случайно Небо-и-Земля в Ригведе выступают как две половинки мироздания или как две соединенные чаши. Интересно, что в мировоззрении населения Хазарии сохранились пред-

ставления, характерные для древних индоиранцев и, в частности, были распространены культовые предметы в виде двух соединенных чаш, являющихся образом Мира: Неба-и-Земли. Возможно, с этим связано и присутствие срединного ободка (обычно из зерни) на овальных бусинах болгарских височных колец [Котов, 2001. С.193]. Космогоническая функция яйца соотносится с важной ролью яиц в ритуалах плодородия.

Таким образом, привески в виде шарика-яйца с одной стороны могли являться амулетом, придающим плодородие, а с другой стороны, выполняли функцию оберега. В.Г.Котов отмечает смешение в болгарских украшениях, и в частности кольцах с полыми бусинами, мифологических образов и фольклорных мотивов финских, индоиранских и тюркских народов. Он считает, что данный тип украшений появился в Волжской Болгарии как амулет-оберег, отвечая запросам полиэтничного населения, еще сохранявшего в значительной мере свои языческие представления. В этой связи интересен сам факт целенаправленного изготовления подобных амулетов-оберегов с учетом всех нюансов мифологии местного населения в ювелирных мастерских Волжской Болгарии [Котов, 2001. С.194].

С конца VI-VII вв. начали распространяться височные кольца с гроздьевидной привеской. Наиболее ранние варианты этих приве-

сок, надевающиеся на кольца с помощью петли, представляли собой литой стержень каплевидной или бипирамидальной формы, завершающийся гроздью шариков. В VII-X вв. привеска составляла одно целое с кольцом, она сохранила бипирамидальную форму, только теперь целиком состояла из спаянных между собой мелких шариков. Вполне вероятно, что данные привески представляют собой схематический образ мирового дерева. При этом две пирамиды бипирамидальной привески, очевидно, воплощают соединение обычного и перевернутого дерева. Образ перевернутого дерева нередко встречается в шаманских ритуалах [Мифы народов мира, 1982. С.400-402]. Подвеска со временем приобретает трехчастную структуру: само кольцо, декоративная дужка в его нижней части, дополненная небольшой пирамидкой зерни в месте крепления привески, бипирамидальная привеска из зерни. Эта структура, вероятно, отражает основные зоны вселенной – верхнюю (небесное царство, выраженное в виде кольца – известного символа солнца), среднюю (земля – декоративная полоса), нижнюю (подземное царство – перевернутое мировое дерево) [Подосенова, 2003. С.67], которые у большинства народов также выражаются в виде мирового дерева [Мифы народов мира, 1982. С.398-399].

Образ мирового дерева соотносится с общей моделью брачных

отношений, с преемственной связью поколений, с представлениями о продолжении рода [Мифы народов мира, 1982. С.400]. Еще один вариант височных подвесок, распространенных в Прикамье, представляет собой т.н. «калачевидные» кольца. Их ранняя разновидность, относящаяся к VI в., имела дужку и тулово в виде полого калачика, состоящего из двух половинок, дополненное снизу пирамидкой из четырёх шариков.

В XI в. получили распространение плоские калачевидные кольца в виде дужки и полумесяца, обращенного рогами вверх. Калачевидные кольца XI в. встречаются преимущественно в богатых мужских погребениях и, вероятно, являются знаком высокого социального положения. Эта разновидность украшений, возможно, отражала сменяющие друг друга небесные светила, день и ночь: солнце в виде замкнутой окружности и луну, находящуюся в нижней части [Подосенова, 2003. С.75]. В VI-VII вв. привесками височных подвесок нередко служили гладкие металлические диски, с этого же времени в отдельных случаях в качестве височных подвесок использовались восточные серебряные монеты. Как известно, любой металлический кружок в древности мог являться символом солнца. Соллярные знаки выступали в качестве оберегов общего порядка.

Среди украшений, сосредоточенных в области головы, особая роль отводилось накосникам. В

древности волосы считались и символом красоты, и средоточием душевной силы человека. По представлениям угров, одна из душ - lili - живет на кончиках волос, похожа на птицу и после смерти человека переселяется в новорожденного [Чернецов, 1959. С.137]. Поэтому в угорской культуре существовал целый ряд запретов, связанных с волосами; стрижка волос рассматривалась как потеря души [Клюева, Михайлова, 1988. С.105; Перевалова, 1992. С.87]. Длинные волосы заплетали в косы и женщины и мужчины. Но, в отличие от женщин, мужчины подгибали косы таким образом, что из нижнего конца плотной обмотки торчит не кончик косы, а округлый пучок волос, а сами косы, таким образом, получаются короткими и заканчиваются на уровне мочек ушей или чуть ниже [Клюева, Михайлова, 1988. С.109].

В Прикамских средневековых могильниках в отдельных случаях удается зафиксировать мужские накосники в погребениях знати X-XI вв. В состав этих накосников входили пронизки, полые шаровидные привески, монеты. Но обычно мужчины, вероятно, обматывали косы шнурками, как это фиксируется по этнографическим материалам. Среди женских украшений кос самое существенное место отводится шумящим подвескам, которые начали формироваться в V-VII вв., а периодом их высшего расцвета можно считать

VIII-X вв. Существовали представления о том, что женские волосы являются вместилищем души не только самой женщины, но и ее будущих детей. Для увеличения силы, заложенной в волосах, использовались ложные косы, которые были гораздо длиннее, чем натуральные, и висели ниже пояса. Практически все виды накосных украшений зрительно удлинняли косы женщин, а ложные косы делали их к тому же более толстыми, тем самым, видимо, увеличивая силу волос [Клюева, Михайлова, 1988. С.106,109,128].

Косы угорских женщин свисали с затылка на спину и соединялись между собой низками бус, цепочками или просто цветными шнурками. Накинута на голову шаль закрывала волосы от посторонних глаз. В средневековых могильниках Пермского Предуралья женские накосники нередко располагаются очень низко - почти на уровне пояса, а в некоторых случаях и ниже (поэтому исследователи ошибочно относят их к поясным украшениям). В большинстве случаев они располагаются по обе стороны туловища в области живота (их, как правило, авторы называют нагрудными украшениями).

В повседневной жизни косы, вероятно, были соединены за спиной, но у умерших их расцепляли, и при погребении укладывали на грудь. Подвески-накосники крепились в прическе на длинных ремешках или цепочках, причем ре-

мешки нередко унизывались бусами и пронизками. Основные виды подвесок-накосников обычно использовались парами. В отдельных случаях они дополнялись второстепенными накосниками-амулетами.

Ношение женщинами накосников можно объяснить исходя из мифологических представлений о косах угорской богини Калтащ, которые являются медиатором между средним и верхним миром. Причем эти мифологические параллели используют для своих реконструкций и исследователи костюма волжских финнов [Павлова, 2002. С.65]. Женские волосы, вероятно, в какой-то степени отождествлялись с волосами богини-матери Калтащ, в число важнейших обязанностей которой входила забота о рождении на земле детей. В угорском фольклоре Калтащ чаще всего рисуется как молодая красивая женщина, волосы которой «развеваются как семикратная Обь вместе с устьем, как семикратное море вместе с устьем, из кос расходится дневной свет, и в них возникает лунный свет» [Сагалаев, 1990. С.23].

Ваховские ханты считали, что богиня посылала на землю детей с помощью солнечного луча [Кулемзин, 1984. С.172]. Такая деталь женских прикамских накосников, как блестящие цепочки или низки бронзовых бус и пронизок, вполне может быть сопоставлена с солнечным лучом-волосом, дающим жизнь ребенку. Кроме того, коса

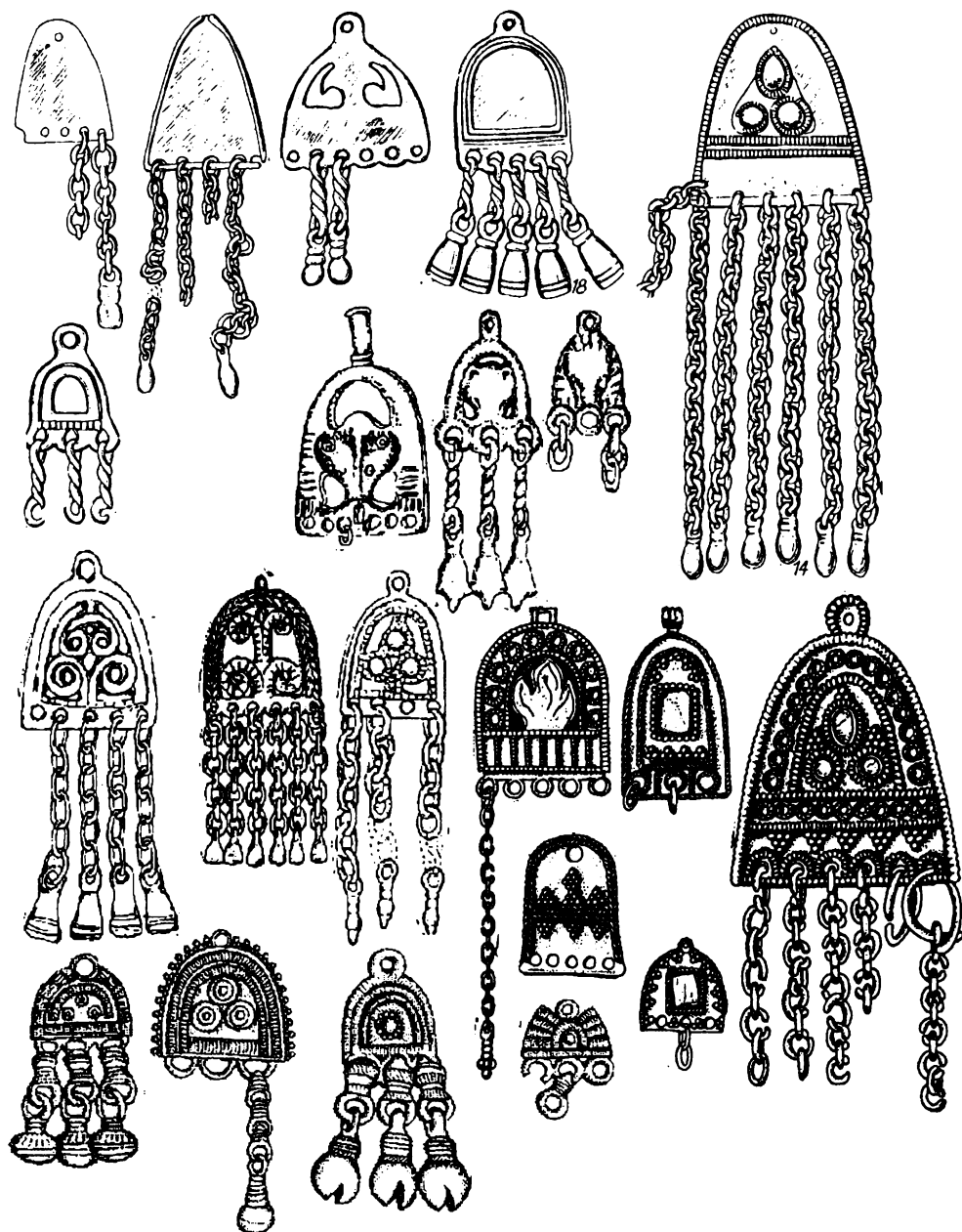

Рисунок 32. Арочные подвески-накосники

божества (как женская, так и мужская) в мифологии манси – олицетворение связи между разными сферами мира. Материализацией подобных представлений были накосные металлические украшения [Мифология манси, 2001. С.70]. Особенности декора подвесок-накосников в большинстве случаев также можно объяснить с точки зрения представлений о бо-

гине-матери.

Самыми распространенными накосниками были арочные и биконьковые шумящие подвески. Наиболее ранние арочные шумящие подвески (рис. 32) появляются еще в V веке [Голдина, Водолаго, 1990. Табл.LXV/69,70]. Их форма может быть обусловлена связью с землей как воплощением плодородного начала. В ряде сю-

жетов богиня Калташ низвергается с неба ее божественным супругом и поселяется в горе [Мифы народов мира, 1980. С.617]. В этой горе висели колыбели с душами будущих детей. Арочная форма подвесок может сопоставляться с формой горы или пещеры.

Первоначально арочные подвески представляли собой гладкие неорнаментированные пластины с 5-6 привесками-цепочками. В VI-VII вв. на концах цепочек появляются гириковидные привески, которые могут быть соотнесены с птичьими яйцами. Одной из ипостасей богини-матери Калташ был гусь, и «богиня-мать, рождающая детей», ассоциировалась с «птицей, высиживающей в гнезде яйца» [Сагалаев, 1990. С.28]. В это же время распространяются арочные подвески в виде рамки, украшенной насечками, с привесками в виде стилизованных лапок водоплавающей птицы, соотносящихся с птичьей ипостасью богини.

Позднее арочные подвески стали несколько усложняться. Появляются ювелирные подвески с бордюром из зерни и каменными вставками, а в VIII-IX вв. широкое распространение получают наиболее характерные для Прикамья ажурные подвески, представляющие собой арочный бордюр, украшенный насечками или рядом выпуклин, внутри которого размещалось стилизованное изображение ростка – распространенного символа зарождающейся жизни. Как писал В.В.Седов: «С глубокой

древности в языческом мировоззрении образ женщины, ожидающей ребенка, переплетался с образом прорастающего в земле зерна» [Седов, 1982. С.267]. Привесками к таким подвескам по-прежнему служили гириковидные привески, лапки или колокольчики.

Одной из разновидностей арочных подвесок были подвески со стилизованным изображением медведя в жертвенной позе. Это хорошо известное канонизированное изображение было распространено в Прикамье еще с гляденовского времени, однако, оно обычно оно было присуще мужским украшениям – поясным накладкам и пряжкам. У женщин украшения с изображением медведя появляются с VI в. Это были объемные пронизки в виде фигурки стоящего медведя, которые также использовались в составе накосников [Голдина, Водолаго, 1990. Табл.LXII/32,34,35].

Присутствие изображения медведя на женских украшениях на первый взгляд кажется странным, так как имеется множество фактов, свидетельствующих о том, что женщины, особенно беременные, «избегали» медведя – не смотрели на него во время медвежьего праздника, не ели его мяса, боялись ходить в лес в одиночку. Но, с другой стороны, в угорской мифологии указывается, что первая женщина фратрии Пор была рождена медведицей, съевшей растение порых [Мифы народов мира,

1982. С.567]. Таким образом, медведицу можно рассматривать как «мать-прародительницу», и связывать образ медведя на подобных подвесках с космогоническими представлениями.

Кроме того, манси и ханты предполагали, что Ем-вожи-ики (медведь) помогает больным, и при бессоннице или тяжести ему приносили жертву, он был способен также помочь женщине при родах [Гемуев, Бауло, 2001. С.28]. Отсюда можно сделать предположение, что арочные шумящие подвески с изображением медведя использовались женщинами как амулет в период беременности или болезни.

Арочные шумящие подвески продолжали использоваться в качестве накосников еще в XIX в. [Анучин, 1890].

В конце X – XI вв., когда традиционные арочные подвески-накосники «прикамского типа» вышли из употребления, на смену им пришли изделия, выполненные в технике, характерной для финнов. В это же время получили распространение гребни, повторяющие арочную форму подвесок и, вероятно, сохраняющие их значение.

Другой массовый тип накосников представлен биконьковыми шумящими подвесками, т.н. коньковыми подвесками «прикамского типа» (рис. 33). По мнению В.А. Оборина, эти подвески распространяются в Прикамье в VII - VIII вв. как результат развития их ранних прототипов в виде изображе-

ния одного коня, встречавшихся с ананьинского времени [Оборин, 1970. С.18]. Изображения двух конских голов, развернутых в разные стороны, появляются первоначально на поясных накладках и пронизках.

Биконьковые подвески прикамского типа отличаются разными особенностями оформления и размерами, но сближает их реалистичность изображения морд коней, развернутых в противоположные стороны, а также особый смысл этих украшений. К основе коньковых подвесок крепились цепочки с копытцами, колокольчиками или «утиными лапками» на конце. Ранние формы биконьковых шумящих подвесок распространяются с конца VII века. Первоначально они имели гладкую неорнаментированную основу с четырьмя привесками-колокольчиками («копытцами»). Позже в нижней части основы появляется горизонтальная полоса с насечками или выпуклинами, стали обозначаться гривы коней, а в некоторых случаях – глаза. К IX - XI вв. число шумящих привесок увеличивается до 6, в центре основы появляется прорезь в виде двух треугольников, сложенных вершинами, или, реже, двух круглых прорезей, на концах шумящих цепочек размещаются утиные лапки или простые колокольчики. В X в. получают распространение подвески с прорезью на основе из соединения овала и треугольника, напоминающей замочную скважину; морды коней те-

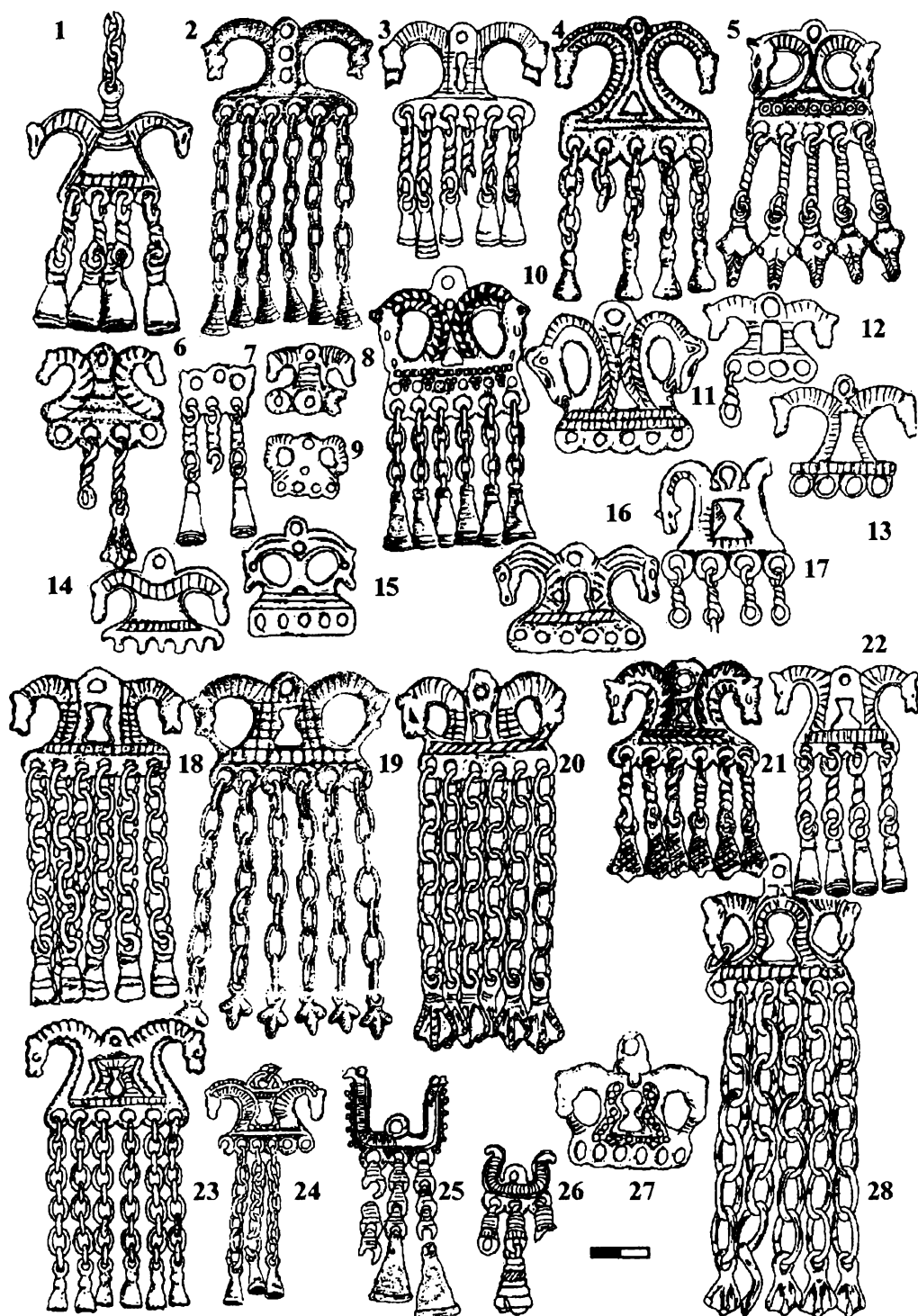

Рисунок 33. Биконьковые подвески

перь соединяются с нижней частью основы. В X-XI вв. появляются подвески, дополненные изображением человеческой личины, размещенной между головками коней, в качестве привесок использовались преимущественно утиные

лапки [Оборин, 1970. С.15-18].

В лесном Прикамье конь, как степное животное, появился сравнительно поздно. Он не принадлежал к числу тех животных, с которыми было связано охотничье хозяйство, поэтому культ коня, по

всей видимости, был заимствован у степняков вместе с новым видом домашнего животного. По мнению большинства исследователей, образ коня занял в мифологии лесных жителей место древних космогонических образов лося-оленья и медведя. Конь унаследовал сложную космогоническую символику образа оленя-лося, выступая не только как олицетворение солнца, но и как знак среднего мира и даже хтонический символ [Павлова, 1996. С.103].

Вполне определенно конь выступает с космическим значением уже в ананьинскую эпоху. Однако необходимо отметить, что с небом и солнцем был связан не столько сам конь, сколько всадница (в ананьинскую эпоху) или всадник. Конь в большинстве мифологических систем Евразии являлся атрибутом или образом ряда божеств. Во многих индоевропейских мифологиях представлен женских образ, связанный с лошастью (греческая «хозяйка коней», древнеиндийская «хозяйка благоденствующих лошадей», кельтская «богиня лошадей» и т.д.) [Мифы народов мира, 1982. С.666], который может быть сопоставлен с прикамской «всадницей». В более позднее время формируются общегорские представления о «небесном всаднике» Мир-Сусне-Хуме, управляющем жизнями людей.

Изображения коня в Прикамье распространились в эпоху родового строя, сложившегося на базе оседлого земледельческого хозяй-

ства с мотыжным земледелием. Наиболее многочисленными изображения коней стали в конце I тыс. н.э. По мнению М.Г.Худякова, массовое использование коньковых подвесок находится в прямой связи с усилением аграрной магии при переходе от мотыжного земледелия к обработке поля сохой [Худяков, 1933. С.255-265]. Но нужно отметить, что как раз к моменту распространения пашенного земледелия в Прикамье (XI в.) эти подвески почти выходят из употребления, поэтому их связь с аграрной магией кажется несколько натянутой. Вернее будет считать, что с распространением пашенного земледелия представления о женском плодородии распространяются и на представления о плодородии полей. Свидетельством этому могут служить разнообразные обряды, хорошо известные в этнографии многих земледельческих народов, проводимые в период пахоты и сева, в которых женщины буквально делятся с землей своими животворными силами.

Этнографы отмечают, что для земледельцев плодоносящие силы земли были аналогичны способностям женщины зачинать и рожать ребенка (а не наоборот). Зачастую беременные женщины и женщины с грудными младенцами участвовали в полевых работах, это объяснялось представлениями о том, что их участие в севе увеличивает плодородность растений, так как поскольку женщины сами умеют рожать, они знают, как сделать,

чтобы семя принесло плоды. Магия плодородия неразрывно связана с сексуальной символикой. Вспахивание земли и попадание туда семени воспринимались как половой акт, и поэтому у многих народов этот вид работ совершали непременно мужчины. При посеве женщины распускали волосы, чтобы всходы были такими же длинными и пышными [Происхождение вещей, 1995. С.157-158]. Таким образом, в этом обряде мы можем видеть прямую связь между женскими волосами (и наконечниками) и плодородием полей. В этот период семантическое значение образа коня, вероятно, расширяется.

У степняков конь всегда был символом богатства, добра и благополучия, а также плодородия (животных) и отсюда, вероятно, женского плодородия. Поэтому не случайно изображения коня встречаются только в декоре женского костюма. Первоначально это были украшения пояса – накладки и пронизки. Это представляется логичным, поскольку пока не были сформированы представления о женских волосах, как связующей субстанции между миром живущих и миром еще не рожденных, естественнымместилищем будущей жизни считался живот женщины, который и оберегался соответствующими амулетами.

Вероятно, пережитки подобных представлений обусловили ношение в отдельных случаях шумящих коньковых подвесок на поясе в

более позднее время. Вместе с тем, уже в V-VI вв. фиксируется размещение пронизок в виде объемной фигурки коня в области головы или груди, что может свидетельствовать об их использовании в качестве наконечников. Наконец, в конце VI-VII вв. появляются двухголовые пронизки-коньки, а еще чуть позднее – шумящие биконьковые подвески.

В литературе присутствует много мнений о том, что означают две головы у коней. Двуглавые изображения – это характерная черта древнего искусства не только на территории, заселенной финно-уграми, но и многих других регионов мира. В основе этого приема изображения образов лежит древняя изобразительная модель – билатеральное сечение – мысленное рассечение фигуры и последующее разворачивание двух ее частей на плоскости так, чтобы половинки головы оказались развернутыми в противоположные стороны, а туловища сливались воедино [Сегал, 1972. С.360].

Изображение образов в их рассеченном виде не было формальным, лишенным смысла приемом древнего искусства. Как показал на обширном изобразительном и мифологическом материале архайических культур Д.М.Сегал, по этой модели в древности изображались существа сверхъестественного происхождения, имевшие отношение к родовой генеалогии (родовые первопредки в их звериной ипостаси) [Сегал, 1972. С.365-

368].

Л.А.Голубева видит в композиции противопоставленных коньков удвоение магической силы изображения [Голубева, 1974], Г.С. Маслова, анализируя подобный опыт в карельских вышивках, приходит к выводу о противопоставлении двух враждующих стихий (добра и зла и т.п.), М.Г.Худяков считает, что удвоение конской головки соответствует расщеплению образа в направлении противоположения: «солнце и луна», «день и ночь», «лето и зима» [Худяков, 1933. С.266].

На наш взгляд, все эти точки зрения в какой-то мере верны, но соответствуют более поздним объяснениям символики, возникшим после утраты памяти о первоначальных корнях данного образа. А истоки биконьковых изображений, вероятнее всего, следует искать в индоевропейском близнецном мифе о братьях Ашвинах, которые были «детьми кобылы» и сами представлялись в виде двух коней. Они связаны с конями, со сменой дня и ночи, а следовательно, с солнцем, с функцией спасения [Мифы народов мира, 1982. С.144-145]. В мифе прослеживается связь близнецов с плодородием, что выражается через связь со священным мировым деревом [Мифы народов мира, 1982. С.175-176].

Появление в Прикамье зооморфных биконьковых украшений вполне могло иметь в своей основе индоевропейскую мифологию,

поскольку его население поддерживало давние прочные связи с югом Восточной Европы, откуда вместе с потоком импортных изделий могли проникать и отдельные религиозные идеи.

И лишь позднее, с развитием общества и религии, символика коня переосмысливается, он становится воплощением богини Матери - Земли, то есть связывается с возрождением природы: деревьев, цветов, одним словом, всего живого. Одновременно конь оставался символом добра и счастья и связывался с культом солнца. Не случайно с VIII-IX вв. многие подвески-коньки украшались кружковым орнаментом, олицетворявшим солярные знаки [Успенская, 1967. С.89].

Как писала Л.А.Голубева, «образ коня был повсеместно связан с солнцем и богиней природы - матерью всего сущего. Отсюда охранительное значение изображений коня, часто совпадавших у многих народов. Конь был также символом благоденствия, счастья и плодородия. Вероятно, поэтому он изображался на металлических подвесках, являвшихся специфическим женским украшением» [Голубева, 1966. С.80].

В Прикамье связь с богиней-матерью стала проявляться в том, что коньковые подвески приобрели привески в виде лапок водоплавающей птицы, что может быть сопоставлено с гусем — одной из ипостасей Калтащ. С другой стороны, по мнению ряда исследова-

телей, привески в виде лапок водоплавающих птиц (утки, гуся) в представлении древнего населения были связаны с водной стихией и ее животворными свойствами [Успенская, 1967. С.88] и со стихией небесной воды - дождя, от которого зависит плодородие полей [Голубева, 1978. С.74]. А.Н.Павлова считает, что привески-лапки подчеркивают включение данных украшений в трехчастную вертикально организованную модель вселенной, т.к. в финно-угорской мифологии подземный мир часто ассоциировался с подводным [Павлова, 1996. С.103].

Постепенно подвески начали приобретать антропоморфный облик. Так, О.В.Данилов видит в прорези (в виде замочной скважины), расположенной между конскими головами, антропоморфную фигуру, состоящую из круга - головы и треугольника - туловища. Они представляют собой солнечное божество, так как их головы оформлены в виде круга. Об их женском характере говорит «одежда» в виде треугольника, а также размещение на специфических женских украшениях [Данилов, 1994. С.7].

Личины, появляющиеся между головками коней в X-XI вв., по мнению А.П.Косменко, изображают голову крайне схематичной антропоморфной фигурки, помещенной в центре коньков-амулетов. Данный вариант подвесок послужил основой для появления у веси в XII в. новой разновидности под-

весок, где произошла почти полная антропоморфизация образа коня. Эти амулеты представляют собой женскую фигуру в трапециевидном одеянии, руки ее, поднятые до уровня пояса, сделаны в виде конских головок [Косменко, 1984. С.31]. Все это убедительно свидетельствует о том, что биконьковые подвески в финно-угорском мире со временем стали символом солнечной богини-матери, покровительствующей рождению детей.

Накосники в виде коньков с шумящими привесками до позднего времени были распространены у народов Амура [Клюева, Михайлова, 1988, рис. 6/а], что еще раз подтверждает их большое символическое значение.

Как уже упоминалось, мотив с использованием парных коньков присущ не только шумящим подвескам. В период VI-VII вв. он присутствует в оформлении пронизок, в конце VIII – начале IX в. наблюдается в оформлении поясных накладок, в IX-X в. используется для оформления спинок роговых гребней (рис.34), в X-XI вв. – для украшения рукоятей кресал. Причем, если шумящие коньковые подвески являются исключительно женским украшением, то накладки и гребни могут встречаться и у мужчин, а кресала с зооморфными рукоятями вообще характерны в основном для мужчин. У мужчин эти предметы размещались спереди на поясе и, вероятно, предназначены были для защиты мужского детородного органа. То, что среди эле-

ментов мужского костюма наблюдаются предметы, связанные с богиней-матерью, не удивительно, так как известно, что богиня почиталась как женщинами, так и мужчинами [Мифология манси, 2001. С.8].

С XI в. в Прикамье начали распространяться ранние типы якорьковых подвесок, которые, по мнению В.А.Оборина, являлись продолжением эволюционной цепочки коньковых подвесок [Оборин, 1970. С.15-18]. Но, на наш взгляд, биякорьковые подвески не могут являться дальнейшим развитием коньковых подвесок прикамского типа в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, прикамские коньковые подвески - это наконечники, в качестве нагрудных или поясных украшений они выступают в исключительных случаях. А биякорьковые подвески - это нагрудное украшение, которое с помощью якорьков крепилось к петлям шнурка, надеваемого на шею. Якорьки являются конструктивной деталью данных подвесок, а «силуэты морд коней» просматриваются на них в единичных случаях.

Во-вторых, биякорьковые подвески коренным образом отличаются от прикамских коньковых подвесок по технологии изготовления. Они выполнены с помощью техники, характерной для поволжских финнов, да и сама форма данных подвесок наиболее близка финским планчатым, трапециевид-

ным, стилизованным коньковым подвескам. Таким образом, биякорьковые подвески ни функционально, ни стилистически не могут являться продолжением коньковых прикамских подвесок, а связаны генетически с восточно-финским миром. В Прикамье они проникли с волной финноязычных переселенцев с запада в конце XI-XII вв. В то же время коньковые подвески «прикамского типа», которые с этого времени на территории Пермского Предуралья почти не встречаются, продолжают использоваться и эволюционировать в Зауралье вплоть до XIII-XIV вв. [Угорское наследие, 1994. Илл.294-296], свидетельствуя, что под давлением финноязычных переселенцев часть жителей Прикамья переместилась на восток за Урал.

В VI – начале X в. на отдельных локальных территориях Прикамья в качестве наконечников использовались колесовидные подвески. Если арочные и коньковые наконечники можно рассматривать как этнический признак угорского мира в целом, то колесовидные подвески, вероятно, принадлежат отдельным племенным группам. Круги, колеса, кресты, спирали уже с бронзового века повсеместно служили символами солнца. Наиболее отчетливо эти символы выступают в бронзовых украшениях (подвесках, бляхах, височных кольцах), служащих в то же время амулетами-оберегами [Голубева, 1978. С.68]. Дисковидные и колесовид-

ные подвески использовались в качестве амулетов, имеющих предохранительное значение вообще.

Даже в этнографическое время фиксируется традиция использования любого металлического кружка как проводника некоторой силы, способной охранить от дурного глаза и т.п. [Миллер, 1933. С.146].

Обскими уграми еще в недавнем прошлом для украшения кос использовались колесовидные подвески, очень напоминающие подобные подвески, происходящие из средневекового Прикамья [Клюева, Михайлова, 1988. Рис. 3/а]. Использование в качестве накосников ажурных дисков было характерно и для древних венгров [Фодор, 1996. С.12]. Причем изображения на них несли важную семантическую нагрузку. Среди этих изображений встречаются дерево жизни и лошадь, то есть семантическое значение этих накосников достаточно близко прикамским арочным накосникам с изображением ростка и коньковым подвескам.

В Прикамье на Бартымском могильнике найдена круглая ажурная подвеска, очень близкая венгерским [Голдина, Водолаго, 1990. Т.ХХХVIII/13]. На ней изображен лось – древнейший финно-угорский символ солнца. Таким образом, в период VII-VIII вв., когда основными символами солнца становятся колеса, диски и изображения коней, еще продолжают сохраняться и древние архаичные пред-

ставления.

Кроме наиболее массовых арочных, коньковых и колесовидных накосников, известны накосники с более узким хронологическим и территориальным ареалом распространения.

Так, в конце VII-VIII вв. на отдельных неволинских и ломоватовских памятниках встречаются парные подвески-лунницы, представляющие собой сильно стилизованное изображение летящей птицы. Эти подвески, вероятнее всего, изображают одну из душ человека. По представлениям обских угров душа *lili* – «душа-дыхание», «душа-имя» - живет в волосах и представляется в виде птицы. С этим связан обычай угорских женщин носить на кончиках кос подвески – металлические изображения птиц: «косы птичками украшены», «по одной косе соболя бегают, по другой косе птички порхают» [Мифология манси, 2001. С.81]. После смерти человека эта душа возрождается в младенце. Таким образом, прикамские птицевидные подвески-лунницы, с одной стороны, могли являться оберегом души-*lili*, а с другой стороны, опять же могли быть связаны с еще не рожденными детьми.

В этот же период были распространены и трапециевидные подвески-накосники. Эти ажурные подвески являются стилизованным изображением лапок водоплавающей птицы. Они могут быть сопоставлены с финно-угорской

уткой-прародительницей или с птичьей ипостасью богини Калташ.

В материалах прикамских могильников фиксируются также украшения кос, которые имели второстепенное значение и обычно использовались по одному на правой косе в сочетании с одним из основных видов накосников.

Среди второстепенных накосников наиболее распространенными были шумящие пронизки в виде водоплавающей птицы. Изображения водоплавающей птицы (утки, лебедя и пр.) характерны в целом для финно-угорского мира, что связано с очень глубокими корнями данного образа. Легенды различных народов схоже повествуют о происхождении мира. В большинстве случаев водоплавающая птица выступает в качестве основательницы мира - она, или творец в образе птицы, ныряет на дно первичного океана и приносит крупинку земли, из которой возникает суша.

В целом древняя уральская традиция имела общего героя мифов о творении - водоплавающую птицу типа утки, причем эта птица ассоциировалась с миром небесных, добрых духов; она предстает в качестве самостоятельного персонажа, охранителя от злых духов нижнего мира, проводника для шамана. Утка и другие водоплавающие птицы, совершающие сезонные перелеты на юг: гуси, лебеди и т.п., принадлежат югу, где на небе обитает подательница жизни [Напольских, 1990. С.6,8-10]. Орнитомор-

фные накосные украшения обских угров, возможно, являлись и символом богини-птицы Калташ [Сагалаев, 1990. С. 22-23, 27, 31-32].

С VII в. в Прикамье получают широкое распространение флаконовидные пронизки, которые женщины носили обычно на правой косе, реже - на поясе. Флаконовидные пронизки были не просто украшением, но и использовались в качестве игольников [Анучин, 1899. с.249-250]. Одновременно они являлись и амулетами, поскольку известно, что швейные иглы у коми, например, считались универсальным талисманом, который использовали, чтобы гарантировать себя от случайностей [Сидоров, 1928. С.126].

Сакральное значение флаконовидных пронизок-игольников усиливалось с помощью орнаментации. Наиболее часто такие пронизки оформлялись различными вариантами солярного орнамента - кружковым, циркульным, розетками. В X-XI вв. флаконовидные пронизки стали ажурными с решетчатым туловом.

В составе накосников использовались также гребни и амулеты в виде гребней. Почти все виды гребней, расчесок и некоторые гребешки, встречающиеся на прикамских памятниках, имеют отверстия для привешивания. Вероятно, когда гребнем не пользовались по прямому назначению, его прикрепляли к накоснику или просто закалывали в волосы, и в данном случае он выполнял функции обе-

рега. Гребень, уничтожающий паразитов - распространителей болезней, считался важным оберегом от болезней [Седов, 1982. С.267]. На спинке гребней до конца X в. обычно помещались изображения животных, чаще всего парные головки коней или фигурки соболей, что увеличивало магическую силу данных предметов.

По мнению О.Г.Грибовской, со-

ки, но сохранили орнаментацию. Среди орнаментов на арочных и трапециевидных гребнях, распространенных в Прикамье, чаще всего встречается циркульный орнамент, который, по мнению многих исследователей, символизировал солнце и должен был обеспечивать общую охрану от сверхъестественных сил. Сакральное значение гребней подчеркивается наличием

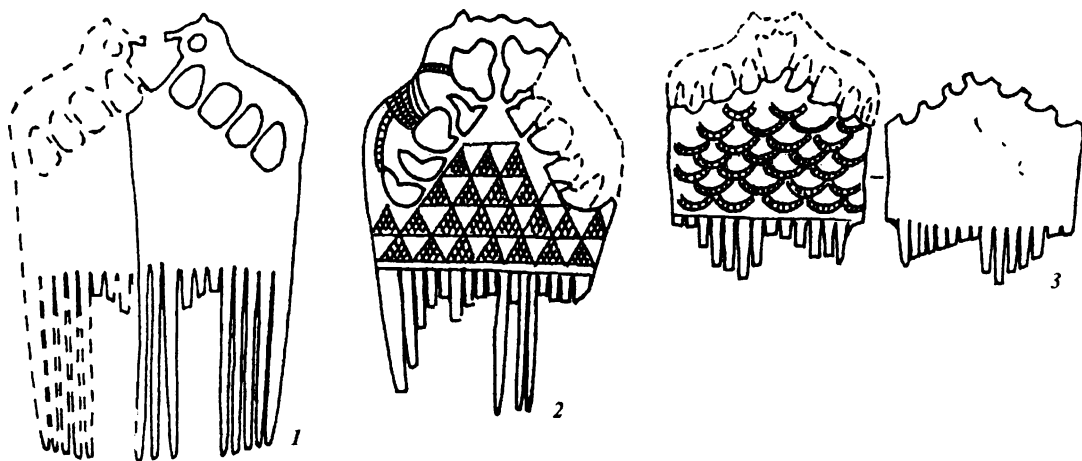

Рисунок 34. Зооморфные гребни. Плесинский могильник

четание коньков с гребнем, который был талисманом от болезней, скорее всего, было призвано отгонять злых духов от женщины, сообщая ей плодородие [Грибовская, 1995. С.24]. Присутствие соболей на спинке гребня может быть объяснено стремлением воспроизвести облик Калташ, у которой «по одной косе поднимается соболь, а по другой спускается бобр» [Мифология манси, 2001. С.70].

Гребешки более позднего времени, являвшиеся предметом массового ремесленного производства, утратили зооморфные спин-

ки, но сохранили орнаментацию. Среди орнаментов на арочных и трапециевидных гребнях, распространенных в Прикамье, чаще всего встречается циркульный орнамент, который, по мнению многих исследователей, символизировал солнце и должен был обеспечивать общую охрану от сверхъестественных сил. Сакральное значение гребней подчеркивается наличием

бронзовых амулетов, имитирующих гребешки с зооморфными спинками. Амулеты-гребешки никакого практического значения не имели, а лишь сублимировали все магические свойства этого утилитарного предмета.

В составе мужского костюма также иногда встречаются гребни, которые всегда размещаются спереди на поясе и, вероятно, были связаны с идеей оплодотворения, орошения. Так, в русских эротических новеллах слово «чесалка» может выступать как метафорическое обозначение фаллоса, а «чесать» означает «futuere» [Успенс-

кий, 1982. С.171].

Дополнительным украшением-амулетом, входящим в состав на-косников, могли быть копоушки - туалетная принадлежность, известная многим народам. Они широко известны в салтово-маяцких памятниках, хорошо знакомы финно-угорским народам Поволжья, Прикамья, севера европейской части России, встречаются и у ряда тюркских народов [Гаврилина, 1985. С.214]. Копоушки сочетают в себе два начала - утилитарное и декоративное, являясь украшением костюма. Распространенные в Прикамье костяные копоушки известны в основном по материалам из культурного слоя поселений, в могильниках они сохраняются редко, поэтому трудно судить, насколько широко они использовались в качестве украшений костюма. Но, судя по тому, что костяные копоушки обычно качественно отполированы, имеют совершенную форму и тщательно украшены орнаментом, их делали для того, чтобы носить напоказ.

Наиболее широко в Верхнем Прикамье встречаются копоушки с плоской подпрямоугольной рукоятью, украшенной геометрическим орнаментом, которая сужается книзу, где завершается маленькой «ложечкой», и кверху, где располагается отверстие для привешивания. Но, кроме таких, часто встречаются копоушки с фигурной рукоятью, в очертаниях которой можно увидеть формы развернутых шкур пушных жи-

вотных или птиц с вытянутой шеей. Отчетливо видны на этих копоушках очертания головы с обозначенными глазами и ушами. Наиболее распространенные копоушки-«собольки» опять же могут быть сопоставлены с волосами богини Калташ. В X-XI вв. появились бронзовые копоушки с шумящими привесками в виде утиных лапок, усиливающими магические свойства амулета.

В составе женских накосников могут присутствовать также клыки и когти животных (натуральные или бронзовые имитации), просверленные рыбы позвонки, раковины каури. Эти амулеты, вероятнее всего, так же, как и другие накосные украшения, были связаны с охраной функции деторождения. Например, применение раковин каури в качестве накосных привесок зафиксировано в этнографических материалах обских угров. Считалось, что они обладают свойством отпугивать злых духов [Клюева, Михайлова, 1988. С.128]. У народов Саяно-Алтая раковины каури являлись одним из символов богини матери Умай - покровительницы деторождения. У теленгитов, например, девушки с достижением брачного возраста вплетали в косы новые украшения, сделанные из бус и раковин каури (символов Умай) [Сагалаев, 1990. С.23-24].

Таким образом, почти все накосники, бытовавшие в Пермском Предуралье в средневековую эпоху, были так или иначе связа-

ны с культом богини - подательницы жизни, и с представлениями о женских волосах как месте обитания душ нерожденных детей. В целом вся система накосников представляется как система знаков, связывающая мир живущих с потусторонним миром нерожденных, и обеспечивающая женщине охрану и умножение ее детородных способностей.

Еще одной зоной расположения украшений является шея и грудь. Шейно-нагрудные украшения преобладали в женском костюме, но встречаются и в мужском.

У мужчин в отдельных случаях фиксируются небольшие ожерелья из металлических деталей (бронзовых пронизок и бус) и амулеты из костей диких животных и птиц. Кроме того, мужчины носили на груди круглые металлические (обычно серебряные) подвески (монеты, монетовидные подвески, гладкие диски, подвески с «сокольников»). Как правило, они присутствуют в погребениях, выделяющихся по составу инвентаря (наличие оружия, топора, пашенных орудий, знаков высокого социального положения). Блестящий металлический диск можно рассматривать как атрибут Мир-Сусне-Хума, которого обские угры называли «Мужчиной, испускающим свет».

Представления о сущностной близости Мир-сусне-хума и солнечного диска выражались в обычае дарить ему восточное серебро (в древности) или серебряные

блюда (вплоть до недавнего прошлого) [Мифология манси, 2001. С.29]. Небесный всадник - Мир-сусне-хум (у манси), Мир вантты хэ «Мир осматривающий мужчину» или Ас тый ики «Верховьев Оби мужчина» (у хантов) был наиболее почитаемым из общеугорских духов-покровителей. Мир-сусне-хум – младший сын Нуми-Торума, управляющий жизнью людей; Человек, осматривающий мир; Человек, объезжающий землю, объезжающий воду. Мир-сусне-хум следил за соблюдением людьми норм и правил человеческого общежития и опекал живущих по этим установлениям [Мифология манси, 2001. С.19-20].

Многочисленные материалы свидетельствуют о Мир-сусне-хуме – «мировом надзирателе», наблюдающем за соблюдением людьми норм и правил, обеспечивающих стабильное функционирование общества. Среди его обязательных атрибутов присутствуют серебряные блюда и блюда. Представители социальной верхушки – старейшины, вожди, шаманы – в какой-то мере исполняют подобные функции, но в пределах небольшого коллектива, и их атрибутом является металлический диск, но меньших размеров, чем у Мир-сусне-хума. В конечном итоге в XI-XIII вв. у угров Прикамья появляются т.н. «бляхи с сокольников», которые, несомненно, являются знаком власти.

Сюжет «блях с сокольников» стандартен. Это сцена охоты. Ос-

Рисунок 35. Бляхи с Мир-Сусне-Хумом из Пермского Предуралья

троголовый всадник сидит на идущем вправо от зрителя коне. От пояса он повернут в фас, в поднятой вверх левой руке он держит рог, а на локте опущенной на круп коня правой руки сидит птица. Вокруг всадника – животные и птицы (от 3 до 5 персонажей): медведь, лось, пушной зверек, водоплавающая птица, волк или собака. Над всадником справа расположен полумесяц, слева – солнце.

Истоком сюжета, очевидно, являются серебряные блюда с изображением царской охоты, которые изготавливались в Иране в эпоху правления династии Сасанидов (III-VII вв.). В VII-VIII вв. сасанидское серебро в больших количествах поступало на Урал. Изображение сцен царской охоты продолжало оставаться популяр-

ной темой и в более позднее время, в частности, эта тема была известна в изобразительном искусстве Волжской Болгарии, где, как убедительно доказывает А.М.Белавин, изготавливались наиболее парадные варианты блях с «сокольничим» [Белавин, 2000. С.91-93].

Традиционно «бляхи с сокольничим» расценивались как предметы, связанные с шаманизмом. Культурное значение этих блях обосновывали присутствием солярных знаков. Однако А.М.Белавин считает, что солярные знаки могли иметь не культовый, а геральдический характер, придающий данному предмету особый юридический характер: «Движение всадника в левую геральдическую сторону обычно считается движением с запада на восток, что подтвер-

ждается расположением солярных знаков (луна – ночь, закат; солнце – день, восход)». Белавин расценивает данные предметы как символ высокого социального положения их владельца: «Функционирование блях с «сокольников» на стадии формирования у населения Предуралья классового общества на фоне экономического и политического сотрудничества с феодальной Волжской Болгарией позволяет расценивать эти бляхи как определенные верительные знаки, удостоверяющие особые права и полномочия их носителей» [Белавин, 2000. С.95]. Изображения животных, размещенные вокруг фигуры всадника, возможно, являются тотемными символами родов, находившихся в административном подчинении владельца бляхи.

Наибольший интерес представляет тот факт, что сюжет «блях с сокольников» почти в неизменном виде сохранился на ряде жертвенных покрывал манси, входящих в состав священных атрибутов Мир-сусне-хума, имеющих в каждом доме [Гемуев, Бауло, 2001. С.11]. В дар Небесному всаднику приносили ритуальные предметы богатырского одеяния и снаряжения: покрывала в виде прямоугольного полотнища, которые символизировали «седло бога», пояс, шлем и колчан. Когда в жертву Вэрту приносили лошадь, то полагали, что на церемонию прибудет и сам Небесный всадник. Заранее ставили четыре серебряных блюдца, чтобы конь бога не касал-

ся копытами грешной земли, а на спину животному укладывали ритуальные «седло», пояс, халат, колчан и шлем: в богатырском одеянии на жертвенном коне Вэрт был готов вознестись на небо [Бауло, 1999. С. 36].

Большой интерес представляет находка серебряного блюдца, обнаруженного в 2000 г. на р.Сыня (левый приток Оби). На лицевой стороне этого блюдца изображены две атропоморфные фигуры на коне, над ними – луна и солнце, слева – фигурка бобра. Вероятно, этот сюжет повествует о возвращении домой Мир-сусне-хума с молодой женой [Бауло, 2001, №2. С.123-127]. Иконография этого изображения в целом совпадает с «сокольников». По мнению Бауло, блюдце можно отнести к X-XII вв., а место его производства находится в районах Западного Урала – местах проживания предков современных манси, районах, приближенных к Волжской Болгарии, славящейся традициями ювелирного ремесла. Исследователь предполагает, что блюдце было изготовлено угорским мастером, получившим навыки ремесла в одном из городов Волжской Болгарии и затем самостоятельно их реализовавшим при создании изделия с сюжетом из уральской мифологии [Бауло, 2002. С.71].

Таким образом, авторами сюжета с «сокольников» могли быть не болгарские ювелиры, а сами угры, и лишь в более позднее время (XIII-XIV вв.) болгары стали воспроиз-

водить подобный сюжет на верительных знаках своих наместников на пермской земле.

Центральное положение на всех бляхах с сокольниковым занимает изображение водоплавающей птицы, размещенное между ногами коня. А.М.Белавин считает, что это ее положение определяется важным сакральным значением, поскольку водоплавающая птица (утка) у финно-угров и болгар играла роль матери-прародительницы, существа, определившего весь мир и породившего богов, духов и людей [Белавин, 2000. С.97]. Гемуев И.Н. и Бауло А.В. связывают образ водоплавающей птицы на бляхах с гусем – одной из ипостасей Мир-сусне-хума. Гусь на жертвенные покрывала манси не перешел, так как и всадник и гусь изображают одно божество. Что касается солярных знаков, то информаторы говорили исследователям следующее: «Мир-сусне-хум вокруг земли едет. Солнце вокруг земли ходит и луна тоже, поэтому луна и солнце на ялпынге», или «...делали ялпынг, когда полмесяца, заканчивают – когда полная луна» [Гемуев, Бауло, 2001. С.21].

Т.о., «сокольниковый» на средневековых прикамских бляхах может расцениваться как изображение одного из ведущих представителей угорского пантеона – Мир-сусне-хума (рис. 35) [Белавин, 2004, с.331-339]. Образ Мир-сусне-хума имеет много параллелей с образом известного иранского божества Митры, поэтому нет ничего уди-

вительного в том, что иранский сюжет охоты был заимствован для канонического изображения Мир-сусне-хума.

Отсюда можно высказать предположение, что «бляхи с сокольниковым» не просто были верительными знаками прикамских старейшин и вождей, но и свидетельствовали, что их владельцы являются в конкретном обществе олицетворением Мир-сусне-хума, исполнителями его воли, «созерцающими» и опекающими подвластных им людей.

У женщин в качестве шейно-нагрудных украшений использовались ожерелья в 1-3 низки и нагрудники (куски ткани, в основном шелковой, расшитые бусами, бисером и привесками). Главным предназначением женских шейно-нагрудных украшений была защита женской груди от сглаза и порчи. Основой ожерелий и нагрудников были стеклянные и каменные бусы, которые присущи только женскому костюму.

Бусы в основном поступали в Прикамье с Востока, откуда могла быть заимствована и вера в их необыкновенные свойства. Красота и редкость цветных камней с древних времен внушала человеку интерес в веру в их магическую силу, а магия сочеталась с верой в медицинские свойства камней [Полубояринова, 1991. С.16]. Среди каменных бус довольно многочисленными являются сердоликовые и агатовые, которые на Востоке очень почитались. По грузинской

рукописи X в., представляющей перевод сочинений Епифания, епископа Кипрского, сердолик «имеет лечебную силу: врачи им лечат опухоли, прыщи и раны. Для этого растирают его в воде, а потом той водой натирают больные места». Подобными же свойствами наделяется и агат [Чурсин, 1929. С.20].

Особыми свойствами наделялись и некоторые виды стеклянных бус, законодателями «моды» на которые в конце I тыс. н.э. являлись средиземноморские центры. С Ближнего Востока через западные перевалы Кавказа и Хазарский каганат в «страну мехов» в междуречье Оки и Цны, в Прикамье и Приуралье бусы поступали в этот период в большом количестве [Валиулина, 1996. С.142], выступая в качестве эквивалента в меховой торговле. Вполне вероятно, что мерилom ценности бус была не только их красота, но и сверхъестественные качества, о которых рассказывали купцы.

Таким образом, вместе с разнообразными типами бус жители Верхнего Прикамья могли перенять и представления об их особых свойствах. Бусы, особенно цветные, глазчатые, очень часто рассматривались как обереги. Причем такие представления были распространены повсеместно от Западной Европы до Индии и Дальнего Востока. Очень популярными были эти верования в Средней Азии, где как талисман использовались, например, глазчатые

бусы или черные бусы с белыми опоясывающими полосками, которые должны были отвращать, отражать влияние дурного глаза. Как «охранитель от страха», «оберегатель от демонов» применяли нитку голубых бус; такие бусы надевали и на ручку ребенка [Чурсин, 1929. С.22; Литвинский, 1972. Т.II. С.1285]. Бусы собирались в ожерелья по разным принципам. Наиболее распространенными были ожерелья, состоящие из разноцветных бус разных типов. Вероятно, эти ожерелья собирались на протяжении длительного времени. При этом наиболее ценные экземпляры бус помещались в центральной части ожерелья.

Наиболее ярким примером такого подхода в составлении ожерелий может служить ожерелье из погр.58 Рождественского могильника, в котором центральную часть занимали крупные призматические сердоликовые бусы, перемежающиеся редкими пастовыми мозаичными, полосчатыми и пр. бусами. Имеются и примеры ожерелий, состоящих из однотипных бус. Особенно часто подобные ожерелья фиксируются в погребениях IX-X вв. Нагрудники, которые наиболее хорошо изучены по материалам Редикарского могильника, украшались рядами бус (до 12 рядов), при этом каждый ряд состоял из однотипных бус.

В составе женских шейно-нагрудных украшений могли использоваться разного рода привески (колоколовидные, лапчатые, шаро-

видные) и подвески - монеты, колесовидные, в отдельных случаях шумящие биконьковые. Нужно отметить, что биконьковые шумящие подвески из состава нагрудных украшений, с одной стороны, схожи с подобными подвесками-накосниками, но, с другой стороны, имеют характерную особенность. Дело в том, что большинство из этих подвесок имеют орнаментацию только на одной стороне, в то время как другая сторона, постоянно примыкающая к одежде или основе нагрудника, гладкая. Накосники же, которые постоянно раскачиваются и поворачиваются к окружающим то одной, то другой стороной, орнаментированы одинаково на обеих поверхностях основы.

В двух женских погребениях Редикарского могильника в состав нагрудников входили подвески в виде летящей птицы. Такие подвески нельзя назвать массовыми, но, тем не менее, они хорошо известны в Прикамье. Большинство из них происходит из дореволюционных сборов или из слоя поселений, поэтому только материалы Редикарского могильника позволяют соотнести их с определенным местом в костюме. Эти подвески рассматриваются всеми авторами, занимающимися проблемами пермского звериного стиля. Подвески в виде летящей хищной птицы, иногда с изображением на груди человеческой личины, трактуются как изображение священной птицы, уносящей душу человека в

иной мир, или как отражение представлений о возможности человеческой души превращаться в птицу [Шмидт, 1926. С.125-164; Оборин, 1976. С.20-23].

Одной из наиболее существенных декоративных деталей мужского и женского костюма был пояс. Это очень важный и в утилитарном, и в магическом, и в знаковом смысле предмет. У угров, пермских и волжских финнов [Павлова, 2002. С.65] пояс нес важнейшую символическую нагрузку и выполнял функцию внутренней границы.

В мужском костюме пояс был основной декоративной деталью. Анализ погребальных комплексов Пермского Предуралья показывает, что пояса, вероятнее всего, были обязательны для мужчин, но не всегда они сопровождались металлической гарнитурой, дошедшей до наших дней. Косвенным свидетельством наличия пояса при отсутствии металлических деталей может являться присутствие разнообразных предметов, носимых на поясе.

В эпоху средневековья на обширных территориях Восточной Европы распространились так называемые «наборные пояса», украшенные металлическими накладками, наконечниками и пряжками. Именно к этой категории вещей можно с уверенностью применить термин «мода», поскольку поясная гарнитура заимствуется разнообразными образованиями вне зависимости от их мировоззрения.

В Прикамье до возникновения Волжской Болгарии металлическая поясная гарнитура проникала через посредничество кочевых племен. Можно предположить, что заимствовались не только особенности оформления поясов, но их символика. Известно, что по представлениям средневековых кочевников Евразийских степей пояс является атрибутом воинского костюма, символом богатырской доблести и принадлежности к определенной социальной организации, знаком воинской возмужалости [Ковалевская, 1970. С.144; Ковалевская, 1984. С.160; Липец, 1984. С.67]. Однако анализ мужских погребений из средневековых могильников Пермского Предуралья показывает, что связь металлических поясных наборов с комплексом вооружения обычно отсутствует. Исключение, возможно, составляют «агафоновские» пояса VII в., изучение полных наборов которых показало, что количество такого элемента, как псевдопряжки, в них всегда кратно трем (3,6).

И.О.Гавритухин, рассматривая закономерности использования этого элемента поясной гарнитуры, пришел к выводу, что в гарнитурах, датировка и ареал которых позволяет сопоставление с зоной влияния I Тюркского каганата, достоверно известны именно по 3 и 6 псевдопряжек. Эта традиция сохраняется и позднее, но после распада I Тюркского каганата стало наблюдаться увеличение или изменение кратности числа псевдопря-

жек на поясе. Вероятно, число псевдопряжек на поясах людей, связанных с I Тюркским каганатом, довольно жестко регламентировалось. Можно предположить, что число псевдопряжек могло отражать не личный ранг владельца пояса, а статус дружины в политической системе I каганата тюрков. Поясом с псевдопряжками обозначалась элита или предводители дружины определенного статуса в военно-политической структуре каганата.

После распада этой державы, вероятно, воины каких-то народов сохранили ставший традиционным состав гарнитур. В других культурах знаковое значение числа псевдопряжек могло подвергаться сознательному переосмыслению или эволюции по мере забвения уже неактуального регламента [Гавритухин, 2001. С.49-51]. Что касается «агафоновских» поясов, то в них кратность псевдопряжек сопоставима с поясами I Тюркского каганата, но невозможно доказать, имело ли количество псевдопряжек значение определенного социального знака, или это было просто копирование прототипов.

В целом же наиболее «богатые» поясные наборы сложно связать с определенным социальным статусом их владельцев. Если рассматривать комплексы, по совокупности признаков (особенности погребального обряда, богатство инвентаря, наличие социально значимых предметов) принадлежа-

щие представителям социальной верхушки, то в них, как правило, пояс снабжался только особо декорированной пряжкой. К примеру, все обнаруженные в погребениях пряжки в зверином стиле соотносятся именно с комплексами, принадлежавшими знати. В подобных погребениях встречаются и пряжки, оформленные богатым растительным орнаментом, или же просто наиболее редкие для нашей территории привозные пряжки.

Так, в богатых мужских погребениях Огурдинского могильника были представлены пряжка с изображением головы животного с витыми рогами, обрамленной двумя фигурками соболей (погр.№ 48), пряжка с изображением медведя в жертвенной позе (погр.№ 63) и пряжка с богатым растительным орнаментом (погр.№ 76). Пряжки с изображением медведя обнаружены также в погребениях Редикарского могильника. Возможно, пояса с подобными пряжками имели не только утилитарное значение, но и являлись определенным знаком высокого положения их владельцев. Так, например, у народов самодийской группы еще недавно именно поясные пряжки являлись предметом особого щегольства и гордости [Прыткова, 1970. С.25]. На пряжки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» следует обратить особое внимание. По мнению В.Н.Чернецова, изображение медведя с головой, положенной на передние лапы, является особен-

ностью западно-сибирских застёжек и носит этномаркирующий характер, хотя разнообразные детали костюма с изображением медведя, в том числе и пряжки, встречаются на широкой территории расселения финно-угров.

Этнографические материалы свидетельствуют о почитании медведя как финскими, так и угорскими народами. Например, Л.С.Грибова пишет о сохранении культа медведя у пермских финнов [Грибова, 1975. С.82-85]; А.Н.Павлова отмечает использование волжских финнов в составе комплекса мужских поясных атрибутов медвежьих когтей и клыков [Павлова, 2002. С.66]. Однако наиболее широко до сравнительно недавнего времени культ медведя сохранялся у народов Сибири, главным образом у угров.

Согласно мнению И.Н.Гемуева, медведь в воззрении жителей Сибири был связан с миром живых и в то же время принадлежал к миру мертвых. И чтобы медведь «признал» человека своим и не причинил вреда, слева у пояса на ремешке носили медвежий зуб [Гемуев, 1985. С.139].

Угры также носили на пряжке изображение медведя, что повлекло возникновение одного из названий медведя «застежечный зверь» (рис. 36). Этот термин сохранялся до недавнего времени у манси [Чернецов, 1953. с.227].

В конце I - начале II тыс. н.э. пряжки с изображением медведя были наиболее широко распрост-

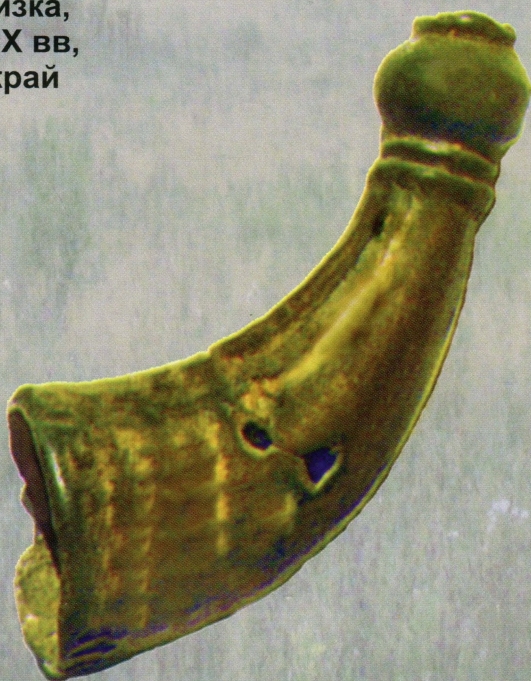

Рыжжя, подвеска, Пыштайн,
VI-VII вв., бронза, золото,
сердолик. Пермский край

Арочная подвеска, Усть-Сылва,
вт. пол. VII в, серебро.
Пермский край

Пронизка-лебедь,
Запоселье, VIII-IX вв.
Бронза. Пермский край

Рожковидная пронизка,
Телячий Брод, VIII-IX вв,
бронза. Пермский край

Грушевидная подвеска,
Плесинский могильник, X в,
серебро, позолота. Пермский край

Пряжка поясная, Малая Аниково,
X в, бронза. Пермский край

Подвески-всадники, Баяново,
X в, бронза, серебро, позолота.
Пермский край

Ножны, Редикар, IX-X вв,
бронза, серебро, дерево.
Пермский край

Гребень, Лаврята,
X в, рог. Пермский
край

Биконьковая подвеска,
Телячий Брод, XII-XIII вв,
бронза. Пермский край.

Шумящая подвеска,
Рождественское,
XI вв, бронза.
Пермский край.

Арочная подвеска-накосник,
Телячий Брод, XII-XIII вв,
бронза. Пермский край.

Колпачки, Рождественское,
X-XI вв, серебро, позолота,
сердолик, стекло. Пермский край.

Пояс наборный,
Телячий Брод, XII-XIII вв,
бронза, кожа.
Пермский край

Бляха с сокольничим,
Телячий Брод, XIII-XIV вв,
серебро, позолота

Шумящая пронизка.
Телячий Брод, XII-XIV вв.
бронза

Серьга, Кудымкар,
XIII-XIV вв., серебро, сердолик.
Пермский край

Биякорьковая подвеска.
Телячий Брод, XIII-XIV вв.
бронза. Пермский край

На вклейке
использованы фотографии
Белавина А.М., Данича А.В.,
Иванова В.А., Кляшторного С.Г.,
Крыласовой Н.Б.,
Сафрошенко О.Н.,
Яминова А.Ф.

Оренбургская степь
Лесостепной заповедник Ирэндек, Башкирия
Ковыльная степь, Челябинская область

Раскопки Баяновского могильника
Могильник Степаново плотбище
Вид на склон Рождественского городища
Вал Рождественского городища
Пермский край

Поясная накладка,
V в, золото, сердолик.
Казахстан

Серьга в виде Богини Умай,
Койбалы, VIII-IX в, золото.
Хакасия

Тюркская статуя, VIII в.
Западная Монголия

Поясные бляшки, Кудыргэ,
VII в, бронза.
Алтай

Поясной набор, VIII в,
бронза. Среднее Поволжье

Арочная подвеска-накосник,
вт.пол.VIII-перв.пол.IX вв,
бронза, караякуповская
культура. Башкирия

Поясные накладки, VIII-нач.IX в,
бронза, приуральские угры.
Башкирия, караякуповская
культура

Фрагмент пояса тюркского типа,
IX в, бронза, кожа. Башкирия,
приуральские угры.

Фрагмент пояса тюркского типа,
IX в, бронза, кожа, караякуповская культура
, приуральских угров. Башкирия

Зеркало, к. XIII-н. XIV в,
бронза. Золотая Орда,
Нижнее Поволжье

Серьга, XIII-XIV вв.
Бронза, стекло. Южные
Урал

Поясной набор, XIV в,
золото. Нижнее Поволжье

ранены именно на территории расселения угров. В.А.Могильников относит литые пряжки с зооморфными фигурами, которые, по его

2003. С.38]. Вместе с тем, предметы с медведем, в том числе и пряжки, также бесспорно принадлежат лишь ограниченной прослойке

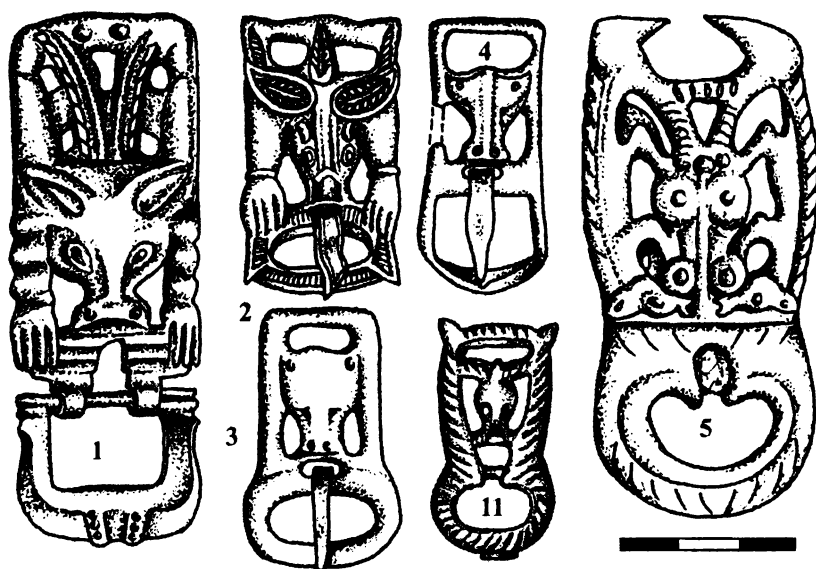

Рисунок 36. Пряжки с «застежечным зверем» из могильников Пермского Предуралья

мнению, несли большую семантическую нагрузку к характерным предметам «обского типа» [Могильников, 1985. С.93-94]. Хотя, нужно отметить, что только за последние 10 лет на территории Прикамья в могильниках X-XI вв. обнаружено 8 экземпляров подобных пряжек, и, возможно, они в одинаковой степени были характерны как для Зауралья, так и для Пермского Предуралья.

В течение тысячи лет с I-II вв. н.э. по XII в. н.э. сюжет с медведем в жертвенной позе размещался на мужских украшениях и принадлежностях костюма (пряжках, браслетах и бляшках) и, бесспорно, играл какую-то очень важную роль в знаковой системе костюма в широком смысле [Федорова,

общества (знати), поэтому их основное значение — знак высокого социального положения.

В погребениях XI в. особым социальным знаком зачастую являлся не сам пояс, а украшавшее его кресало с бронзовой рукоятью, оформленной в зверином стиле. Кресала с бронзовыми рукоятями археологи относят к устойчивому этноопределяющему признаку финно-угорских культур эпохи раннего средневековья. Будучи предметом международной торговли, они известны по всему северу Европы. По мнению Л.А.Голубевой, одним из крупнейших центров их производства являлось Верхнее Прикамье [Голубева, 1964. С.115-132].

Биметаллические кресала обыч-

но сделаны в статуарной манере. Их рабочая часть постепенно переходит по вертикали в массивные фигуры животных и птиц. При внимательном рассмотрении можно прийти к выводу, что скульптурные фигурки не были декоративным дополнением изделия. Скорее наоборот, кресало с его функциональностью подчинено пластическому образу анималистического характера. Такого рода древние предметы, сделанные в виде животного или его части, можно охарактеризовать как изделия повышенной функциональности. Кроме утилитарного и эстетического назначения они считались, согласно представлениям первобытного анимизма, живыми помощниками и покровителями их владельцев, т.е. вместе с утилитарной и эстетической выполняли оберегательно-магическую функцию [Косменко, 1984. С.21-23].

Рукояти биметаллических кресал, распространенных в Пермском Предуралье, изображают некое фантастическое животное с туловищем волка или хищника из семейства кошачьих, хвостом бобра, медвежьей мордой и длинными лосиными ушами; широко распространены парные стилизованные головки коней, а также мотив со схематической антропоморфной фигурой, к которой склонились две хищные птицы. Образ фантастического животного, изображенного на кресалах, пока остается для нас загадкой, прямых объяснений ему в этнографических ма-

териалах обнаружить не удалось.

О семантике изображений парных коньков речь уже шла выше. Но следует отметить, что в отличие от коньковых шумящих подвесок, имеющих сходство с рукоятями кресал в пропорциях и общей пластике изображения, у последних головы развернуты не в противоположные стороны, а навстречу друг другу, и отсутствуют даже намеки на изображение глаз и гривы. Достоверных объяснений этому обнаружить не удалось, но можно предположить, что разница в развороте голов животных объясняется принадлежностью подвесок к женским, а кресал – к мужским предметам.

Что касается сюжета с антропоморфной фигурой и двумя птицами, то он истолковывается различно. Л.А.Голубева объясняет его как сюжет вознесения на небо Александра Македонского двумя грифами [Голубева, 1964. С.129-130]. Г.Ф.Корзухина увидела в этой композиции иллюстрацию к тексту «Младшей Эдды» о боге Одине и ручных воронах, сидящих у него на плечах [Корзухина, 1977. С.156-162]. Наиболее раннее изображение Водана-Одина и воронов, согласно традиции приносивших повелителю вести о том, «что творится на свете», относится к древностям франков второй половины V века [Младшая Эдда, 1970. С.59]. Многие авторы полностью соглашались с выводами Г.Ф.Корзухиной. К примеру, В.И.Кулаков, опираясь на них, рассматривает се-

мантику различных изделий, выполненных в общегерманском зверином стиле. По его мнению, на протяжении V-XI вв. изображения Одина стали своеобразной «языческой иконой». Проникновение данного канона на территорию Восточной Европы объясняется ломкой там родовых отношений и созданием полиэтнической дружины. Родовые орнаменты не представляли для представителей этой дружины интереса в новой ситуации. У них сформировался особый декоративный стиль, включавший изобразительные традиции разных народов, сплоченных дружиной [Кулаков, 1995. С.66-81]. Поэтому у автора не вызывает удивления факт использования принципов композиции «Один и вороны» при изготовлении кресал у финно-угров. Эта схема, на его взгляд, могла проникнуть в местную среду в результате деятельности мастеров Волжской Булгарии. А проникновение в Скандинавию единичных украшений финно-угорского происхождения вызвало появление там подражаний этим предметам. Это показывает, что скандинавам был близок сюжет «божество и пара животных», схожий с каноническим Одина [Кулаков, 1995. С.74-75].

Тем не менее, данная гипотеза кажется нам неправдоподобной, так как, вероятнее всего, эти кресала происходят с территории Пермского Предуралья, где их найдено наибольшее количество. На других территориях (в Киеве,

в марийском Дубовском могильнике, в Приобье и т.д.) такие предметы встречаются в единичных экземплярах. Поэтому искать объяснение сюжета логичнее в местной финно-угорской мифологии, а не в легендах дальних стран. Тем более, что в Скандинавии или Финляндии ни одного кресала с подобным сюжетом не найдено [Голубева, 1987. С.113].

На наш взгляд, этот сюжет, в первую очередь, может быть связан с культом угорского божества Мир-сусне-хума, который в представлениях манси имеет связь с Крылатым Карсом — мифической гигантской птицей, подобной орлу или грифу. По преданиям, на озере или море растет огромная лиственница, на вершине которой находится гнездо четы крылатых карсов. В основании гнезда живет «железная лягушка», которая грызет крылья птенцов, когда карсы улетают за пищей для детей. Согласно В.Н.Чернецову, в мифах о Крылатом Карсе отражен образ небесной птицы, тесно связанной с деревом. Космическая природа дерева и птицы не подлежат сомнению. В качестве птицы мирового древа в каждой конкретной традиции обычно выступает наиболее царственная птица — чаще всего орёл, иногда обозначаемый как гром-птица (в сибирских шаманских традициях), реже некий обобщенный образ большой («главной») птицы, в отдельных случаях с фантастическими чертами. Птица на мировом древе обозна-

чает верх и в этом смысле противопоставлена животным классификаторам низа — хтоническим животным, прежде всего змее, рыбам, а у ряда сибирских народов — мамонту.

В разных источниках встречается также образ двух птиц, сидящих на вершине мирового древа справа и слева от вертикали ствола. В этих случаях птицы соотносятся с солнцем и луной, и вся схема может быть понята как своего рода космологическая модель. В ритуальном плане эта пара птиц воплощает собой идею плодородия, благополучия, богатства. Птицы выступают здесь как своего рода стражи богатства и гаранты правильности совершения ритуала.

Некоторые исследователи (Д.Н.Анучин, В.Н.Чернецов) рассматривали образ Карса в связи с соответствующим циклом индоиранских мифов [Мифология манси, 2001. С.73]. В одном из вариантов мифов Мир-Сусне-Хум убивает, а в другом — спасает птенцов Карса. За спасение птенцов Карс обязывается служить Мир-Сусне-Хуму, и последний становится властелином птиц.

Подобные мифы о разорителях гнезд известны широко. Это, в частности, индейский миф о разорителе орлиных гнезд, находящийся параллели в некоторых евразийских сюжетах (у обских угров, кетов): герой разоряет гнездо орла (ворона или др. хищных птиц) и добывает огонь. В этом же ряду

стоит распространённый среди народов северо-восточной Азии и у американских индейцев мифологический сюжет, где чудесное средство (огонь, свет, солнце и т. п.) добывает сама Птица — орёл или ворон, выступая в этом случае как демиург. В одном из вариантов таких мифов, зафиксированном у кетов в Западной Сибири, герой, спасаясь от преследования, попадает на дерево и угрожает орлятам. Прилетевшая к гнезду орлица обещает герою оружие для добывания огня при условии, что он принесет ей коготь (шип рыбы) с помощью мамонта.

Мамонт у сибирских народов и обских угров относится к категории существ, связанных с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса. Вернувшись в верхний мир, герой обменивает коготь на оружие для высекания огня, с которым возвращается домой [Мифы народов мира, 1982. С.233]. Важнейшее совпадение мифов о разорителе гнезда заключается в том, что они являются и мифами о происхождении огня [Мифы народов мира, 1982. С.259].

Таким образом, миф о Мир-сусне-хуме — разорителе гнезд как нельзя лучше сочетается и с сюжетом изображения на рукояти кресала и с самим предметом для высекания огня.

Во-вторых, сюжет «человек и птицы» может быть связан с культом богини-матери. У манси богиня-мать Калтась-эква сближена

с вороной (вороном). Праздником Калтась считается вороний день, который отмечается в начале весны, во время прилета этих птиц. Манси считают, что именно вороны приносят весну. Праздник должен был обеспечить благополучие людей в течение всего года. У обских угров вороны чаще всего выступают покровительницами женщин и детей. В вороней песне северных манси говорится: «С моим появлением маленькие девочки, маленькие мальчики пусть родятся!.. Долгоживущие девочки пусть родятся, долгоживущие мальчики пусть родятся!» Если видели, что ворона сидит на мхе, то его стелили детям, чтобы они были счастливы [Мифология манси, 2001. С.151]. Поскольку фигура в центре изображения представлена без признаков пола, она может одинаково расцениваться и как мужская и как женская. В последнем случае сюжет может носить условное название «Калтась и вороны». И все же, учитывая, что кресала с бронзовыми рукоятками были в основном мужским предметом, важным социальным знаком, учитывая многочисленные параллели изображения и функции этого предмета с мифом о разорителе гнезд, логичнее будет расценивать сюжет как «Мир-суснехум и Карсы».

Пояса с металлическими накладками представлены в погребениях «знати» в единичных экземплярах, и это не позволяет утверждать, что наборные пояса обладали для муж-

ской части населения Пермского Предуралья социальной значимостью. Можно предположить, что использование наборных поясов зависело от имущественного положения людей, но, опять же, материалы погребальных комплексов не подтверждают этого. Придерживаясь точки зрения о преобладании на этой территории в эпоху средневековья угорского населения, попытаемся определить назначение мужского пояса с позиций представлений обских угров.

Для обских угров подпоясаться означало завершить облачение. Распоясанность у них служила признаком распушенности и неряшливости [Головнев, 1995. С.284]. Этим и объясняется широкое распространение поясов. Пояс скреплял одежду, которая нередко не имела дополнительных застежек, принимал на себя часть ее веса, снимая излишнюю нагрузку с плеч. Для охотников и земледельцев эти качества имели большое значение. В то же время мужской пояс при отсутствии на одежде карманов служил для ношения разнообразных предметов (нож, огниво, точило, гребень и пр.) и охотничьих амулетов (зубы и когти хищников, челюсти пушных животных). У многих народов пояс воспринимался как отличный признак людей среднего мира, гарант благополучия и стабильности их жизни. К примеру, у обских угров пояс Торума, опущенный им на землю, (Уральский хребет) обеспечил устойчивость

всего среднего мира [Конаков Н.Д. Вэн// Мифология коми. www.komi.com].

Пояс со всеми его атрибутами являлся талисманом удачи. У обских угров считалось, что он приносит удачу даже верховному богу Торуму: «В лесу и в горах приносящий счастье счастливый пояс мой...»; медведь о Торуме: «В охоте на красного зверя, в охоте на черного зверя, счастье дающим поясом мой отец подпоясался» [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990. С.301-302].

Пояс являлся и важнейшим оберегом, так как он заключал тело человека в магический круг. Отношение к поясу как к оберегу фиксируется у многих народов. Например, в коми-зырянской загадке одевание пояса сравнивается с возведением укреплений вокруг городища: «...встретимся (два конца пояса) и срубим город». На ребенка коми надевали пояс, как только у него начинали прорезаться зубы. До появления зубов дети считались еще не приобщенными к миру людей, находящимися в промежуточном состоянии бытие/небытие, и для их защиты от злых духов употреблялись другие обереги. Дети, по представлениям народов коми, наиболее подвержены порче и сглазу. Если в дом неожиданно заходил посторонний мужчина, на всех мальчиках должны были быть надеты пояса. Если же кто-либо из них оказывался неподпоясанным, то сразу же после ухода посетителя мать ребенка осущест-

вляла ряд предохранительно-очистительных магических действий. У мальчиков-подростков своеобразным маркером начала последней ступени социализации служил охотничий пояс - тасма. Тасмой мужчины подпоясывали верхнюю одежду и при исполнении ряда физических работ, например, рубке дров. Как только подросток начинал промышлять и выполнять мужские работы самостоятельно, он первым делом изготавливал себе собственную тасму [Конаков Н.Д. Вэн// Мифология коми. www.komi.com]. У коми-зырян считалось, что человек без пояса мог подвергнуться действию злых магических сил, заблудиться в лесу, встретиться с лешим, заболеть [Савельева, Королев, 1990. С.67]. По представлениям коми, в натальном поясе многих могучих колдунов-тунов находилась их жизненная сила, и лишить их жизни можно было только разрезав их пояс. Один из знаменитых коми-зырянских колдунов, который разорял весь край, грабил селения, считавшийся неуязвимым для любого оружия, погиб от стрелы, выпущенной из лука мальчиком, когда колдун оплошал и забыл надеть пояс [Конаков Н.Д. Вэн// Мифология коми. www.komi.com]. На территории современного Коми-Пермяцкого автономного округа до сих пор охотники считают, что в лес без пояса ходить нельзя, хотя и не могут объяснить, по какой причине [Полевые материалы КАЭЭ]. Ме-

таллические накладки из меди и бронзы, которые своим блеском должны были отпугивать нечистую силу, тем самым еще более усиливали охранительную функцию пояса, но при этом, как показывают этнографические материалы, оберегом мог служить любой пояс, вне зависимости от присутствия или отсутствия металлических деталей.

Таким образом, и при отношении к поясу, как к оберегу, металлические детали не играли определяющей роли. Поэтому мировоззренческий аспект использования наборных поясов необходимо искать в чем-то ином. У хантов низко повязанный богато украшенный пояс с многочисленными свисающими металлическими цепочками и подвесками был главным украшением и знаком мужского достоинства. По мнению Е.В.Переваловой, такой пояс прикрывал мужскую душу «суп», обозначающую мужской половой орган и имеющуюся только у мужчин. Кроме того, пояс делил мужчину на две равновеликие (в отличие от женщин) половины - верхнюю и нижнюю, абсолютно симметричные по отношению к «верхнему» и «нижнему» мирам [Перевалова, 1992. С.90-91]. Характерно, что у обских угров долгое время продолжали бытовать пояса с металлическими бляшками [Могильников, 1963. Прилож., с.21, рис.78а; Федорова, 1978. С.200; Руденко, 1914. С.45]. Цепочки и подвески на хантыйских мужских поясах хорошо соот-

носятся с получившими широкое распространение в Прикамье с VIII в. привесками в виде низок бронзовых бус и пронизок, завершающихся колокольчиками или бубенчиками, которые использовались наряду с традиционными поясными привесками в виде ремешка с накладками. Такие низки можно считать типично местными украшениями для Пермского Предуралья [Голдина, 1985. С.141]. По аналогии с тем, как шумящие привески на поясе должны были оберегать женское лоно от нечистой силы, мужские низки с колокольчиками защищали «суп». К тому же, у многих народов мужской половой орган нередко ассоциируется с колокольчиком.

Таким образом, мужской наборный пояс с привесками у угров Прикамья являлся скорее не социальным, а сексуальным знаком. В таком поясе первостепенное значение имел сам его внешний облик, а не характер оформления отдельных деталей, поэтому в поясной гарнитуре сложно выделить некое стилистическое единство.

У женщин, как и у мужчин, пояса встречаются самого разного состава: только с пряжкой или фигурными застежками, с пряжкой и наконечником, с пряжкой и небольшим количеством накладок и пр. Но, следует отметить, что в отличие от мужчин, у женщин чаще встречаются наборные пояса, и поясные привески в виде кистей из бронзовых пронизок и бус более длинные и «богатые».

Это можно объяснить тем, что для женщин детородного возраста пояс выполнял важную функцию оберега. Он оберегал наиболее значительное свойство женщин - их плодородие.

Женские пояса дополнялись разнообразными шумящими привесками, которые усиливали их магическую силу. Многие исследователи отмечают, что наличие всякого рода поясных привесок является специфической характерной чертой женского финно-угорского костюма. О том, какое значение имели для женщин пояса, свидетельствуют многочисленные этнографические материалы. В Латвии у старух еще в начале XX в. существовало поверье, что в поясе заключается вся сила женщины, и многие не расставались с ним даже ложась спать [Супинский, 1932. С.108]. Поясок на талии, веревка, кусок сети были обязательными оберегами беременных женщин, так как предотвращали возможность подмены и порчи ребенка в материнской утробе [Ильина, 1983. С.16]. Нередко беременным женщинам не рекомендовалось вообще снимать пояс - он будто бы предохранял ночью от кошмарных снов, воспринимавшихся как удушение домовым [Сидоров, 1928. С.146]. У коми многие беременные женщины начинали носить пояс своего мужа, считая его более сильным оберегом. Некоторые беременные для сохранения плода от порчи дополнительно опоясывались на голое тело

черной шерстяной ниткой. У сысольских и ижемских коми-зырян для молодых, отправляющихся под венец, полагались специальные пояса, связанные так же, как рыболовные сети, со множеством узелков [Конаков Н.Д. Вэн// Мифология коми. www.komi.com].

Блеск и звон деталей наборного пояса многократно усиливали обереговое значение пояса.

Одним из наиболее характерных типов женских поясов Пермского Предуралья были пояса неволинского типа второй половины VI-VIII вв. Такое название получили пояса со значительным количеством широких («лопастных») кожаных ремней-привесок, ритмично располагавшихся почти по всей длине основного ремня. Поверхности основного и дополнительных ремней сплошь покрыты бронзовыми накладками и малыми наконечниками ремней. В Прикамье в качестве дополнительного украшения использовались 1-3 низки бронзовых пронизок и привесок на кожаных шнурках, крепившихся к поясу. Кроме специфичной конструкции пояса неволинского типа характеризуются своеобразным набором гарнитуры. Среди накладок типичны круглые, Ж-образные, З-образные, квадратные, щитовидные и арочные, часто с «прорезным» или тисненым орнаментом, «тройчатки». Концы дополнительных широких ремней-привесок украшали малые наконечники вытянутых прямоугольных пропорций, с приострен-

ным нижним концом и с расширенной верхней подпрямоугольной площадкой или без, с украшением в виде резных линий или тиснения [Иванов, 2001. С.87].

Еще до начала бытования неволинских поясов характерным становится использование трубчатых, рожковых и зооморфных пронизок, дополняющих поясные наборы. К агафоновской стадии ломоватовской культуры (конец VI-VII вв.) относится большое количество пронизок, выполненных в технике скульптурного литья. Это уточки, медведи и коньки, известные еще в предыдущий период, а также кричащие птицы, птицы со звериной мордой («крылатая собака-сенмурв») и пр. В более позднее время традиция украшения поясов низками бронзовых пронизок сохранилась, но из скульптурных пронизок продолжали использоваться только уточки.

Объемные зооморфные пронизки использовались только женщинами. Откуда в этих предметах появились мотивы с уточкой, медведем и конем, уже рассматривалось выше. Интерес вызывает образ крылатого пса, ставший очень популярным в VII веке. Представления о крылатых собаках, очевидно, восходят к образу Сэнмурва. Это существо присутствует как в скифском, так и в сасанидском искусстве. Согласно зороастрийскому тексту Сэнмурв сидит на «дереве всех семян» и «каждый раз, когда он поднимается, тысяча веток на дереве нарастает;

и когда садится, тысячу веток ломает и семена с них рассыпает» [Черемисин, 1990. С.28-29]. Широко распространенный сюжет вознесения женщины фантастической птицей, имеющей и звериные черты (Чердынское блюдо и др.), возможно, фиксирует связь женского божества плодородия и собако-птицы [Черемисин, 1990. С.29]. Вполне вероятно, что образ крылатого был заимствован непосредственно из иранской мифологии вместе с сасанидской посудой, которая как раз в это время начала в большом количестве поступать на территорию Пермского Предуралья. Но, с другой стороны, этот образ мог проникнуть на эту территорию и от тюрок вместе с характерной для этого времени поясной гарнитурой. В тюркской среде эти сюжеты, восходящие к иранской и индо-иранской мифологии, трансформировались, в результате чего появился образ собако-птицы Кумай, приносящей счастье, связанной с женским началом и смертью. В эпоху древних тюрок, очевидно, сформировался образ женского божества – Умай, и комплекс тюркских представлений об Умай мог быть результатом трансформации древнего иранского архетипа [Черемисин, 1990. С.29]. А, как доказывает на обширном этнографическом материале А.М.Сагалаев, образ тюркской богини-матери Умай имеет очень много общего с образом угорской богини Калташ [Сагалаев, 1990. С.21-33], с куль-

том которой, на наш взгляд, связано большинство форм женских украшений преимущественно угорского населения Пермского Предуралья.

Если говорить в целом об отношении к поясу на территории Пермского Предуралья, то можно с уверенностью утверждать, что социальной значимостью пояса, возможно, обладали только в харинское время и то, скорее всего, лишь в среде пришлого населения. В основном же пояс и у мужчин и у женщин обладал важным сакраль-

оформления накладных украшений, уменьшении их количества на ремне. Другой тенденцией была «сакрализация» пояса, что особенно характерно для финских народов, и введение в их оформление сюжетов, связанных с их мифологией [Руденко, 2001. С.186].

В целом можно сказать, что в основе декоративных форм прикамских украшений костюма лежат угорские, реже – тюркские представления, сформировавшиеся под значительным влиянием индо-иранской мифологии. Безус-

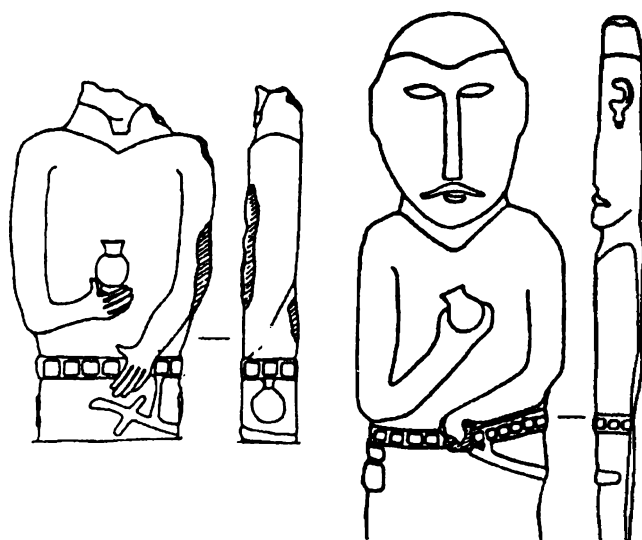

Рисунок 37. Древнетюркские изваяния
(по Д.Г. Савинову)

ным значением. Причем, в этом плане прикамское население оказало серьезное влияние на болгар. Так, К.А.Руденко отмечает, что со второй половины I тыс. н.э. функция пояса и соответствующих ему украшений как социального маркера постепенно заменяется у болгар декоративным началом. Процесс такой «демократизации» выразился в упрощении и обеднении

ловно, отдельные мотивы можно объяснить и с точки зрения в целом финно-угорской, и даже славянской мифологии, однако при этом мы не получим такой целостной картины, как при обращении к угорским параллелям.

Как было сказано выше, одной из наиболее выразительных деталей декора костюма средневековых прикамских племен являлся пояс.

Но то же самое мы можем сказать и о костюме средневековых кочевников.

Наиболее выразительными из дошедших до нас образцов декоративного искусства древних тюрков являются поясная гарнитура и серьги-подвески.

Тюркская поясная гарнитура исследовалась неоднократно, но, главным образом, с точки зрения её хронологической типологии [Ковалевская, 1979; Генинг, 1979; Амброс, 1971. №1 и 2; Богачев, 1992].

Попытаемся рассмотреть поясную гарнитуру в контексте её декоративности, как знаково-смысловую категорию материальной культуры. Что должен представлять собой древнетюркский пояс в его идеальном варианте? Кожаный ремень, снабженный пряжкой, наконечником и сплошь покрытый металлическими бляшками-накладками. Именно такими изображены пояса на многочисленных древнетюркских каменных изваяниях Алтая, Южной Сибири и Казахстана [Кубарев, 1984. Табл. II, 11; V, 35; VII, 48; X, 75; XI, 78; XX, 120 и др.; Кубарев, 1997. С.45, 55, 57, 59, 63 и др.], на фигурах тохаристанских (тюркских) послов с фресок Афрасиаба [Альбаум, 1975. Рис. 11, 12, 13] и, конечно же, именно так они представлены в древнетюркских погребальных комплексах типа Таш-Тюбе, Монгун-Тайга, Туекта и др. [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Рис. 23].

В представлении средневековых

кочевников Евразийских степей пояс — неперенный атрибут воинского костюма, символ богатырской доблести и принадлежности к определенной социальной организации, знак воинской возмужалости [Ковалевская, 1970. С.144; Ковалевская, 1984. С.160; Липец, 1984. С.67]. В тюрко-монгольском героическом эпосе пояс — одна из наиболее часто упоминаемых деталей воинского костюма. Так, героиня хакасского героического эпоса Пичен-Арыг обращается к своему народу, впадшему в разброд и шатание, со следующими словами:

«Не носите одежду без пояса!

Не будьте народом без суда,

без закона!...» [Алтын-Арыг, 1988. С.254].

На социальную знаковость пояса указывает отмеченное в предыдущей главе устойчивое сочетание элементов поясной гарнитуры с предметами вооружения в тюркских погребениях, что также подтверждается сюжетами тюрко-монгольского эпоса. Герой алтайского эпоса «Когутэй» Кускун-Кара-Матыр, собираясь на единоборство, «золотым поясом шесть раз опоясывается»; то же самое делает, собираясь в поход, герой алтайского героического сказания «Алтын-Бизе» [Когутэй, 1939. С.118; Алтын-Бизе, 1965. С.25].

Уже упоминавшаяся героиня хакасского эпоса Пичен-Арыг надевает одежду (хеп) [Хеп — общее название одежды в тувинском язы-

ке. См: Вайнштейн, 1991. С.152], подпоясанную золотым поясом [Алтын-Арыг, 1988. С.274]. Аламжи Мэргэн и его сестра Агуй Гохон — герои бурятского эпоса — свои кафтаны-дээлы, предназначенные для боевых походов, подпоясывают «поясом из цельного серебра» [Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон, 1991. С.111, 172], а Маадай-Кара — герой еще одного алтайского эпоса — собираясь в поход, опоясывается «бронзовым поясом, украшенным золотом» [Маадай-Кара, 1973. С.257]. Таким образом, пояс должен сверкать, сиять и сразу же бросаться в глаза. Достигалось это за счет многочисленных металлических накладок.

Количество накладок на поясе, по-видимому, варьировалось в зависимости от благосостояния и знатности мужчины-воина, поскольку, во-первых, на каменных изваяниях всегда изображены полные поясные наборы, а во-вторых, в археологических материалах количество погребений с полными поясными наборами составляет примерно 30% от всех погребений, где вообще найдены элементы поясной гарнитуры. То есть, в реальной жизни богатые и знатные также не могли составлять большинство общества.

Древнетюркская поясная гарнитура по своим морфологическим признакам делится на два типа: т.н. «геральдическую» и собственно «тюркскую», что, как известно, отражает два хронологических

этапа в развитии степной «моды». Соответственно древнетюркские пояса мы также можем разделить на две хронологических группы: «геральдические» — вторая половина VI-VII вв. [Богачев, 1992. С.159; Ковалевская, 1995. С.171, 175, 176]; «тюркские» — VIII-IX вв. Едва ли есть смысл сомневаться в том, что центром распространения «геральдических» поясов среди евразийских кочевников (да и не только кочевников) являлся аланский мир Северного Кавказа, сам заимствовавший их у византийцев [Ковалевская, 1970. С.153; Ковалевская, 1995. С.170]. Причем, если на Кавказе «представлены все формы накладок, типичных для поясов византийского происхождения дружинников Евразии VI-VII вв.» [Ковалевская, 1970. С.153; Ковалевская, 1995. С.170], то в древнетюркских комплексах встречаются в основном накладки в виде «ласточкиного хвоста», сердцевидные с плоским или прорезным верхом, листовидные с перехватом, псевдопряжки, 4-лепестковые розетки (Таш-Тюбе, Кудыргэ) (рис.5:7, 10, 12, 17, 21, 70 и др.).

Если исходить из посылки о том, что «наборный пояс с подвесными ремешками по заказу императора, шаха, хана, крупного военачальника или дружинника мастер мыслил как сложную систему символов с определенной смысловой нагрузкой» [Ковалевская, 1970. С.144], то мы вправе ожидать, что древнетюркские по-

яса должны представлять собой законченный комплекс пряжек, бляшек-накладок и наконечников, объединенных общими элементами декора. Однако этот принцип в древнетюркской поясной гарнитуре утвердился не сразу.

В целом композиция декора ранних тюркских поясов VI-VII вв. довольно эклектична: на поясе из Таш-Тюбе (Тянь-Шань) «геральдические» накладки комбинируются с накладками в виде фигуры медведя (?) (голова и передние лапы)

бляшками, окаймленными пояском зерни (рис.38). Наконечник этого пояса представляет собой узкую пластину, украшенную фигурами трех львов, а наконечники ремешков-привесок — фигурой крылатого грифона. Пояс из кургана 9 того же могильника, застегивавшийся на «геральдическую» пряжку, украшен круглыми накладками с зернью.

То есть какой-то единой декоративной композиции пояса рассматриваемого периода не имели

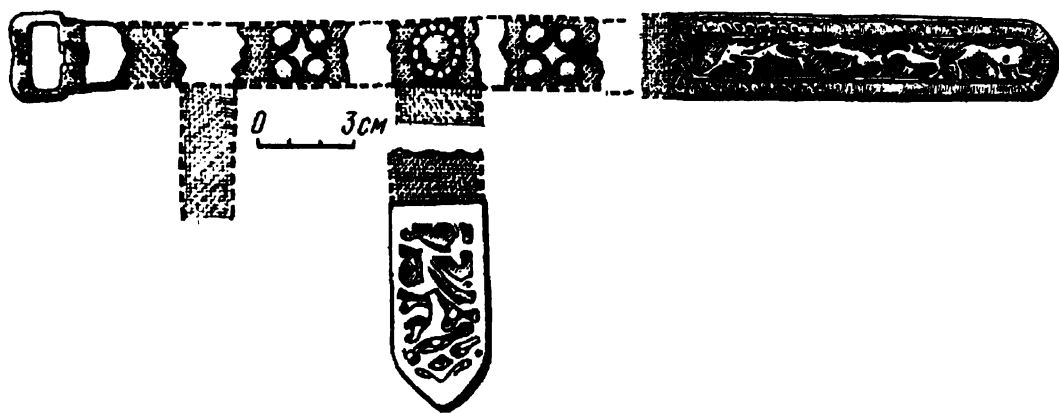

Рис.38. Пояс из Кудыргэ, курган 11, вариант реконструкции

-образ, совершенно не свойственный северокавказским поясам. Стилистически к нему примыкает пояс из могильника Кара-Куджур на Тянь-Шане, украшенный фигурными «геральдическими» накладками и двумя накладками в виде протома кабана [Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. №225]. Пояс из могильника Кудыргэ, кург.11, застегивавшийся на пряжку с В-образной рамкой и пятиугольным щитком («геральдический» тип), был украшен накладками в виде 4-лепестковых розеток, чередующихся с круглыми

и заимствования элементов декора носили у них явно случайный характер.

Положение меняется в VIII-IX вв., когда в древнетюркской среде распространяются пояса, украшенные прямоугольными, полукруглыми и фигурными накладками с прорезью для ремешков-привесок, на которых наблюдается определенная композиция в размещении элементов декора. Выражается она в симметричном размещении по поясу накладок различных форм и конфигураций. Прежде всего, здесь выделяются две

группы поясных наборов: 1 — состоящие из однотипных по форме накладок; 2 — состоящие из накладок разных форм. Первые, судя по изображениям на каменных изваяниях и погребальным комплексам, преобладали. Композиционно они представляли собой ремень, украшенный прямоугольными или полукруглыми накладками с прорезью, расположенными впритык друг к другу или на некотором расстоянии. Застегивались они на овальнорамчатую пряжку с полуовальным подвижным щитком и заканчивались наконечником с закругленным или треугольным концом. Именно такими представлены наборные пояса на фресках Пенджикента, на большинстве каменных изваяний Алтая и Семиречья (Кулада, Кара-Корум, Кокоря, Кеме-Кечу, Туру-Алты, Терс-Акак, Дьер-Тебе и др.) [Распопова, 1980. С.95; Евтюхова, 1952, вып.24. С.74, 83 -85, 87, 91 и др.; Кубарев, 1984. Табл. VII, 48; X, 75; XX, 120; XXIII, 143,144; XXXI, 191, 192; XXXVI, 213; XL, 228; Кубарев, 1997. С.45, 55,63,65,167] и в погребениях VIII-IX вв., типа Монгун-Тайга - 57 - XXXVI, 58 - V; Узунтал, к.2; Туэкта, к.4 и другие.

Вторые представляют собой набор разнотипных по форме накладок, симметрично, как уже указывалось выше, размещенных по ремню. Накладки на таких поясах бывают, как правило, двух, реже трех или четырех типов, но прямоугольные присутствуют обяза-

тельно. На поясах они встречаются в сочетании с полукруглыми накладками (изваяния Хожели-Хараган; Таргалок; Белый Ануй; мог. Черби, к.Б-18) [Евтюхова, 1952. С.82 и сл.; Кубарев, 1984. Табл. II, 11], сердцевидными (Пенджикент, помещение 10 объекта XVI; изваяния Булун, Чанагаш, Кара-Корум, Тото, Кожон-Чол; мог. Курай IV, к.1; Кара-Чога, к.4) [Распопова, 1980. Рис.67,6; Евтюхова, 1952. С.86, 88; Кубарев, 1997. Табл. X, 73; XXII, 139], накладками-лунницами или теми и другими одновременно (изваяние Ачик; мог.Туэкта, к.3; Ак-Кообы, к.235) [Кубарев, 1997. Табл. XI, 78; XLIV, 7].

В том случае, если на поясе присутствуют накладки нескольких типов, они располагаются симметрично, как, например, на поясе из Туэкты, на котором сердцевидные накладки с волнистым краем и полукруглым вырезом расположены посередине ремня, а прямоугольные и полукруглые - по концам, или из могильника Курай IV, на котором такие же сердцевидные накладки расположены посередине, а прямоугольные - по концам (рис.4:3,2).

По характеру декора тюркская поясная гарнитура VIII-IX вв. делится на две группы: гладкая и орнаментированная. Причем, разнообразие форм накладок в данном случае никакой существенной роли не играет. То есть орнаментальные мотивы вписаны в прямоугольные, полукруглые, сердцевидные, овальные и полуовальные, пор-

тальные и другие формы. Орнаментированная гарнитура украшена преимущественно растительным орнаментом, основным элементом которого являются пальметты и извивающиеся побеги (Туэкта (к.4), Курай IV (к.1) и Узунтал (к.2)), реже 4-лепестковые цветы (Черби, к.Б-18) [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Рис. 23: 11, 18, 21; Савинов, 1982. Рис.6] (рис.39).

ет очень широкое распространение, поэтому искать прямые аналогии орнаментированным тюркским поясам очень сложно. Вероятнее всего, появление у тюрков изделий, украшенных растительным орнаментом, - есть следствие очередного витка «степной моды».

Зооморфный орнамент на древнетюркской поясной гарнитуре рассматриваемого периода встре-

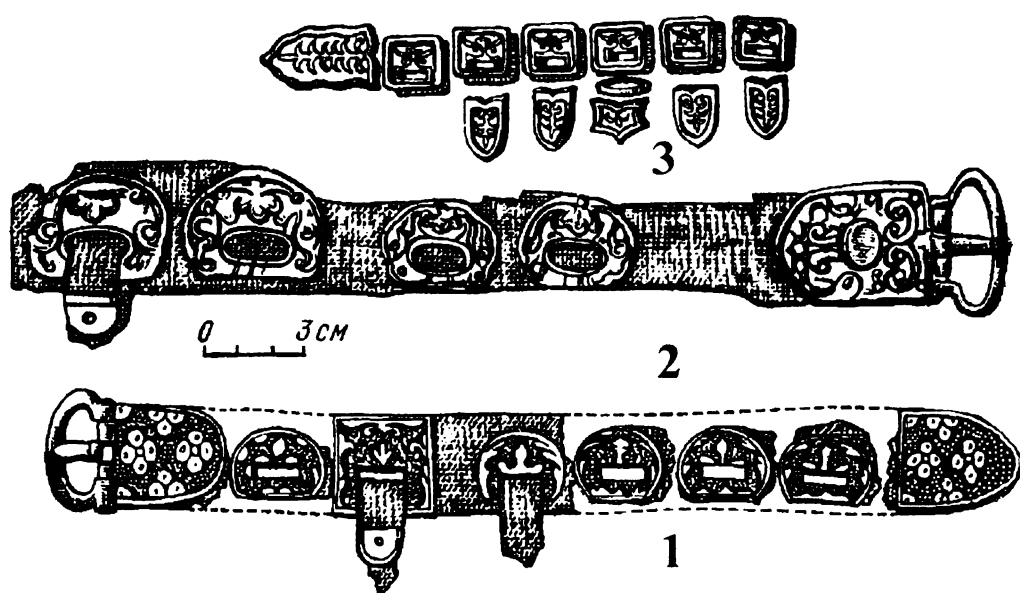

Рис.39. Тюркские пояса с орнаментированной гарнитурой.
1-Черби (к.Б-18); 2-Туэкта (к. 4); 3- Курай IV (к.1)

Пальметты и полупальметты — наиболее распространенный мотив узоров на металлических изделиях средневекового населения Евразийских степей в VIII-IX вв. Причем появляется он одновременно как на западе, так и на востоке Великого пояса степей Евразии — у северокавказских аланов и хакасов [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Рис. 61, 14-18; Кызласов, Король, 1990. С.73 и сл.]. Сам по себе этот мотив име-

ется крайне редко. Наиболее выразительными образцами являются наконечник пояса из кург.2 могильника Узунтал, на лицевой стороне которого изображена скачущая лань в обрамлении растительных побегов и серебряная накладка в виде бабочки из кург.3 могильника Курай IV.

Ещё реже на поясной гарнитуре древних тюрков встречаются антропоморфные изображения. Собственно, это только одна цельно-

литая бронзовая пряжка из погребения Алатау (окраина г.Алма-Ата), на щитке которой изображена человеческая личина [Курманкулов, 1980. Рис.3,2].

Таким образом, создается впечатление, что какого-то самостоятельного смыслового значения поясной декор древних тюрок не имел. Значение имел сам пояс как композиционное целое, зрительное и смысловое восприятие которого усиливалось металлическими бляшками-накладками, расположенными по концам ремня (при застегнутом поясе они оказывались на животе человека) или по всей его длине.

Восприятие пояса как символа социального статуса усиливалось также дополнительными ремешками-привесками, украшенными накладками, лировидными привесками и наконечниками.

Стилистически накладки и наконечники ремешков-привесок соответствуют гарнитуре основного пояса. Судя по изображениям на каменных изваяниях, ремешки-привески располагались симметрично и при надетом поясе свисали по бокам человека (рис.4:4).

У кочевников огузо-печенежского периода традиция ношения наборных поясов продолжает сохраняться, что, по-видимому, в немалой степени было обусловлено тесными культурными связями огузов и печенегов с Хазарией. Как мы могли убедиться из материалов предшествующей главы, у кочевников рассматриваемого пери-

ода пояса, снабженные металлическими украшениями, также являлись атрибутом мужской одежды. В виде полных наборов в погребениях они встречаются редко и, как это совершенно справедливо отмечено Н.В.Хабаровой, ни в одном погребении не встречено одинаковых поясов [Хабарова, 1998. С.189].

Сложность выявления декорированных поясов у огузов и печенегов заключается в том, что достаточно часто металлические бляшки-накладки в погребениях встречаются не *in situ*. Поэтому трактовать их как детали поясного набора бывает очень трудно. Там же, где функциональное назначение бляшек определяется более или менее точно, можно выделить пояса, украшенные полукруглыми (сегментовидными) или прямоугольными накладками с прямоугольной прорезью, сердцевидными накладками с гладкой поверхностью и круглым вырезом сверху или обычными сердцевидными (Атпа-II, кург.2; Тамар-Уткуль, кург....; Барановка, кург.23, погр.1) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С.51; Бисембаев, Гуцалов, 1996. С.248]. В одном случае (Ленинск, кург.3, погр.7) обнаружены остатки пояса, украшенного позолоченными фигурными бляшками в виде пальметты и 7-лепестковых розеток; пояс имел наконечник, украшенный зернью. С поясом, очевидно, была связана и портупейная обойма, украшенная растительным узором [Ха-

барова, 1998. С.186 и сл.]. Известны также сердцевидные бляшки и наконечник ремня арочной формы, украшенные трилистниками и зернью по краям (Старица).

А вот функциональное назначение бляшек в виде стилизованного трилистника и рельефной трехлепестковой розетки от «портупейного набора», найденного у ног погребенного в могильнике Красная Деревня на Нижней Волге (кург.15, погр.8) [Хабарова, 1998. С.188 и сл.], вызывает сомнение, о чем подробнее будет сказано ниже.

По аналогии с поясом из клада, найденного в Саркеле, датированным второй половиной X в. [Макарова, Плетнева, 1983], логично было бы предположить наличие подобных пышных наборов и у кочевников огузо-печенежского периода, однако этого не наблюдается. Исключение составляет набор из Калиновского могильника (кург.1, погр.7), представляющий собой композицию из симметрично расположенных 16 бронзовых бляшек щитовидной, сердцевидной и волютообразной форм. Бляшки инкрустированы серебром в виде растительных мотивов. В этом же стиле оформлены наконечник и пряжка рассматриваемого пояса [Шилов, 1959. С.514]. В остальных случаях мы имеем только единичные находки накладок и пряжек, оформленных в стиле накладок четвертого (по Т.И.Макаровой и С.А.Плетневой) типа из Саркельского

клада, представляющих собой стилизованные трилистники с боковыми выступами и растительным орнаментом, нанесенным чернью по поверхности изделия (Неженский курган в Оренбургской области).

Вообще пряжки огузских и печенежских поясов выглядят довольно выразительно. Они отличаются разнообразием форм (овальнорамчатые, прямоугольные, круглые, арочные, треугольные), конструкций (цельнолитые с 5-угольным или полуовальным щитком, со щитком в виде рамки или бесщитковые) и декора (гладкие, с растительным или геометрическим орнаментом на щитке, поперечными насечками на рамке. Не уступают им по выразительности и наконечники ремней, среди которых мы находим гладкие овальной, полуовальной или прямоугольной форм; фигурные, украшенные сложным растительным или геометрическим орнаментом.

В целом складывается впечатление, что пояса кочевников огузо-печенежского периода в большинстве своем представляли собой ремень с фигурной пряжкой и фигурным наконечником, то есть их декоративное и, очевидно, знаковое значение в убранстве костюма было незначительным.

Эта традиция становится господствующей у кыпчаков-половцев домонгольского и золотоордынского периодов. Причем, у первых она наглядно подтвержда-

ется не только низкой частотой встречаемости деталей поясов в погребальных комплексах, но и семантикой половецких каменных изваяний. Пояса на них изображались очень редко и таким образом, что абсолютно не дают возможности представить ни пряжку, ни другие украшения пояса: «Спереди и с боков они почти не бывают видны, фиксируются только сзади, но изображались пояса на спине очень редко (всего 17 раз). Обычно это две параллельные линии, пространство между которыми ровное и гладкое. Видимо, сзади пояса никак не орнаментировались. Только в отдельных случаях пояс изображался несколькими тонкими параллельными линиями или орнаментировался зигзагом и насечками» [Плетнева, 1974. С. 36]. Чем и как украшался половецкий пояс спереди (и украшался ли вообще), из каменных изваяний понять совершенно невозможно, поскольку живот статуй закрыт руками, держащими сосуд.

Впрочем, отсутствие украшений на половецких поясах вполне объяснимо, поскольку в данном случае пояс выступает не как декоративная, а как функциональная деталь костюма, к которой, за отсутствием карманов, подвешивались различные бытовые предметы - ножи, гребни, кресала, мешочки-кисеты, сумочки — и пристегивались ремни-поножи [Плетнева, 1974. С. 31].

О какой-то композиции золото-

ордынских поясов, в силу их малочисленности, говорить едва ли целесообразно. Однако их знаковая сущность подтверждается тем обстоятельством, что во всех погребениях, где найдены поясные наборы или их детали, находились и предметы вооружения: колчан со стрелами (Усть-Курдюм, Басы I, Ново-Орский, Траповка, «Рясные могилы»); сабля (Мариенталь) или полный набор тяжеловооруженного воина (Олень-Колодезь).

Таким образом, знаковая сущность пояса у средневековых кочевников Евразии не оставалась неизменной. Если для древнетюркского воина обозначение его социального статуса осуществлялось с помощью пояса, который должен был быть замечен и соответствующим образом украшен, то у огузов и печенегов эта традиция заметно ослабевает, а у половцев-кыпчаков практически сходит на нет, что и находит свое выражение в статистике соответствующих категорий материальной культуры. Какого-либо стилистического единства ни в декоре огузо-печенежских, ни в декоре половецко-кыпчакских поясов не наблюдается. Наборные пояса в конце I - первой половине II тыс. н.э. в кочевнических комплексах степной Евразии становятся настолько редкой находкой, что о стилистике их декора мы можем говорить как о субъективном явлении, обусловленном индивидуальными вкусами или возможностями их владельцев.

В предыдущей главе было показано, что пояс с металлическими накладками и серьга составляют комплекс убранства костюма у древних тюрков и кочевников огузо-печенежского круга. То есть налицо еще один знаковый элемент, отражающий социальный статус индивида. Композиция древнетюркских серег подтверждает это со всей очевидностью. Серьги, изображенные на каменных изваяниях и обнаруженные в древнетюркских погребальных комплексах, представляют собой изделие, состоящее из двух элементов: несомкнутого кольца с выступом и шарика-привески, цельнолитого или насаженного на специальный стержень. Какого-либо дополнительного декора ни на серьгах, ни на шариках-привесках не наблюдается. Да он, по-видимому, и не требовался, поскольку серьга, вместе с поясом, обозначала социальный статус индивида, а не украшала его. Серьга должна была, прежде всего, выделяться на теле и сразу же бросаться в глаза, что и достигалось дополнительными привесками к кольцу-основе (рис.3). Редкие исключения, как, например, серьги из кургана Акчий I (погр.2) [Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. С.148], имеющие шарики-привески, покрытые глазчатым орнаментом, принадлежат женскому костюму и имеют совершенно иное семантическое значение.

То, что в древнетюркской сре-

де серьги с шариками-привесками являлись принадлежностью не только женского, но и мужского убранства, - непреложный факт, подтверждающийся, во-первых, изображением подобных серег на древнетюркских каменных изваяниях (Таарбол, Таргалок, Тото, Кожон-Чол, Кыпчыл, Юстыд, Текелю, Чуйская долина, Иссык-Куль и др.) [Евтюхова, 1952. С.82 и сл.]; во-вторых, изображениями на фресках Афрасиаба и Калаи-Кафирнигана [Альбаум, 1975. Табл. XIII; XIV; XXIV; Литвинский, 1981. С.131-133]; наконец — изображениями царствующих особ на сасанидских блюдах (Керчева, Малая Перещепина, Турушева и др.) [Орбели, Тревер, 1935. Рис.3-6, 10].

Что означает выступ на кольце серьги - понятно. Это - ограничитель, мешающий серьге свободно болтаться в ухе. Что же касается шарика-привески, то в данном случае это может быть символ «жемчужины счастья и долголетия» - мотив, широко распространенный в танском декоративном искусстве.

Серьги огузов и печенегов уже можно разделить на два типа: мужские и женские. Первые - простое несомкнутое кольцо из медной или серебряной проволоки круглого сечения (рис. 3:3). Вторые, встречающиеся в единичных экземплярах, - крупные (до 5 см в диаметре) несомкнутые кольца из круглой в сечении проволоки с напускной бусиной биконической или желу-

девидной формы. На бусине нанесен выпуклый орнамент из крученого шнура (рис. 3:4-7). То, что это именно женские серьги, наглядно подтверждает комплекс из кургана 37 могильника Саркела - Белой Вежи, содержащий типично женский набор вещей, включая и ножицы [Плетнева, 1990. Рис.21]. Судя по тому, что аналогичные серьги встречаются, главным образом, в русских кладах [Федоров-Давыдов, 1966. С.40], есть основания предполагать, что в степь они попали именно с территории Руси, а потому и семантика их декора должна рассматриваться с позиций древнерусского искусства и мировоззрения.

Как известно, погребения огузо-печенежского времени (X-XI вв.) в Евразийских степях делятся на две этнокультурные группы - собственно огузскую и печенежскую. Первая локализуется в южной части Волго-Уральских степей по левобережью Нижней Волги, верховьям Узеней, в районе оз. Шалкар, в среднем и верхнем течении р.Илек. Основными морфологическими признаками огузских погребений являются впускные захоронения в могилах простой конструкции, в сопровождении коня (череп и кости ног), уложенного над погребенным на деревянном настиле, западная или юго-западная ориентировка погребенного, наличие в погребении принадлежностей и украшений конской сбруи, наконечников стрел, деталей поясной гарнитуры, бронзо-

вых «копоушек» и подвесок в виде стилизованных птичьих фигур.

Печенежские погребения, в свою очередь, характеризуются основными или впускными захоронениями в простых могилах, наличием шкуры коня (череп и кости ног), уложенной слева от погребенного, западной, юго-западной или северо-западной ориентировкой погребенного, наличием в могиле деталей конской сбруи (стремена и удила), стрел, пряжек и поясных накладок, ножей [Ivanov, Garustovic G., 1994].

Статистика рассматриваемых в данный момент категорий декоративного искусства показывает, что из всех погребений X-XI вв., содержащих серьги, абсолютное большинство (86%) - печенежские, а поясные наборы главным образом найдены в огузских захоронениях (75% всех погребений с поясами).

Но поясная гарнитура, как это было показано в предыдущей главе, образует устойчивую связь с предметами вооружения (наконечники стрел, сабли) и украшениями конского оголовья - бляхами-решмами. Сабли относятся к категории представительных признаков для печенежских погребений Южнорусских степей (территория современной Украины), а бляхи-решмы являются этнографическим признаком именно огузских погребений (хотя 20% всех огузских погребений, сопровождаемых конем, также содержали сабли). Следовательно, едва ли

приходится сомневаться в том, что и для огузов, и для печенегов пояс по-прежнему оставался знаком воинской принадлежности.

Сложнее обстоит дело с серьгами. С одной стороны, серьга и поясная гарнитура в комплексах X-XI вв. также обнаруживают между собой устойчивую взаимовстречаемость, что позволяет рассматривать серьги как элемент убранства мужчины-воина. Но, с другой стороны, серьги обнаруживают такую же связь с браслетами, перстнями и бусами — предметами, на первый взгляд, сугубо женскими. И, применительно к комплексам огузо-печенежского периода, это действительно так. Исключение составляют погребения могильников Змеевского и Кырнацены (кург.3), где найдены сабля и перстень; Раим (кург.3), содержащее стрелы и перстень; Ново-Каменка (кург.5) — сабля и браслет; Широкое III (кург.1) — наконечники стрел, сабля и браслет. Всего 5 погребений, или 0,95% от всех известных погребений X-XI вв. Все остальные погребения рассматриваемого периода, содержащие подобные украшения, мы вправе трактовать как женские.

Видимо, ношение перстней и браслетов мужчинами-воинами в огузо-печенежское время следует рассматривать не более как пережиток предшествующего периода. Относительно широкое распространение этих категорий украшений в огузо-печенежской этнокультурной среде, вероятнее всего, отра-

жает уже новую традицию, основным содержанием которой является усложнение убранства женского костюма. Статистически здесь можно выделить два «идеальных» комплекса украшений: серьги, браслет, перстень и серьги, перстень, бусы. В реалии эти комплексы хотя и встречаются в полном виде, но крайне редко (Быковский I, кург.10; Восточный Маныч III, кург.10; Саркел, кург.37; Старица, кург.7; Кой-Су, кург.17).

Как уже указывалось в предыдущей главе, перстни в кочевнических комплексах X-XI вв. в основном представлены «салтовскими» типами. Что же касается браслетов, то здесь какого-то стилистического единства уловить не удастся. Чаще всего встречаются гладкие браслеты из круглой в сечении бронзовой или серебряной проволоки. Реже — браслеты, плетеные из тонкой серебряной проволоки. Известны два подобных браслета, украшенные мелкой зернью и лазуритовыми вставками на концах (Саркел, кург.37; Киляковка, кург.4, погр.1) (рис. 7:9). И уж совсем единичными экземплярами представлены пластинчатые браслеты, один из которых (серебряный наруч из кург.37 могильника Саркел) украшен узором-плетенкой на зачерненном фоне; два других представляют собой фигурную пластину с закругленными концами, украшенную по краям и центру мелкими выпуклинами (Успенка); третий (Верхний Балыклея, кург.7) изго-

товлен из тонкой серебряной пластины, украшенной прорезным растительным орнаментом и тремя вставками из синего стекла [Плетнева, 1991. Рис.21,7,8; Яворская, 1977. С.151] (рис. 7:8).

Распределение браслетов и перстней по комплексам огузо-печенежского времени таково: почти половина браслетов (7 из 15 известных) найдены в огузских погребениях Нижнего Поволжья (Быково I, кург.10 и 16; Верхний Балыклей, кург.7; Заканальный, кург.4; Киляковка, кург.4; Лапас; Молчанка I, кург.2); еще два комплекса с браслетами содержит кочевнический могильник Саркела - Белой Вежи (погр.19/56 и кург.37), оставленный смешанными группами огузов (торков) и печенегов [Плетнева, 1991. С.95], тогда как перстни в большинстве своем (15 из 23 известных) найдены в печенежских погребениях Нижнего Дона и Украины. То есть, едва ли есть смысл сомневаться в том, что браслет - элемент убранства, свойственный именно огузам, тогда как перстни большей популярностью пользовались, по-видимому, в печенежской среде.

Этнографическим признаком убранства огузского женского костюма являются обувные украшения, представленные мелкими фигурными бляшками-накладками из бронзы или серебра. В основном они встречены в комплексах Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Увак; Киляковка, кург.4, погр.1; Волжский, кург.2; Верхний

Балыклей, кург.7), но известны они и западнее: на Дону (Кулешовка, кург.1); на Левобережной (Колпаковка, кург.3) и Правобережной (Антоновка) Украине [Федорова-Давыдова, 1969. С.266; Шалобудов, Кудрявцева, 1981. С.95; Мыськов, 1993. С. 77]. Судя по имеющемуся материалу, бляшки, украшавшие кожаные сапоги, были самые разнообразные (рис.11:5), однако, среди них выделяются несколько наиболее распространенных типов: круглые полусферические, окаймленные мелкой зернью; полулунницы с круглыми выступами по концам; спаренные полусферические, соединенные перемычкой из мелкой зерни. Кроме того, встречаются бляшки, в декоре которых читаются какие-то элементы растительного орнамента, бляшки подтреугольной, прямоугольной, овальной или Х-образной форм.

Материал трех погребений - Увак, Киляковка и Антоновка - где обувные бляшки сохранились *in situ*, показывает, что на обуви они составляли определенную композицию: крупные и наиболее сложные по своим очертаниям бляшки располагались по центральной оси мыска, будучи окаймленными мелкими бляшками, нашитыми сплошной лентой. На щиколотке сплошной поперечной лентой нашивались бляшки покрупнее («полулунницы» или круглые).

В большинстве погребений, где были найдены обувные украшения, находились и ручные украше-

ния - браслеты (Верхний Балык-лей, Киляковка, Кулешовка) или перстень (Волжский).

Этот факт представляется весьма примечательным, поскольку руки, украшенные перстнями или браслетами, и ноги, обутое в расшитые металлическими бляшками сапоги, являются столь же бросающейся в глаза деталью, что и головной убор, о котором, к сожалению, применительно к огузам мы данных никаких не имеем. То есть и в данном случае есть основания предполагать, что перстень, браслет и расшитый бляшками сапог являлись не просто украшениями костюма, но деталью, непосредственно связанной с местом данного индивида в социуме. Последнее особенно подчеркивается тем обстоятельством, что погребенная в Увакском кургане женщина «была одета в роскошную блузу, сшитую из гладкокрашенного тонкого желтого шелка и более плотной шелковой ткани красного цвета с черным набивным узором», а на груди погребенной в кургане №4 могильника Киляковка сохранились фрагменты плотной ткани золотистого цвета с растительным узором [Федорова-Давыдова, 1969. С.262; Мыськов, 1993. С.76]. Следовательно, можно полагать, что обе эти женщины были одеты в одежды из дорогих тканей, доступных далеко не каждому.

Рассмотренные выше элементы убранства огузского и печенежского костюмов декорированы ра-

стительным или геометрическим орнаментом, состоящим из завитков, спиралей, окружностей, трилистников-пальметт, растительных побегов, многолепестковых розеток. Однако зооморфные мотивы в декоративном искусстве кочевников рассматриваемого периода также присутствуют и представлены они бронзовыми подвесками в виде стилизованной фигуры птицы с расправленными крыльями и подвесками в виде двух птичьих протом. И первые, и вторые являются этнографическим признаком огузских комплексов.

Поверхность крылатых фигур украшена растительным орнаментом и в ряде случаев они снабжены привесками в виде гусиных лап или яиц (рис.3:16,17). Что касается ажурных подвесок в виде спаренных птичьих головок, то относительно вида изображенных на них птиц ничего определенного сказать нельзя. Выделяются только длинные изогнутые шеи и короткие кривые клювы, приближающие этих птиц к фламинго. В принципе в этом нет ничего невероятного, поскольку обитавшие в степях Приаралья и Прикаспия огузы неоднократно видели этих птиц и, возможно, наделяли их каким-то сакральным смыслом.

Судя по материалам погребений (Увакское, Киляковское, погребение «А» из кургана у хут.Заяры), птицевидные подвески составляли комплекс поясных украшений представительниц огузской кочевой знати. И вне всякого сомне-

ния, подобные пояса выполняли охранительную функцию.

Птицевидные подвески в том виде, как они представлены в огузских комплексах, аналогий в степной Евразии не имеют. На этом основании Л.М.Гаврилина рассматривает их как результат контактов кочевников с народами финно-угорской группы, у которых аналогичные украшения были широко распространены и выполняли функцию амулетов-оберегов [Гаврилина, 1985, №3. С.221].

Еще одним этнографическим элементом огузского костюма являются бронзовые подвески-копоушки (рис.3:18-21). Самая интересная деталь этих предметов - ажурные щитки листовидной формы, украшенные растительным орнаментом в виде трилистника, вырастающего из бутона-жемчужины. Рамка щитка, как правило, украшена пояском мелких круглых выпуклин или витым шнуром. По орнаментации и композиционным схемам оформления рукоятей-щитков копоушки разделяются на пять типов: I - крупные копоушки (от 9 до 13,5 см) с широкими каплевидными ручками, внутреннее пространство которых занято изображением древа жизни, ветви которого напоминают распростертые крылья птицы; II - более мелкие по своим размерам копоушки, щиток которых украшен изображением трилистника; III - в каплевидный щиток копоушки вписано стилизованное изображение птицы; IV — копоушки с богато орнаментиро-

ванной рукоятью, орнамент которой напоминает летящую птицу; V - копоушки веслообразной формы с рукоятью, украшенной непрорезным выпуклым орнаментом в виде растительного побега - пальметты [Гаврилина, 1985. С.216-218.-].

Прямых аналогий описанным копоушкам в евразийских степях также не известно, хотя идентичные функционально предметы известны в аланских, салтовских древностях и в древностях корелы.

Мотив «древа жизни», широко распространенный по всему миру и олицетворяющий культ богини-матери, богини воды и плодородия [Латынин, 1933. С.25-31], придает копоушкам сакральный характер амулета-оберега, охраняющего женщину и ее детей. Это, в частности, подтверждается тем, что в кург. 59 могильника у Саркела - Белой Вежи подобный щиток копоушки использовался в качестве подвески-амулета [Плетнева, 1990. С.73]. Да и сами копоушки по своему функциональному назначению предполагают наличие на них подобной сакральной символики.

В декоре костюма половцев-кыпчаков домонгольского периода серьги однозначно превращаются в принадлежность женского убранства. Во-первых, как это следует из данных, приведенных в первой главе, они образуют устойчивую связь с такими сугубо женскими предметами, как зеркала, ожерелья из бус и детали голов-

ного убора. Во-вторых, на это же указывает иконография половецких каменных изваяний, где серьги изображены только на женских статуях [Плетнева, 1974. Изв. №№ 7, 11, 12., 19, 22, 24, 28, 31 и др.; Гераскова, 1991. Ил.]. С.А.Плетнева по изображениям на каменных изваяниях выделяет 7 типов половецких серег, из которых в археологических комплексах представлены круглые кольчатые серьги (тип I по С.А.Плетневой), кольчатые с напускной бусиной (тип II) и кольчатые с биконической дутой крупной нанизкой (тип III) [Плетнева, 1974. С.44]. Серьги двух последних типов в половецких погребениях XII-XIII вв. встречаются крайне редко и, по мнению исследователей, заимствованы у русских [Федоров-Давыдов, 1966. С.40]. Вместе с тем, их социальная знаковость продолжает сохраняться, поскольку около трети (29,6%) всех погребений с серьгами содержат оружие - наконечники стрел, сабли (Ажинов, Берестняги, Большемихайловский, Вербки, Георгиевское, Губская, Каменка и др.). В мужских погребениях содержатся по одной серьге и представляют собой они простые несомкнутые кольца из медной или серебряной проволоки.

У кочевников золотоордынского периода серьги - это тоже деталь женского убранства, образующие устойчивую связь с зеркалами и деталями головного убора - боккой. Представлены они изделиями четырех типов: в виде не-

сомкнутого кольца из круглой проволоки со слегка приостренными концами; в виде несомкнутого кольца, один конец которого закручен в петлю; в виде кольца с насаженной круглой бусиной; в виде знака «?», опущенный стержень которого обмотан тонкой проволокой с бусиной на конце (рис.3:12-15). Последний тип иногда имеет стержень, состоящий из двух звеньев. Характерно, что, во-первых, в погребениях встречаются, как правило, по одной серьге, а во-вторых, серьги первых двух типов встречаются в мужских захоронениях (16,5% всех погребений с серьгами).

То есть мы имеем основания полагать, что у кочевников половецко-кыпчакского этнокультурного круга серьги выполняли, скорее всего, роль амулета-оберега, а не детали декора, предназначенной привлечь внимание к личности их владельца.

Ручные украшения - перстни и браслеты - среди средневековых кочевников Евразийских степей, как можно судить по частоте встречаемости их в погребениях, особой популярностью не пользовались. Исключение, как указывалось выше, составляют комплексы огузо-печенежского периода, в которых мы вправе видеть влияние иранско-среднеазиатского мира, где этот вид украшений был достаточно популярен. Поэтому, надо полагать, древнетюркские и половецко-кыпчакские перстни и браслеты не отличаются вырази-

тельностью и сложностью декора. Тогда как массивные с крупными жуковинами из цветного камня или стекла перстни у огузов и печенегов в сочетании пусть даже с простеньким браслетом представляли собой достаточно выразительную декоративную композицию, указывающую на неординарность индивида в системе социума.

Специфической категорией материальной культуры и предметов декоративно-прикладного искусства евразийских кочевников, начиная с эпохи древности, являются металлические зеркала (рис.9,10). Как было показано в предыдущей главе, для эпохи средневековья металлические зеркала чаще всего встречаются в древнетюркских погребениях (6,7%) и кочевнических погребениях Золотой Орды (22%). Ни для огузов и печенегов, ни для половцев домонгольского периода они не были характерны.

Судя по условиям их нахождения в погребальных комплексах (в матерчатых или кожаных чехлах), зеркала не являлись элементом декоративного убранства женского костюма. Хотя на половецких изваяниях XII-XIII вв. зеркала изображены подвешенными к поясу как бы в открытом виде, так, что на них читается орнамент, украшавший их тыльную сторону [Плетнева, 1974. Изв. №№ 11, 14,43, 50,51,58 и др.]. Но это, по видимому, художественный прием, рассчитанный на зрителя. То есть в среде средневековых кочев-

ников Евразийских степей зеркала выполняли свою прямую функцию — предмета повседневного туалета — и украшавший их орнамент предназначался для каждого конкретного артефакта и, естественно, для его владелицы.

Поэтому, надо полагать, на четырех из 12 зеркал, происходящих из древнетюркских комплексах, мы видим изображения сюжетов, не имеющих прямого отношения к мировоззрению древних тюрков. Прежде всего, в этом плане показательно знаменитое «зеркало Цинь-Вана» из кургана Мугур-Аксы в Туве, на обратной стороне которого изображены «собаководные морские кони» и полная глубокого философского смысла надпись китайскими иероглифами, призывающая владельца зеркала «постигнуть свою собственную сущность» [Грач, 1958. С.26 и сл.; Итс, 1958. С.35-37] (рис.9:3).

То же самое относится и к зеркалу из кург.1 могильника Бертек-20 на Алтае с изображением типично китайской пасторальной сцены: три человеческих фигуры под сенью раскидистого дерева на берегу бурного потока и стоящий на переднем плане ослик, навьюченный поклажей (рис.9:2).

Зеркало из кург.1 могильника Бертек-34 хотя и украшено геометрическим орнаментом, но состоящим из мотивов, для тюркской орнаментики не характерных: ряд зубчиков, жемчужин, шнур (рис.9:1) [Древние культуры Бертекской долины, 1994. С.149].

Из кург.19 могильника Саглы-Бажи I на юге Тувы происходит обломок еще одного китайского зеркала, украшенного рельефными изображениями 6-лепестковых цветков на фоне т.н. «облачного орнамента» (рис. 9:4) [Грач, 1968. С.106].

Остальные древнетюркские зеркала или совсем не орнаментированы, или украшены прочерченными концентрическими окружностями, символизирующими все что угодно: от солнечного диска до единства и бесконечности мироздания [Мифы народов мира, 1998. С.630].

Характерным элементом декора половецких зеркал XII-XIII вв. становится крест — одинарный или двойной (8-конечный), иногда vyplненный из растительных завитков (Козицкое погр.). Появление мотива креста в декоративном искусстве средневековых кочевников пока остается загадкой. Естественно, здесь не может идти речи о какой-то христианской символике, скорее всего в данном случае мы имеем дело с реминисценциями мировоззрения древних индо-европейцев, у которых крест и свастика символизировали высшие сакральные ценности, выступали моделью мирового древа, символом единства жизни и смерти, плодородия, бессмертия. Во многих культурно-исторических традициях крест, вписанный в круг, означал единство мужского и женского начал [Мифы народов мира, 1998. С.13 и сл.]. Как бы то ни

было, очевидно, что половецкие зеркала с крестовидным орнаментом - продукт степного художественного творчества, символизирующий, наряду с каменными изваяниями, преемственность в мироощущении кочевников Евразийских степей [Федоров-Давыдов, 1976. С.85-103].

Остальные, довольно немногочисленные половецкие зеркала - явно продукт торговли с восточными соседями. Прежде всего, это зеркало, обратная сторона которого украшена шестью 6-угольными медальонами, каждый из которых содержит одну и ту же арабскую надпись - клеймо мастера, изготовившего зеркало (Ясиноватая) [Привалова, 1983. С.309]. Затем - явно китайское зеркало в виде 8-лепестковой розетки, украшенной плохо читаемым растительным орнаментом (Пляж, погр.64). Зооморфные мотивы на половецких зеркалах представлены фигурами трех бегущих по кругу сайгаков (Колпаковка-XXVII, кург.5) и фигурами четырех парящих по кругу лебедей (Демьяновка). Оба эти персонажа были хорошо известны кочевникам и, очевидно, наделялись каким-то сакральным смыслом.

Культура Золотой Орды, выступившая в роли интегрирующего фактора евразийской степной культуры, оказала радикальное влияние на динамику художественной культуры кочевников, что отразилось также и на такой утилитарной категории, как металличе-

кие зеркала. Во-первых, они становятся очень популярны; во-вторых, среди золотоордынских кочевников широко распространяются зеркала - реплики с привозных оригиналов с соответствующими орнаментальными сюжетами и, в-третьих, ассортимент сюжетов приобретает какую-то смысловую законченность.

Работу по описанию и систематизации зеркал X - XIV вв. с территории Саратовского Поволжья провели Л.Ф.Недашковский и А.И.Ракушин, разбив их на отделы по форме и размерам бортика и на типы — по мотивам и сюжетам орнамента [Недашковский, Ракушин, 1998]. Сопоставляя наблюдения названных исследователей с нашими собственными, можно сделать следующие выводы: прежде всего, в золотоордынскую эпоху продолжает сохраняться «солнечный крест», правда, теперь уже составленный из арочных сегментов (тип В14 по Л.Ф.Недашковскому и А.И.Ракушину) (рис.9:7). Другим орнаментальным сюжетом, получившим широкое распространение на зеркалах золотоордынского периода, являются фигуры двух плывущих по кругу друг за другом рыб (тип Г20) (рис.10:4,5). У иранцев рыба - чистое существо, оказывающее благотворное влияние на человека, у китайцев и индусов - символ долголетия, плодovitости, сексуальной силы, мудрости [Мифы народов мира, 1988/ С.391 и сл.]. Причем, нет никакого сомнения в том,

что семантика этого сюжета была очень хорошо известна как изготовителям подобных зеркал, так и их потребителям в кочевнической среде. Дело в том, что в погребальных комплексах XIII-XIV вв. Урало-Поволжья известны если не привозные, то явные реплики с зеркал китайского производства, где натуралистически выписанные фигуры рыб изображены в струях воды или среди водорослей (XXXXXXX; Аткарский мог., кург.10; устье р.Черемшан; Маляевка, кург.7). Однако преобладает все-таки этот же сюжет, но исполненный в местной, довольно примитивной технике. Характерно, что этот сюжет был известен и половцам - куманам XII - нач. XIII вв., которые в своем продвижении на запад донесли его до Дуная (зеркало из Банкута, Венгрия) [Paloczi Horvath, 1989. Pl.37].

Из Китая же в Евразийские степи попадали зеркала, украшенные фигурами драконов (воплощение положительного начала, помощник в добывании богатства и жизненных благ) [Paloczi Horvath, 1989. Pl.37] (рис.10:7). Правда, широкого распространения среди золотоордынских кочевников они не получили, поскольку этот персонаж, по-видимому, не пользовался популярностью в тюркской среде.

Гораздо чаще в кочевнических погребальных комплексах золотоордынского периода встречаются зеркала, украшенные фигурами зверей, бегущих или идущих по кругу. Это - сцена гона собаками

зайца, лисы и козули на фоне сложного растительного орнамента (рис. 10:6); бегущие по кругу собаки (Алебастрово II, кург.5) (рис. 10:8); сложное переплетение голов козули, зайца, птицы и человека, переплетенных растительными побегами (тип А5) (рис.10:3). По данным Л.Ф.Недашковского и А.И.Ракушина, зеркала данного типа в большом количестве представлены в материалах Болгарского городища [Недашковский, Ракушин, 1998. С.88].

Популярным сюжетом для украшения зеркал золотоордынского времени являлся мифический персонаж - Сэнмурв или Симург - иранское олицетворение высшего духовного начала, обладающий способностью к исцелению недугов, божество судьбы, удачи, предназначенности [Тревер, Луконин, 1987. С.56].

Не меньшей популярностью пользовался растительный орнамент в виде причудливо переплетенных побегов и цветов. Среди последних читаются лилия (символ чистоты и невинности) (Аткарск, кург.1; Зауморье, кург.1 и 14) (рис.10:1,2) и лотос (символ процветания, долголетия, здоровья, чистоты и жизненной полноты) [Мифы народов мира, 1988. С.55, 71] (Визенмиллер III, кург.5). Иногда встречаются зеркала, украшенные «сеткой бесконечности», что вместе с круглой формой самого зеркала должно символизировать бесконечность самой жизни и обеспечивать владелице зер-

кала долголетие (Тлявгулово, кург.2) (рис.9:12).

Таким образом, хотя зеркало и не являлось элементом декоративного убранства кочевнического костюма, как элементу культуры, тесно связанному с личностью человека, ему придавался глубокий сакральный смысл. В этом мы убеждаемся, обратившись к орнаментике кочевнических зеркал, которая, несмотря на её кажущуюся случайность и хаотичность, состоит из сюжетов, подчеркивающих и усиливающих сакральную сущность предмета, вовсе не предназначенного для широкого обозрения. Более того, со смертью владелицы должна была наступить и «смерть» зеркала, о чем свидетельствуют зеркала, чаще всего помещаемые в могилу в сломанном виде.

В указанной работе Л.Ф.Недашковского и А.И.Ракушина приведена таблица частоты встречаемости зеркал того или иного типа на золотоордынском городище Увек (Укек) и в кочевнических погребениях. Из таблицы следует, что в городском культурном слое преобладали зеркала восточных прототипов, тогда как в кочевнических погребениях - зеркала с геометрическим (крестовидным) орнаментом, возникшие в степи еще в домонгольскую эпоху [Недашковский, Ракушин, 1998. С.94 и сл.].

Детали головного убора - важного элемента костюма, несущего большую смысловую нагрузку -

известны только в половецко-кыпчакских комплексах XII - XIV вв., причем исключительно в женских погребениях.

Рассматривая головные уборы, изображенные на половецких статуях, С.А.Плетнева отмечает, что «это по существу соединение собственно головного убора — шляпы, прически и украшений в единое, в целом очень красивое и пышное сооружение. Не всегда можно даже решить, к какой из этих трех частей сооружения принадлежит та или иная изображенная на статуе деталь» [Плетнева, 1974. С.38]. Судя по всему, головные уборы изготавливались в основном из органических материалов - ткань, кожа, войлок - и в археологических комплексах представлены только отдельными своими деталями.

По изображениям на половецких статуях шесть типов женских половецких шляп: шляпы с толстыми полями и высокой тульей; шляпы-повязки; плоские шапочки — «амазонки»; конусовидные шапки; капюшоны и капюшонообразные шапочки [Плетнева, 1974. С.38]. С.А.Плетнева в качестве одного из важнейших украшений головного убора половчанок, широко представленного на каменных изваяниях, выделяет т.н. рога - рубчатые полукруги, идущие от полей шляпы к плечам. В реалии это были берестяные или деревянные футляры для кос, иногда сохранявшиеся в погребальных комплексах рассматриваемого периода.

Наиболее яркое представление о подобном уборе дает материал погребения в урочище Лучки (Правобережная Украина), где от парчовой шапочки на шелковой подкладке к плечам погребенной спускались два изогнутых деревянных валика, обтянутые материей, на которую были нашиты по 120 бронзовых полуколец, обтянутых серебряными пластинками с позолотой. От затылка на спину спускался кусок шелковой материи с нашитыми на него 30 золотыми орнаментированными бляшками (лопасть). Венчал головной убор резной костяной шишак с отверстиями для перьев вверху [Самоквасов, С.224; Федоров-Давыдов, 1966. С.37; Плетнева, 1973. Рис.2/1,2]. Подобные украшения, внешне напоминающие бараньи рога, имели, по-видимому, не только декоративное, но и сакральное значение [Плетнева, 1974. С.42].

Разновидностью убранства описанного головного убора являются, надо полагать, берестяные футляры для кос - т.н. «бокка». Это полый цилиндр, свернутый из нескольких слоев бересты и прошитый по краю. Диаметр их колеблется от 3 до 8 см, а длина - от 10-15 до 25-35 см. Иногда на бокке сохраняются остатки покрывавшей ее ткани и нашивные серебряные или бронзовые бляхи (Тявгуловские, Уральские курганы) (рис.8). Встречаются они повсеместно, но повышенную тенденцию к распространению обнаруживают все-таки в Южном

Приуралье, Волго-Донском междуречье и на Нижнем Дону.

В кургане №7 могильника у с.Хабарный в Оренбургской области найдена бокка в виде берестяного «сапожка», украшенного по «голенищу» бусинами и раковинами саги (рис.8:3). Идентичная бокка, но обтянутая шелковой тканью с золотой штамповкой, найдена в кирпичном склепе на могильнике «Маячный бугор» в Астраханской области [Васильев, 1998. С.105]. Средневековые китайцы подобный головной убор называли «шапочкой гу-гу» - гусь, поскольку его верхняя часть похожа на гуся [Мэн-да бей лу, 1975. С.80 и сл.].

Другой разновидностью женского головного убора кочевников Золотой Орды являлась конусовидная шапочка, типа более поздних казахских сэукеле, основу которой составляла берестяная лента, свернутая спиралью (хут.Семенкин, кург.16, 28, 31). Сверху шапочки были обтянуты красным шелком и златотканой парчой. На лобных частях двух шапочек были нашиты раковины саги, на макушке третьей - три круглых золотых нашивки, украшенные орнаментом в виде 4- и 6-лепестковых розеток [Ларенок, 1992. С.169].

Судя по изображениям на половецких статуях, дополнительными украшениями женского головного убора являлись различные бляхи-застежки квадратной или ромбической формы, с помощью которых к шляпе прикреплялись наспинные лопасти [Плетнева, 1974.

С.39-41]. По-видимому, какого-либо «серийного» производства подобных украшений в половецко-кыпчакской среде налажено не было и при необходимости использовались совершенно случайные предметы, соответствующие по форме и размерам. Например, у левого плеча погребенной в кург.5 могильника у пос.Урал в Оренбургской обл. была найдена квадратная серебряная бляшка с растительными и зооморфными изображениями и арабской надписью, явно относящаяся к украшениям головного убора, но в действительности оказавшаяся украшением кожаного пояса - зуннара, который должны были носить христиане, проживающие в мусульманском средневековом Иране [Булгаков, 1984. С.98-101].

Другого типа украшение головного убора в виде строенных розеток, украшенных растительным орнаментом и стеклянной вставкой, происходит из могильника Русский колодец под Таганрогом (кург.VII/11).

Сравнивая ассортимент элементов костюмного декора средневекового населения лесного Прикамья и степного Урало-Поволжья, мы убеждаемся, прежде всего, в его явном сходстве. То есть категории убранства в принципе были одни и те же – серьги, ожерелья, перстни, браслеты, пояса. Хотя, безусловно, этнографические отличия также очевидны: шумящие накосники – у оседлых прикамских племен; зеркала – у кочевни-

ков-степняков. Это, как говорить-ся, различия, «лежащие на поверхности». Вместе с тем прослеживаются отличия и более глубинного характера. Они заключаются в отношении рассматриваемых групп населения к составляющим костюмного декора.

У оседлого (финно-угорского) населения лесного Прикамья налицо явная сакрализация деталей костюма – накосников, ожерелий, поясов. Последние особенно показательны в этом отношении. У тюркоязычных кочевников, напротив, пояс и серьга – *маркер социального статуса их владельца.* О каком-то элементе сакральности в их costume могут свидетельствовать, пожалуй, только металлические зеркала, совершенно чуждые костюму лесного населения Урало-Волжского региона.

И вместе с тем, те же самые пояса (да и многие другие категории костюмного декора), распространенные как в кочевой, так и оседлой этнокультурных средах Урало-Поволжья, обращают на себя внимание своим типологическим сходством (если не идентичностью).

Это выдвигает на повестку дня следующий вопрос – где лежат истоки всех этих компонентов, каковы направления культурных связей лесных и степных племен региона и какую роль играли они сами в формировании костюмного ансамбля друг для друга?

ГЛАВА 3. Убранство костюма как индикатор культурных связей средневекового населения Прикамья и Урало-Поволжья

Костюм со всеми деталями его декоративного ансамбля является, как известно, материализованной формой отражения взаимоотношений человека с окружающим его миром — миром живой и неживой природы и миром других социумов, имеющих свои экономические, социальные, духовные и эстетические особенности. И если первый формировал эстетические традиции, то второй их только изменял, либо дополняя новыми элементами и понятиями, либо трансформируя уже существующие в соответствии с новыми мировоззренческими постулатами. Детали костюмного декора, в силу своей изобразительной абстракции, распространяться в пространстве могут только вследствие контактов их творцов и потребителей (причем характер этих контактов не имеет решающего значения), поэтому они являются одним из наиболее выразительных и чувствительных индикаторов культурных связей древнего населения. В нашем случае эти связи имеют многоплановый характер: во-первых, это связи между рассматриваемыми племенами Урало-Поволжского региона — обитателями лесного Прикамья и кочевниками

Урало-Поволжских степей; во-вторых — связи тех и других как с соседями по региону, так и с более отдаленными территориями и культурными центрами Евразии; в-третьих — динамика этих связей в пространственно-временном контексте.

Нам думается, что при решении этих вопросов именно количество и ассортимент предметов, составляющих костюмный декор и обнаруженных в достаточно хорошо датированных погребальных комплексах, позволяет проследить не только направления культурных контактов средневекового населения рассматриваемого региона, но и их динамику, и даже характер. Последнее может иметь и определенное методическое значение для археологических исследований, в плане реконструкции этнокультурных и этнополитических связей средневекового населения Евразии, в первую очередь, в тех ее регионах, которые слабо освещены средневековыми письменными источниками (а в масштабах всего континента таких регионов, как известно, немало).

Если рассматривать декоративные особенности прикамского костюма в целом, то они, несомненно, имеют определенные специфичные черты. Однако в поисках истоков отдельных элементов убранства костюма мы, как правило, уходим далеко за пределы Прикамья и соседствующих с ним территорий. Причиной тому в эпоху великого переселения народов

были пришельцы из отдаленных южных областей, в более позднее время – хорошо налаженные торговые связи, мощное культурное взаимодействие с Волжской Болгарией, а с конца домонгольского периода – усиливающиеся западные контакты с финским населением. К тому же, по мнению большинства исследователей, эпохе средневековья свойственно широкое распространение сходных типов изделий, что позволяет говорить о возникновении, начиная с эпохи Великого переселения народов, трансэтнических «мод». Следствием подобных процессов являлось формирование специфических «дружинных» и «элитарных» культур, часто не имевших четкой этнической привязки [Иванов А.Г., 1998. С.47].

Почти все специфические предметы наиболее ранней стадии эпохи средневековья – харинской – имеют аналогии за пределами Прикамья. А.Г.Иванов, рассматривая культурно-экономические связи Прикамья V-VII вв., пришел к выводу, что материальная культура этой территории в указанный период испытывала мощное культурное воздействие с юга и востока. Это проявляется как в формировании местных типов на основе южных образцов и в подражаниях им, так и в самом поступлении части изделий [Иванов А.Г., 1998. С.48]. Южный культурный импульс наиболее ярко проявился в распространении некоторых типов украшений. Под воздействием об-

щевразийской моды на наборные пояса в Прикамье начали развиваться их местные формы, но часть поясов или их деталей были привозными. К примеру, к числу привозных вещей, несомненно, относились известные в могильниках харинского типа бронзовые трехсоставные пряжки и наконечники ремней в форме прямоугольных коробочек с утолщением на конце, украшенные каменными вставками, зернью и сканью из золота. Эти предметы отличаются довольно стандартной манерой украшения, которая, по мнению И.П.Засецкой [Засецкая, 1968. С.51,53], присуща полихромному стилю гуннского времени, существенно отличающемуся от предшествующего и последующего. Центром изготовления таких полихромных изделий было Северное Причерноморье, а точнее, Пантикапей. Среди харинских вещей многочисленны трехсоставные пряжки с овальными, иногда уплощенными спереди рамками, с хоботовидными выступающими язычками и пластинами различных форм, хорошо представленные в керченских склепах [Голдина, 1985. С.126]. Как показывают материалы погребений, это, как правило, обувные, а не поясные, пряжки. По мнению И.О.Гавритухина, распространение подобных пряжек, а также одновременных им поясных гарнитур, может быть связано с византийско-понтийским импульсом в развитии геральдического стиля Урало-Поволжья [Гавриту-

хин, 1996. С.115-125].

Южный культурный импульс проявляется и в распространении подвесок-лунниц. Височные подвески-лунницы, а по более точной терминологии – калачиковые серьги, встречаются преимущественно на территории восточной Европы [Голдина, 1985. С.125]. На начальном этапе их распространения в Поволжье и Прикамье (III-VI вв.) калачиковые серьги имели большую дужку, были полыми, иногда инкрустировались вставками из камня или стекла и украшались зернью. По мнению А.С.Скрипкина, полые калачиковые серьги были распространены в Северном Причерноморье, начиная еще с античных памятников VI-V вв. до н.э. [Скрипкин, 1984. С.58]. А.В. Богачев считает, что истоки морфологии этих серег следует искать в степных культурах первой трети I тыс. юга Восточной Европы. В археологических памятниках лесной полосы Волго-Камья серьги этого типа появляются в конце IV - V вв. [Богачев, 1996. С.103]. Не исключено, что появление калачиковых серег в Прикамье связано с притоком в этот район какой-то части степного кочевнического населения, ушедшего на север под натиском гуннской агрессии [Богачев, 1996. С.99-104]. В частности, Р.Д.Голдина связывает возникновение ломоватовской культуры с притоком нового населения «из отдаленных южных областей» [Голдина, 1985. С.171]. Новый для Прикамья тип серег по находкам в

материалах харинской стадии ломоватовской культуры (V - VI вв.) получил название «серьги харинского типа». Эти серьги имеют свою характерную особенность – наличие в нижней части гроздьевидной привески. Подобные серьги «харинского» типа довольно хорошо локализируются в районах Верхнего Прикамья и левобережья Белой. В частности, кроме харинских древностей, они представлены в материалах V - VI вв. бахмутинской культуры [Мажитов, 1968. Табл.2,17; 21,2; 30,1]. По мнению Р.Д.Голдиной, Верхнее Прикамье в харинское время имело устойчивые и широкие связи с населением юга Восточной Европы, осуществлявшиеся, скорее всего, через районы Башкирии [Голдина, 1985. С.126]. В V - VII вв. в Волго-Камье распространяется новая разновидность калачиковых серег. Это круглые цельнолитые изделия с почти сомкнутыми концами. В.Б.Ковалевская считает, что эта разновидность серег характерна для IV-VII вв., причем, появившись накануне гуннского нашествия на Боспоре, они попали вместе с гуннами и аланами в Западную Европу, а для памятников Северного Кавказа послегуннского времени являются основным типом серег [Ковалевская, 1995. С.150-154. Рис.5,6]. В Верхнем Прикамье в харинское время цельнолитые калачиковые серьги представлены как простыми формами, так и серьгами с прикрепленными привесками из сердоликовой бусины

с инкрустацией [Генинг, Голдина, 1973. С.68. Табл.1, рис.1.2,5].

Анализ бус средневековых могильников Верхнего Прикамья показал, что стеклянные бусы V-VII вв. имеют ближневосточное происхождение и сделаны, вероятнее всего, в мастерских Сирии и Египта, до 30-40-х гг. VII в. бывших провинциями Византийской империи [Голдина, Королева, 1983. С.51,53]. Характерные для Прикамья V-VI вв. крупные янтарные дисковидные бусы, вероятно, южного (днепровского?) происхождения, где имеются естественные выходы янтаря [Иванов, 1998. С.46].

В конце VI – VII вв. на цельнолитых калачиковых серьгах появляется дополнительное украшение – выступ-псевдопривеска в виде грозди-пирамидки из литых шариков. А.В.Богачев не исключает, что истоком этой модификации были, в частности, прикамские цельнолитые серьги, где прообразом литой пирамидки выступали нанизанные на серьги бусины. Этот этап в трансформации калачиковых серег можно наблюдать как на прикамских, так и на приаральских и северокавказских памятниках. Именно эта разновидность серег явилась основой для формирования принципиально новой группы серег «аварского типа». Они имели гладкое, без выступов и перемычек, круглое (в отличие от овальных салтовских) кольцо, украшенное в нижней части литой привеской в виде пирамидки из

шариков [Богачев, 1996. С.104].

В этот же период на второй стадии ломоватовской культуры, названной агафоновской (по Голдиной), в Прикамье, как и в евразийских степях, распространились наборные пояса с украшениями геральдического типа. В это время, по мнению Р.Д.Голдиной, Верхнее Прикамье продолжало иметь тесные торговые связи, главным образом, с югом Восточной Европы. В частности, картографирование поясов VI-VII вв. показывает, что наибольшее количество пунктов, где были найдены такие пояса, находится в Восточной Европе. На той же территории были распространены и плетеные ожерелья. Совпадение ареалов поясных наборов и цепей свидетельствует о закреплении, а может быть, расширении отношений с племенами юга Восточной Европы. Причем путь, по которому эти вещи поступали в Прикамье, ясно намечается по материалу. Возможно, посредником в этих отношениях были племена, населявшие бассейн р.Белой, где оседало значительное количество предметов того же круга [Голдина, 1985. С.128].

На интенсивность южных связей указывает и большое количество бус южного или восточного происхождения. В комплексах VI-VII вв. часты сердоликовые бусы, орнаментированные белой краской. Локализация крупнейших месторождений сердолика (Кавказ, Йемен, Индия), наряду с орнамен-

том, напоминающем врезные знаки на сасанидских геммах, указывают на наиболее вероятное их происхождение из районов, находящихся под воздействием иранской культуры [Голдина, Королева, 1983. С.56].

Большинство исследователей (Голдина Р.Д., Иванов А.Г.) считают, что местный тип геральдической поясной гарнитуры, известный в Прикамье как «агафоновский», сложился и широко распространился в VII в. под влиянием геральдических поясных наборов юга Восточной Европы [Иванов, 1998. С.48]. Специфичные «агафоновские» поясные гарнитуры были впервые выделены и реконструированы Р.Д.Голдиной [Голдина, Водолаго, 1990. Табл.XLIV,2; XLV,1]. В эволюционном ряду развития геральдических поясных бляшек Восточной Европы, построенном А.К.Амброзом, он выделен в качестве позднего, IV этапа, известного, в основном, к востоку от Поволжья [Амброз, 1971. № 2-3].

К подобным выводам пришла и В.Б.Ковалевская, проделав гигантскую работу по картографированию распространения поясов «геральдического типа». По ее мнению, конные воины раннего средневековья могли участвовать в ирано-византийских войнах VI – начала VII вв. на Кавказе, и жалованные пояса являются свидетельством именно этих союзнических отношений «северных варваров» с Византийской империей. Нали-

чие геральдических поясов раннего типа в Прикамье с равным успехом может свидетельствовать как о дальних непосредственных связях по Волге с Кавказом, так и о местных связях по Волге с верхневолжскими памятниками, где наблюдается наибольшая концентрация самых ранних материалов «геральдического типа» [Ковалевская, 2001. С.189]. Подтверждением тому может служить пояс, обнаруженный в Урьинском кладе на Верхней Каме [Голдина, 1985. Табл.IV], который в целом не характерен для этого региона, но типичен для древностей Кавказа, Северного Причерноморья, степей Восточной Европы, а также Башкирии [Иванов, 1998. С.48]. Обобщение 50 компьютерных карт, построенных В.Б.Ковалевской по основным регионам, показало, что на первом месте по интенсивности движения поясной гарнитуры выделяются ось Крым-Кавказ (что наглядно характеризует роль Византийской империи в сложении моды на геральдические пояса), ось Кавказ-Волга-Кама с одной стороны и ось Крым-Подонье с другой. Четко выявляются связи между Кавказом и Подоньем, Верхней Волгой и Башкирией и местные волжские связи между Средней и Верхней Волгой и последней с Прикамьем [Ковалевская, 2001. С.190].

Однако, по мнению И.О.Гаврилухина, «агафоновские» пояса связаны с приуральско-сибирской традицией. Эта традиция характе-

ризуется наличием Т-образных накладок со щитовидной пластиной вычурных очертаний и длинными перекладинами, псевдопряжками, резкими выступами по бокам мелких наконечников ремней, двучастных накладок с сильно загнутыми «рогами» и т.д. [Гавритухин, 1996. С.124]. Характерной особенностью геральдических поясов, и, в том числе, агафоновских, является наличие в них псевдопряжек. И.О.Гавритухин, рассматривая их эволюцию, пришел к выводу, что появление поясов, украшенных накладками с подвесками, происходит в Европе и Северо-Западной Азии в эпоху могущества I Тюркского каганата и объяснимо влиянием его культуры. Но традицию таких поясов пока нет оснований связывать с собственно тюркитами или другими кочевниками Алтая, Восточного Туркестана, Центральной Азии. Наиболее реальные прототипы гарнитур с накладками, имеющими подвески, по мнению Гавритухина, можно видеть в культурах Дальнего Востока. После распада I Тюркского каганата псевдопряжки не исчезли, а наоборот, стали еще более «модными» и продолжили свою эволюцию вплоть до появления «классических типов», представленных, в частности, и в наборах агафоновских поясов [Гавритухин, 2001. С.51-54].

Практически все исследователи, в той или иной степени затрагивающие проблему формирования и истории декоративного оформле-

ния костюма средневековых кочевников Евразийских степей, решающую роль в этом процессе отводят также Востоку, в самом широком смысле этого историко-географического понятия. Так, появление в древнехакасском орнаменте таких основных сюжетов, как растительные мотивы, розетки, ряд зооморфных изображений (крылатая собака-сенмурв, лев, птицы), исследователи объясняют иранским, среднеазиатским и китайским влиянием [Кызласов, Король, 1990. С.168-170; Худяков, Хаславская, 1990]. В этом же направлении прослеживаются связи золотоордынского декоративно-прикладного искусства на примере поливной керамической посуды, архитектурного декора, металлических зеркал и др. [Федоров-Давыдов, 1976. С.122-126; Недашковский, Ракушин, 1998. С.36-38]. И подобных примеров можно привести множество. То есть, если суммировать все высказывания исследователей по поводу аналогий и прототипов большинства предметов кочевнического декоративно-прикладного искусства, то в принципе их следует рассматривать как органичную часть художественного мира средневекового Востока, включая Закавказье, Иран, Среднюю Азию, Китай и даже Индию (Ряд декоративных элементов хакасского орнамента, такие как цветок лотоса или плод граната, напрямую связаны с буддийской изобразительной традицией [Кызласов, Король,

1990. С.162, 166]).

Следует заметить, что, если судить по географии соответствующих археологических памятников, западные пределы ареала древнетюркских племен в VII-IX вв. не простирались далее современного Центрального Казахстана [Иванов В.А., 1984], хотя по данным письменных источников известно, что уже в середине 70-х гг. VI в. тюркские военные отряды действовали на Северном Кавказе и в Крыму: «Менандр сообщает только о взятии тюркютами Боспора в 576 г. и об их набеге на Крым в 580 г. Из письма кагана тюркютов к императору Маврикию мы узнаем, что около 582-583 гг. тюркюты пытались проникнуть в Византию через Кавказ, но не имели успеха» [Гумилев, 1993. С.107]. Едва ли есть смысл сомневаться в том, что одним из культурных последствий этого набега (точнее — участия тюркютов в византийско-иранской войне в качестве союзников персов [Гумилев, 1993. С.107 и сл.]) явилось заимствование древними тюрками «геральдической» поясной гарнитуры — характерного элемента материальной культуры населения Северного Кавказа второй половины I тыс. н.э. (алан) — и её очень ограниченное использование в убранстве тюркского мужского костюма. На собственную территорию персы, как известно, своих союзников не пускали. Район самого глубокого проникновения тюрков на территорию Сасанидского Ирана — это Герат-

ская долина на востоке страны, куда тюрки пришли в 589 г. (теперь уже как союзники Византии), и где они были наголову разбиты Бахрамом Чубином. Не более масштабным был и набег тюрков на северо-восток Ирана в 603 г., когда они явились в страну по просьбе кушан, восставших против персидского господства. Ограничившись опустошением страны «вплоть до Рея и Испагани», они в том же году ушли восвояси. В результате этих войн граница между тюркскими и персидскими владениями установилась по Аму-Дарье [Гумилев, 1993. С.126-133].

Под власть тюркютов отошла Согдиана — основной, по выражению Л.Н.Гумилева, источник их богатства. Господство тюрков в Согдиане держалась до середины VII в. (последний тюркютский хан, реально владевший этой территорией — Ирбис Ышбара джабгу — погиб в ходе гражданской войны в 641 г. [Гумилев, 1993. С.216]), но этот, очень короткий отрезок времени практически невозможно выделить на археологическом материале. Поэтому говорить о согдийском и вообще среднеазиатском влиянии на тюркское декоративное искусство периода Первого каганата мы пока можем только в общегипотетическом плане, ссылаясь при этом на бляшки от конского убора из Монгун-Тайги, найденные вместе с «зеркалом Цин-Вана», изготовленным не позже 627 г. [Савинов, 1984. С.52]. Подобные бляшки с волнистыми края-

ми встречаются в культурном слое средневекового Согда [Распопова, 1980]. С согдийским же влиянием следует, очевидно, связывать и древнетюркские серьги с круглыми или каплевидными подвесками-«жемчужинами», богато представленные на персонажах фресок Афрасиаба и в том же Согде.

Но, вне всякого сомнения, очевиден факт усиления согдийского влияния на материальную культуру древних тюрков и их эстетические традиции во времена Второго Тюркского каганата, сложившегося в конце 70-х – 80-е годы VII в. и распавшегося к середине VIII в. [Савинов, 1984. С.60]. Здесь следует подчеркнуть, что территория Второго каганата значительно уступала по своим размерам территории Первого и восстановление власти над всем Согдом являлось одной из первоочередных задач властителей Второго каганата [Гумилев, 1993. С.290].

Но именно в это время в древнетюркских погребальных комплексах и на каменных изваяниях получают широкое распространение поясные наборы, декорированные прямоугольными, сердцевидными, сегментовидными накладками и пряжками с цельнолитым полуовальным щитком (т.н. «тюркских типов»). Идентичные предметы, а также формы для их изготовления в большом количестве встречены в слоях раннесредневекового Согда [Распопова, 1980], что дает нам основание считать его центром производства

«тюркских поясов».

География распространения «тюркских» поясов и серег раскрывает перед нами довольно любопытную картину — выделяются три района наибольшей концентрации этих предметов: Алтай и прилегающие к нему степи Южной Сибири; Южный Урал и Приуралье (ареал караякуповской культуры) и лесное Прикамье (ареал ломоватовско-поломской культуры). Причем для южноуральского (угро-мадьярского) и прикамского (финно-угорского) населения «тюркские» пояса представляли собой один из наиболее выразительных и характерных элементов материальной культуры [Иванов, 1999. С.74].

То, что к тюркам Алтая и Южной Сибири «тюркские» пояса поступали непосредственно из Согда — факт достаточно очевидный. Что касается Урало-Прикамского региона, то здесь мы можем представить два пути проникновения этой категории материальной культуры: 1 — в результате контактов южноуральских угров-мадьяр с древнетюркскими племенами (они, безусловно, имели место, хотя бы вследствие того, что политическое влияние Тюркского каганата распространялось и на лесостепные районы юга Западной Сибири, населенные уграми); 2 — по степному торговому пути, параллельному Волжскому торговому пути, связывавшему Южный Урал и Прикамье со Средней Азией. Он мог возникнуть как раз пос-

ле середины VIII в., когда Второй Тюркский каганат (являвшийся, по образному выражению Л.Н.Гумилева, только «тенью Первого») уже не имел возможности держать под жестким контролем Урало-Поволжские степи. Под ним понимается путь из Средней Азии платом Усть-Урт, казахстанскими, оренбургскими, башкирскими степями, рекой Белой до впадения р.Уфы, рекой Уфой на верховья рек Ирень и Сылва в район современной Перми. Степной торговый путь (по крайней мере, в башкирские земли) имеет древние традиции. В Оренбуржье и Башкирии есть находки предметов, изготовленных в Передней Азии еще в V-IV вв. до н.э. В Прикамье находили хорезмийские тетрадрахмы III в. н.э.

То, что взаимодействие Прикамья с югом Восточной Европы, а через него и с центрально-азиатскими территориями, осуществлялось именно по степному торговому пути, подтверждается, в частности, находками в бассейне р.Белой предметов того же круга, которые на ранних стадиях эпохи средневековья поступали в районы Верхней Камы. В конце VII в. альтернативный волжский торговый путь был временно перекрыт, и во второй половине VII-VIII вв. степной путь стал вновь преобладать. К примеру, именно этим путем, как показало картографирование находок, в Прикамье поступала сасанидская художественная посуда и среднеазиатские монеты

[Морозов, 1995. С.55-56; Морозов, 1996. С. 157-160].

Конкурирующим путем был волжский торговый путь, история которого начинается не позже V в. до н.э., о чем свидетельствуют и письменные источники, и археологические находки. На Волге встречаются римские монеты, монеты причерноморских государств, парфянские драхмы. Установлено, что в то время, как художественная серебряная посуда поступала в Прикамье исключительно степным путем, сасанидские монеты шли по волжскому пути [Морозов, 1995. С.53]. Причем наблюдается две волны проникновения сасанидской драхмы в регион: в конце V – конце VII вв. и во второй половине VIII – середине IX в. В первый период проникновения драхмы ее, очевидно, завозили кавказские купцы. Во второй же период драхма поступала не самостоятельно, а как примесь к куфическим дирхемам. И торговля велась через посредников – болгарских купцов [Морозов, 1995. С.55].

На счет иранского влияния, очевидно, следует отнести появление и распространение у тюрков серег-подвесок с шариками-привесками. Существует мнение, что именно благодаря тюркам подобные серьги появляются в Причерноморье и становятся прототипом для серег салтовского типа [Сташенков, 1998. С.220].

В Пермском Предуралье на деменковской (по Р.Д. Голдиной) ста-

дии ломоватовской культуры, да-тирующейся концом VII-VIII вв., одним из типичных элементов декора костюма выступают височные подвески (серьги) с привесками в виде полых шариков или с гроздьевидными привесками (серьги салтовского типа). Под этим названием понимаются украшения, имеющие форму разомкнутого кольца округлой или овальной формы, с шариком-отростком в верхней части кольца и с удлиненной привеской (бусинной или в виде колоколовидной пронизки, а также их сочетания) в нижней, литые или составные. Салтовские серьги в период конца VII – X вв. широко бытовали среди кочевого и оседлого населения Евразии. В это время серьги данного типа были «модными», являясь неотъемлемой частью единой евразийской моды и входя первоначально в набор воинских предметов-символов [Сташенков, 1997. С.61].

Наиболее ранние образцы височных подвесок с привеской в виде полых шариков, по мнению А.М.Белавина, следует возводить к арабской традиции ювелирного дела. Воспринятые у арабов салтовцами и ранними булгарами, эти кольца достаточно быстро были освоены их ювелирами, стали традиционными. Через болгар этот вид украшений распространился и в Прикамье. Причем в странах Арабского Востока такие украшения обычно изготавливались в золоте, а в Восточной Европе в ос-

новном в серебре [Белавин, 2000. С.73]. В Прикамье же нередко можно встретить подобные подвески из бронзы, что может свидетельствовать об их местном производстве в тот период, когда булгары еще не могли в полной мере насытить рынок украшениями. Салтовские серьги с гроздьевидной привеской восходят к морфологии «аварских», которые, в свою очередь, явились результатом трансформации калачиковых серег [Богачев, 1996. С.104].

В конце VII-VIII вв. в Верхнем Прикамье существенно меняются поясные наборы. Особый интерес представляют т.н. «неволинские пояса» с широкими кожаными привесками, сплошь украшенными накладками – прямоугольными, полуовальными, круглыми, ж-образными, тройчатками. Эти пояса снабжались цельнолитыми пряжками с овальной задней пластиной. Следует отметить оригинальное украшение пояса в виде длинных нитей с пронизками – крупными со вздутиями и прорезями, заканчивающимися гнутыми рожками или пластинчатыми пронизками. По мнению Р.Д.Голдиной, перечисленные украшения являются атрибутом местной культуры. Связи с населением территории Башкирии и югом Восточной Европы в этот период значительно ослабевают. Но, по сравнению с предыдущим периодом, резко возрастает число сибирских и среднеазиатских параллелей. В частности, некоторые детали поясной гарни-

туры являются принадлежностью поясов, распространенных в VII-VIII вв. в Сибири и считающихся тюркскими [Могильников, 1981. Рис.23]. Гарнитуры «тюркского» облика с прорезными прямоугольными и фигурными накладками распространились в Прикамье около конца VII в. Однако Р.Д.Голдина считает, что эти новые контакты вряд ли были длительны и устойчивы, так как своеобразие ломоватовских вещей очевидно. Здесь развивается совершенно новый вид поясов – с множеством широких кожаных привесок, с шумящими низками, большим числом местных оригинальных форм накладок (ж-образных, тройчаток и др.). При этом сохраняются и традиционные «тюркские» формы накладок – прямоугольные и полуовальные [Голдина, 1985. С.130]. В то же время, ряд исследователей отмечают, что некоторые элементы неволинских поясов вместе с агафоновскими, относящимися к более раннему этапу, образуют наиболее поздний этап развития геральдической гарнитуры [Иванов А.Г., 2001. С.89].

Типологический анализ геральдической гарнитуры Прикамья позволяет считать, что ряд отличительных черт неволинских поясов имеет местное происхождение и связан с традициями еще «догеральдического» времени, часть неволинской гарнитуры восходит к типам, распространенным в VIII в. очень широко, от Подунавья до Центральной Азии (например,

пряжки и некоторые наконечники ремней), некоторые элементы (прорезная орнаментация малых наконечников, щитовидные накладки с прорезями в виде «личины») отражают местные переработки образцов геральдических стилей, наиболее связанных с Северным Кавказом и Приазовьем, а ряд деталей, обычных на неволинских поясах (например, привесные украшения на шнурах), скорее всего локально-стадиальны [Гавритухин, Иванов А.Г., 1999. С.137-138]. А.Г.Иванов усматривает несомненный южно-сибирский и центрально-азиатский контекст формирования поясов неволинского типа, включая и происхождение такой их характерной детали, как накладки-«тройчатки». Однако, несмотря на восточное происхождение некоторых элементов неволинских поясов, формирование их «классического» варианта, по мнению А.Г.Иванова, все же произошло в Приуралье, причем как женский тип наборного пояса. В пользу этого свидетельствует их наибольшая концентрация в Приуралье и Верхнем Прикамье, наличие здесь всех элементов, характерных для неволинских поясов, вторичность их появления на западе (верхнее Поволжье, Финляндия), редкость находок «классических» неволинских поясов к востоку от Урала [Иванов, 2001. С.95].

Комплексы конца VIII-IX вв., выделенные Голдиной в урьинскую стадию, характеризуются наличием височных подвесок с гроз-

девидной привеской, поясных наборов со щитовидными и сердцевидными накладками с отверстием или кольцом в нижней части, и цельнолитых 8-образных пряжек, большим разнообразием шумящих подвесок (коньковых, арочных, уточек, коробочек и пр.), распространением подвесок-ложек, флаконовидных пронизок-игольников. При этом, как отмечает Голдина, шумящие коньковые подвески, арочные, с изображением головы медведя, коробочки-медальоны, подвески-ложки и флаконовидные пронизки имеют корни в материальной культуре Прикамья предшествующего времени. В то же время в этот период отмечается приток в Прикамье большого количества салтовских и раннебулгарских вещей.

В период конца VIII-IX вв. были распространены пояса тюрко-сибирского типа с крупными прямоугольными и полуовальными накладками, пояса с гарнитурой, щитки которых часто украшены прорезным растительным орнаментом, а отдельные части имеют шарнирные соединения, имеющие многочисленные аналогии в материалах VIII – начала IX в. юга Восточной Европы, Кавказа, Причерноморья и Подунавья. В IX в. широко распространились пояса с гарнитурой, типичной для салтово-маяцкой археологической культуры [Иванов А.Г., 1998. С.113].

Наиболее изученной частью салтовского и раннеболгарского импорта являются поясные набо-

ры, встреченные на многих неволинских и ломоватовских памятниках. Как отмечает А.В.Комар, в Прикамье в этот период присутствовали ранне- и среднесалтовские, а также восточнотюркские пояса. Этот регион был контактным и периферийным одинаково для раннесалтовских и восточнотюркских поясов [Комар, 2001. С.112]. Восточнотюркские и раннесалтовские поясные наборы были синхронными и имели, скорее всего, общий прототип – византийские пояса. Византийское влияние, по мнению А.В.Комара, несомненно, но и отличие поясов от собственно византийских также очевидно, что свидетельствует не о простом заимствовании, а о творческой переработке, вследствие которой в поясе слились разнокультурные традиции [Комар, 2001. С.106]. Жители Прикамья, в свою очередь, перерабатывали полученные образцы. Так, результатом контакта с восточнотюркским населением стало появление у них разнообразных бляшек с прорезью внизу. Но точных аналогий восточнотюркским практически нет. Это значит, что бляшки были основательно переработаны соответственно местным вкусам [Комар А.В., 2001. С.108].

Еще одним источником культурного импульса для Алтая-Сибирских тюрков, а через них – и для прикамско-приуральских племен, выступают енисейские кыргызы. В частности, именно с кыргызами исследователи связывают рас-

пространение в древнетюркской среде поясных наборов с растительной орнаментацией, дополненных лировидными подвесками с сердцевидной прорезью, а также уздечных блях-решм и накладок-тройников с растительной, зоо- или антропоморфной орнаментикой [Савинов, 1983. С.126 и сл.; 135 и сл.; Кызласов, Король, 1990. С.171-173].

Детали орнаментированной поясной гарнитуры кыргызских типов известны у средневековой мордвы (Пановский, Крюково-Кужновский, Шокшинский могильники) [Материалы по истории мордвы VIII-XI вв., 1952; Материальная культура средне-восточной мордвы VIII-XI вв., 1969; Шитов, 1990. С. 30], на Южном Урале (в комплексах т.н. «мрясимовского» типа) и в лесном Прикамье. Их появление на последней территории исследователи связывают с торговой активностью Волжской Болгарии, выступавшей центром производства и распространения данного вида изделий для Прикамско-Приуральского региона [Белавин, 2000. С. 105-107]. К самим болгарским мастерам образцы и идея подобных изделий могли попасть непосредственно от той части кыргызских племен, которая в VIII-IX вв. доходила до степей Южного Приуралья, будучи представлена там памятниками т.н. «селенташского типа» [Боталов, 1998. С. 321-330].

Заметный «выплеск» кыргызского культурного импульса дале-

ко на запад объясняется, по-видимому, тем, что уже в середине VIII в. главные торговые пути из Средней Азии на Алтай и юг Западной Сибири оказались в руках уйгуров, западная граница расселения которых в 755 г. проходила в районе Тарбагатай [Гумилев, 1993. С.375]. Культурная специфика Уйгурского каганата определялась господством в нем манихейской религии, во-первых, отрицавшей все жизненные наслаждения и утехи, во-вторых, отличавшейся религиозным и духовным экстремизмом, поссорившим уйгуров буквально со всеми соседями по региону: «...уйгуры встречали гораздо более сильное сопротивление соседних племен, чем тюрки. Те просто требовали покорности и дани, а эти заставляли побежденных ломать весь строй своей психики и весь уклад своей жизни; они навязывали кочевникам также представления, которые те не могли ни понять, ни принять (курсив наш. — авт.). Поэтому Уйгурия была окружена врагами, примирение с которыми было невозможно» [Гумилев, 1993. С.423].

Действительно, сами уйгуры, как об этом можно судить по имеющимся археологическим памятникам, в своей погребальной обрядности не практиковали помещение в могилу украшений, поясных наборов или конского убранства [Кызласов, 1981. С.53]. Что же касается тюркских племен, входивших в состав Уйгурского каганата, то они, как об этом опять-таки

свидетельствуют археологические материалы (могильники Чааты II, Успенский, Монгун-Тайга и др. в Туве), продолжали сохранять традиции металлического декора костюма и конской сбруи. Но, вследствие прекращения культурного обмена с Китаем и заметного сокращения торговли со Средней Азией, основным источником удовлетворения эстетических потребностей древних тюрков становится кыргызское (древнехакасское) декоративно-прикладное искусство.

И все же основным районом бытования поясов, подобных прикамским, является территория салтово-маяцкой культуры. В VII-VIII вв. на этой территории появляются ранние булгары, результатом взаимодействия которых с местными финно-угорскими племенами, в частности, и прикамскими, явилось широкое распространение отдельных наиболее ярких элементов южной степной культуры [Кузеев, Иванов В.А., 1987. С.11]. В частности, с IX в. в Пермское Предуралье начинают поступать украшения, характерные для раннебулгарского костюма: подвески в виде самоварчиков, которые у ранних болгар, так же как и у салтовцев, играли роль амулетов, височные кольца с гроздьями бусин или литыми гроздьями и пирамидками, подвески-амулеты в виде литых из бронзы когтей [Белавин, 2000. С.40], бронзовые и серебряные перстни салтовского типа с крупными стеклянными или каменны-

ми вставками, закрепленными с помощью четырех захватов [Иванов А.Г., 1998. С.113]. В то же время, формирование материальной культуры ранней Волжской Болгарии происходило под воздействием со стороны прикамско-приуральских финно-угров. Так, А.М. Белавин указывает, что в Пермское Предуралье от ранних булгар поступают художественные арочные шумящие подвески [Белавин, 2000. С.40]. Однако, вероятнее всего, эти подвески следует расценивать как характерную прикамскую форму украшений. Еще В.А.Оборин отмечал, что наиболее ранние прототипы этих подвесок появляются в гляденовской культуре, подвески с арочной основой известны и в самых ранних материалах ломоватовской и неволинской культур [Оборин, 1970. С.21]. В VIII-IX вв. эти подвески приобретают традиционную прикамскую форму с ажурной основой, на которой изображен росток или голова медведя в жертвенной позе. И именно от ломоватовцев, по мнению Е.П.Казакова, арочные подвески с изображением ростка появляются у ранних булгар, вместе с характерными прикамскими коньковыми шумящими подвесками, колоколовидными и флаконовидными пронизками [Казаков, 1992. С.51].

С конца VIII в. получили довольно широкое распространение различные изделия из кости и рога: ложки, гребни, копоушки, украшения и т.п. Распространение

предметов из кости и рога, в целом косторезного дела на поломско-чепецких памятниках и в Верхнем Прикамье, как правило, связывается с проникновением сюда во второй половине VIII – начале IX в. угро-самодийских групп [Генинг, 1967. С.275-276; Семенов, 1982. С.27-51]. Так, В.А.Семенов, анализируя появление костяных изделий на территории поломской культуры, утверждает, что характерное стилистическое оформление этих предметов находит наиболее близкие аналогии в среде угро-самодийских племен Зауралья, а массовое появление этих изделий в местной среде без прихода населения из-за Урала мало вероятно, поскольку мы не располагаем находками подобного или близкого типа в предшествующее время [Семенов, 1989. С.30]. Однако А.Г. Иванов, считает, что косторезное производство отнюдь не являлось для прикамского населения новым занятием. Высокого уровня и широкого распространения оно достигло еще в ананьинскую эпоху, причем среди ананьинских костяных изделий можно найти прямые прототипы средневековым прикамским изделиям из кости и рога. К примеру, односторонние гребни с зооморфными рукоятями, среди которых преобладают изображающие две противопоставленные конские головы, по мнению А.Г.Иванова, имеют, несомненно, прикамские корни. Их прототипы с тем же сюжетом известны в Буйском и

Пижемском городищах ананьинского времени, Ошкинском могильнике I-IV вв. на Вятке [Иванов А.Г., 1998. С.86]. А ложки с зооморфными рукоятями вообще распространены начиная с эпохи камня и ранних металлов в целом у финно-угорских народов [Мошинская, 1975. Рис.12.; Мошинская, 1976. Табл. 9-13]. Не имеют зауральско-западносибирских истоков и такие изделия из кости и рога, как копоушки, подвески-коньки, которые, наоборот, сходны с аналогичными изделиями в западных от Прикамья синхронных финно-угорских древностях [Иванов А.Г., 1998. С.87]. Подводя итог, А.Г.Иванов утверждает, что изготовление предметов из кости и рога имеет местные истоки и в период VIII-XIII вв., после некоторого затишья после ананьинской археологической культуры, переживает своеобразный «ренессанс» [Иванов А.Г., 1998. С.87].

Одновременно фиксируется проникновение в Прикамье в конце VIII-IX вв. значительного количества вещей финского облика с территории Волго-Окского междуречья (шумящие подвески со стержневой (трубчатой) или спиралевидной основой, граненые и пластинчатые браслеты). Подобные изделия весьма многочисленны и на территории современной Удмуртии, которая, по мнению Р.Д.Голдиной, являлась связующим звеном для контактов с западными районами [Голдина, 1985. С.132]. Трубчатые шумящие под-

вески были распространены в VIII-XI вв. у мордвы, муромы, мещеры, мери, марийцев, веси и карелы [Иванов А.Г., 1998. С.97].

В IX-X вв., как отмечает А.Г. Иванов, наблюдается сближение материальной культуры различных групп финно-угорского мира. Начиная с этого времени, значительная часть изделий, включая и женские украшения, выходит за рамки локальных этнокультурных ареалов и приобретает общефинно-угорский характер.

Некоторые из подобных предметов, по его мнению, своим происхождением могут быть связаны с Верхним Прикамьем или в целом с кругом прикамско-приуральских культур. Среди них коньковые подвески с литой прорезной основой, кресала с бронзовыми рукоятками, полые птицевидные шумящие подвески и пр. Эти и другие прикамские типы вместе с изделиями из других центров (поволжско-финские шумящие подвески с наборными основами из косоплетки, волют и спиралей, очковые подвески, трубчатые шумящие подвески и т.д.) знаменуют складывание нового культурного пласта [Иванов, 1998. С.101-102], общефинно-угорского по характеру и «лишенного племенной нагрузки» [Рябинин, 1979, с.100-101].

Вместе с тем, для периода X-XI вв. характерно наличие в костюме жителей Прикамья большого количества предметов, изготовленных ремесленниками Волжской Болгарии, которая была одним из

первых государственных образований Восточной Европы. Вполне вероятно, что именно массовое ремесленное производство украшений в болгарских центрах, направленное на удовлетворение спроса со стороны финно-угорского населения самой Волжской Болгарии и окружающих территорий, а также значительная активизация торговли в результате деятельности болгарских купцов способствовали формированию «общефинно-угорского» облика материальной культуры. По мнению Е.П.Казакова и А.М. Белавина, активное участие в формировании этого государства приняли угры. В частности, массовая миграция угров Приуралья на запад фиксируется в период печенежско-мадьярской конфронтации. К середине IX в. исчезают кушнаренковские, неволинские, южные ломоватовско-поломские памятники, а в Западном Закамье (центральной части будущей Волжской Болгарии) появляются Большетиганский, Танкеевский II, Измерский могильники с характерными чертами языческой культуры угров в погребальном обряде. Вместе с уграми-мигрантами появились новые типы бронзовых накладок, пронизки со вздутиями, навершия в виде головы хищной птицы, пряжки с ажурными щитками и др. В целом, по мнению Е.П.Казакова, художественный металл ранней волжской Болгарии имел преимущественно угорское происхождение. В дальнейшем болгары разви-

ли свое производство художественного металла, основанное на синтезе угорских традиций и элементов среднеазиатской торевтики [Казаков, 2002. С.126].

Булгары, которые контролировали Волгу – основную транспортную магистраль на востоке Европейского континента, играли центральную роль в товарообороте Азии со странами Северо-Восточной Европы. Первые города Волжской Болгарии появились в первой четверти X в., а во второй половине X-XI вв. в них сформировались крупные ремесленные центры, где изготавливали разнообразную продукцию мастера различных конкурирующих школ. Их высококачественные изделия широко распространялись среди финно-угров Восточной Европы [Казаков, 1997. С.37-40].

Наиболее крупными торгово-ремесленными поселениями, где производилась масса ювелирных изделий из бронзы и серебра, были Измерское и Семеновское селища. Судя по тому, что на территории Прикамья наиболее массовыми являются украшения, аналогии которым, а также литейные формы, представлены на указанных болгарских памятниках, именно эти ремесленные центры наполняли ювелирной продукцией прикамский рынок. Среди этих изделий наибольшую часть представляли детали поясного набора, которые потоком шли далеко за пределы Волжской Болгарии. Причем, если в раннеболгарский

период изделия болгар изготавливались по широко распространенным в Восточной Европе салтовским образцам, а также по специфическим уральским образцам, орнамента которых несли на себе сильное влияние поздне-сасанидского искусства, то в X-XI вв. изделия болгарских ремесленников стала отличать большая самостоятельность. В частности, в большом количестве появились оригинальные накладки, свойственные для местной школы художественной обработки металлов [Казаков, 2001. С.176].

Кроме Измерско-Семеновской группы в отмеченный период по Каме и Волге известен еще ряд торгово-ремесленных поселений болгар, правда, значительно меньшего масштаба [Казаков, 2000. С.87-99]. Часть ювелирной продукции могла проникать и из этих пунктов.

До сих пор остается не выясненным вопрос о происхождении таких выразительных бытовых предметов, как кресала с бронзовыми рукоятями. Они распространены на огромной территории от Прикамья до Норвегии. Мнение о том, что первоначальный центр их изготовления находился в Прикамье, прочно утвердилось в литературе. Л.А.Голубева, посвятившая этим вещам специальную работу, пришла к выводу, что основные типы биметаллических кресал появились почти одновременно в конце IX – начале X в. в памятниках помской и родановской культур, а

также в Среднем Зауралье [Голубева 1964. С.118]. Проникновение кресал с бронзовыми рукоятями на запад датируется второй половиной X – началом XI в. [Голубева, 1964. С.132]. Считается, что позднее мог возникнуть собственный центр их производства в Финляндии. Однако обнаруженные позднее находки показали, что кресала с рукоятью в виде двух всадников встречаются в Финляндии уже в комплексах первой половины X в., и кресал такого типа в Финляндии больше, чем в Прикамье [Макаров, 1989. С.60]. Таким образом, вполне обоснованной выглядит и гипотеза западного происхождения биметаллических кресал. Если все же придерживаться точки зрения Голубевой, то остается неясным, где конкретно находился центр производства кресал с бронзовыми рукоятями и, что самое непонятное, почему такие популярные и престижные в X – начале XI вв., эти кресала бесследно исчезают во второй половине XI века. Е.П.Казаков, рассматривая подобные кресала из Танкеевского могильника, с одной стороны, связывает их с урало-прикамским компонентом, но, с другой стороны, считает, что, учитывая массовость, стандартность изготовления этих вещей, наличие следов незавершенности отливки, они могли изготавливаться самим танкеевским населением [Казаков, 1992. С.142]. И не случайно районы наиболее массового распространения биметал-

лических кресал тесно связаны с Волжским и Камским торговыми путями (Прикамье, Среднее Поволжье, Скандинавия), по которым в X-XI вв. шло активное поступление изделий болгарских ремесленников.

Из Волжской Болгарии на территорию Пермского Предуралья в большом количестве завозились и другие элементы костюмного убранства: серьги, перстни и браслеты, полые шаровидные и каплевидные привески, грушевидные или бипирамидальные бубенчики с крестовидной прорезью и многое другое. Не выясненным является вопрос о месте изготовления массовых в Прикамье шумящих подвесок. Формы для отливки лапчатых привесок к ним представлены на прикамских памятниках, а литейная форма для изготовления арочной подвески прикамского типа найдена на Билярском городище [Белавин, 2000. С.89]. Тем не менее, наиболее вероятным представляется, что шумящие подвески прикамского происхождения производились болгарскими бронзолитейщиками для удовлетворения спроса на эти изделия как среди выходцев из Пермского Предуралья, переселившихся в Волжскую Болгарию, так и среди прикамского населения, с которым существовали тесные торговые отношения. Отсюда становится понятным, почему так много прикамских подвесок на территории Волжской Болгарии и каким образом они распространялись далеко

за пределы основных районов их бытования.

В XI вв. значительно оживляются контакты Прикамья с северо-западными территориями. Причем фиксируется не только более активное проникновение на Каму изделий финского и северо-русского типа, но и обратное движение на запад типичных прикамских вещей. Причем контакты между Северной Русью и западнофинскими областями, с одной стороны, и прикамскими областями, с другой, не сводились к простому проникновению отдельных предметов восточного происхождения на запад и встречному движению с запада на восток. Типы вещей, образы и мотивы прикладного искусства верхнекамского населения давали исходный импульс для рождения новых типов украшений, новых форм бытовых вещей и орнаментов на западе. При этом влияние Прикамья было обусловлено не столько непосредственным миграционным движением с востока, сколько необычайной яркостью и своеобразием декоративно-прикладного искусства этой области, в частности, богатым ассортиментом оригинальных украшений из цветного металла [Макаров, 1989. С.61]. Возможно, в немалой степени взаимопроникновению культур способствовала этническая близость прибалтийско-финских и финской части прикамских племен. Западно-финское население, обитавшее в северных областях Руси, очевидно, выступало не

только проводником этого влияния, но и основным адресатом, для которого предназначались украшения, бытовые предметы и орнаменты прикамского населения. Связи Прикамья с западом оживляются в X и, особенно, в начале XI в., то есть именно в тот период, когда древнерусское население начинает широкую колонизацию Севера. Поэтому, по мнению Н.А. Макарова, едва ли правильно считать появление восточных прикамских предметов на западе результатом традиционных контактов между различными районами огромной территории, заселенной финно-уграми. Очевидно, оживление культурных связей с Прикамьем стимулировалось общим движением на северо-восток [Макаров, 1989. С.61], в котором участвовало разнотническое население Северной Руси, в том числе предки коми.

В частности, одной из наиболее распространенных категорий изделий, характерных и для Прикамья, и для северо-восточной Европы, были своеобразные типы поясных накладок. Это массивные щитовидные накладки с выпуклой лицевой поверхностью, имеющей стилизованный растительный орнамент («бабочковидный»), «умбоновидные» накладки, розетковидные и пр. Их отличительными особенностями можно считать выпуклую форму и характерную петлю для прикрепления к ремню. По мнению Е.П.Казакова, способ крепления этих накладок, отлича-

ющийся от болгарского, явно свидетельствует о связи с северо-востоком Европы, в частности, с Пермью Вычегодской [Казаков, 2001. С.175]. Однако пояса с подобным типом накладок хорошо известны на более близких территориях. В частности, А.Г.Иванов реконструировал оригинальный тип пояса («пояс поломского типа») по материалам чепецких могильников конца VIII-XI вв. Пояс представлял собой кожаный ремень, по которому размещались круглые бляшки полусферической формы с петелькой. С обратной стороны ремня через петельки бляшек пропусклся узкий кожаный шнурок, проходящий вдоль всего пояса. Концы такого пояса заканчивались петельчатыми застежками арочной формы (анalogии им также имеются в Прикамье). Концы ремешка, пройдя через петли одной застежки, пропускались и захлестывались через петли другой. Таким образом, благодаря арочным застежкам ремень стягивался и держался по принципу самозастегивающегося. А.Г.Иванов считает, что, судя по распространению этих поясов, они имеют, скорее всего, местное происхождение и представляют своеобразную инновацию с более ранних прототипов, т.к. ремни с аналогичным креплением пуговицевидных бляшек известны в Прикамье и Среднем Поволжье уже в ананьинскую эпоху [Иванов, 1997. С.24-25]. Накладки с «пуговицевидным» креплением стали в Прика-

мье со второй половины XI в. наиболее распространенными, хотя продолжал использоваться и прежний способ крепления накладок (особенно крупных с «бабочковидным» орнаментом) на штифтах. Без существенных изменений накладки указанных типов просуществовали вплоть до XIII-XIV веков.

Этнополитическую ситуацию в Евразийских степях в IX-XI вв. очень образно и достаточно ёмко охарактеризовал Л.Н.Гумилев: «Дальше на запад (от Тарбагатай. — *авт.*) уйгуров не пустили печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги. Этот воинственный народ поссорился со всеми соседями: хазарами, кипчаками и гузами. Поэтому жестокая война не прекращалась ни на минуту...» [Гумилев, 1993. С.375].

Приведенная цитата как нельзя более адекватно отражает этнополитическую ситуацию, сложившуюся в степях Евразии после появления там огузов и печенегов. Следует особо подчеркнуть, что ни один из известных средневековых письменных источников не раскрывает причин, побудивших огузов и печенегов к их миграции из Азии на запад. Столкнувшись с этим обстоятельством, американский историк П.Б.Голден пытается объяснить причины переселения огузов и печенегов к границам Восточной Европы как следствие «продолжительной войны карлуков и их союзников с уйгурами и, позже, с уйгуро-киргиза-

ми в 820-840 гг.», в результате которой карлуки и огузы, вытесненные из Монголии в Восточный Туркестан, в свою очередь, изгнали печенегов из Восточного Туркестана вначале в Приаралье, а затем далее — в Заволжье и Приуралье [Golden, 1967. P.59-61].

Ареал расселения огузов и печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, по данным средневековых письменных источников, очерчивается в следующих пределах: к западу от Мавераннахра, севернее и восточнее Хазарского (Каспийского) моря, по рекам Урал и Эмба, к югу от реки Рас (Илек) (Истахри, Масуди, «Худуд ал-Алем») [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. С.166,168,210]. Если совместить эту территорию с территорией памятников конца IX-XI вв. в заволжско-приуральских степях, трактуемых как огузские и печенежские, то это будет: на западе — левобережье Нижней Волги (которую огузы в X в., по Аль-Масуди, пересекали только зимой по льду, нападая на хазарские крепости), на юге — северная граница Прикаспийской низменности, на севере — низовья Узеней и междуречье Урала и Илека. Причем, печенежские памятники локализуются в северной части указанной территории, а огузские — в южной [Иванов В.А., 2000. С.286].

Таким образом, получается, что ближайшими соседями огузов и печенегов Урало-Волжских степей были Волжская Болгария и Хаза-

рия, что предполагает влияние этих государств на культуру кочевников региона и на их декоративно-прикладное искусство — в первую очередь. Однако этого не наблюдается. Анализ ассортимента украшений, убранства костюма и конской сбруи огузов и печенегов обнаруживает практически полное отсутствие в них следов хазарского (салтовского) влияния, за исключением единичных находок характерных перстней в огузских погребениях Нижнего Поволжья (Калиновский, Успенка, Царев, Лапас). Характерные салтовские поясные наборы, серьги, зеркала и амулеты в огузских и печенежских комплексах не встречаются.

Кажется, что гораздо больше сходства можно обнаружить в декоре огузов и печенегов и волжских болгар. Действительно, такое впечатление складывается при сравнении элементов металлического декора огузо-печенежского костюма и костюма прикамских финно-угров, являвшихся основным потребителем болгарского ювелирного экспорта.

Как уже было сказано выше, в материальной культуре населения Пермского Прикамья выделяется ряд элементов, имевших болгарское происхождение и выступавших в качестве одной из ведущих статей болгарского экспорта на север региона: это — височные бусинные кольца, детали наборных поясов, застежки в виде грушевидных привесок, пластинчатые и витые браслеты, перстни [Белавин,

2000. С.73, 98-110]. Аналогичные (и даже идентичные) предметы встречены в погребальных комплексах огузо-печенежского периода. К их числу, прежде всего, относятся височные кольца с напускной бусиной, украшенной зернью (Саркел, Флоринское, Коминтерн). Яйцевидная или желудеобразная форма бусины позволяет (по А.М. Белавину) трактовать эти кольца как болгарские [Белавин, 2000. С.75]. К этой же категории, очевидно, следует отнести пластинчатые браслеты с закругленными концами и зернью по краям (Успенка) и грушевидные застежки-привески (Верхне-Погромное, Яблона, Увак, Саркел). Хотя пластинчатые браслеты и не являлись продуктом чисто болгарского ювелирного дела, но ближайшие аналогии успенским браслетам мы находим в памятниках Пермского Предуралья, где они выступают как предмет болгарского импорта [Белавин, 2000. Рис.43], тогда как витые и плетеные браслеты со стеклянными вставками на концах (Саркел, Флоринское) в огузо-печенежскую среду с равным успехом могли попасть как от волжских болгар, так и от славян (вятичей, кривичей), для которых этот тип украшений был вполне характерен [Седов, 1982. С.150, 163].

Что же касается грушевидных застежек-привесок, то на территории Евразии вообще отмечены только два региона, где этот тип украшений встречается в относительно массовом виде: Пермское

Предуралье и степи Урало-Поволжья.

Однако наиболее выразительным элементом декора кочевнического костюма, как мы могли убедиться выше, являлись наборные пояса, у волжских болгар выступавшие как важная часть экспорта к народам Севера [Белавин, 2000. С.106]. Характерно, что у самих болгар этот вид костюмного декора не имел широкой популярности. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что такой элемент материальной культуры, как наборные пояса и их детали, в раннеболгарских погребальных комплексах обнаруживает пониженную тенденцию распространения, по сравнению с соседями волжских болгар — носителями ломоватовской и караякуповской культур [Иванов В.А., 1999. Табл.12]. Впрочем, это неудивительно, поскольку вполне может быть, что у волжских болгар наборные пояса не являлись социальными маркерами, как это было у донских алан - буртасов, с которыми болгары находились в тесной культурной связи [Флеров, 1990; Афанасьев, 1993, №4. С.141].

Следовательно, как совершенно справедливо отмечает А.М.Белавин, производство поясной гарнитуры в болгарских городах было налажено, в первую очередь, для удовлетворения потребностей и вкусов прикамско-приуральских финно-угров. Не исключено, что какая-то часть изделий болгарских ремесленников попадала и к кочев-

никам Урало-Поволжских степей, и других районов Степной Евразии. Во всяком случае, многие детали поясной гарнитуры болгарских образцов – сердцевидные накладки, накладки в виде щита, розетковидных и зооморфных форм, наконечники ремней в форме рыбок и ласточкиных хвостов, украшенные растительным, геометрическим или плетеным орнаментом – также встречены в огузских и печенежских комплексах Урало-Поволжских и Южнорусских степей (Болгарка, Бес-Оба, Быково, Новоникольское, Средняя Ахтуба, Калиновка и др.).

Картографирование огузо-печенежских погребений, содержащих наборные пояса или их детали, показывает, что основная их масса локализуется в степях Урало-Волжского региона. Причем, у огузов и заволжских печенегов пояса присутствуют более чем в 1/3 всех известных погребений (соответственно, 32% и 39,6%), тогда как к западу от указанного региона, в Южнорусских степях, детали наборных поясов содержат только 6% печенежских погребений на Правобережной Украине [Ivanov V., Garustovic, 1994. P.580]. Эти данные достаточно определенно свидетельствуют в пользу предположения о том, что Волжская Болгария могла быть тем центром производства и распространения металлического декора костюма, откуда эти изделия поступали не только к прикамским финно-уграм, но и к поволжским

кочевникам — огузам и печенегам. Правда, разрозненный и довольно эклектичный характер элементов костюмного декора в кочевнических комплексах наводит на мысль о том, что указанные изделия поступали в степь не вследствие торгового обмена или работы на заказ, а как военный трофей (как известно, в 985 г. киевский князь Владимир Святославич привлек к участию в походе на волжских болгар огузов (торков). Но в этом походе вполне могли участвовать и ближайшие соседи огузов — заволжские печенеги).

Таким образом, в декоративном искусстве кочевников огузо-печенежского периода выделяются два блока изделий, имеющих разные корни. Один — результат контактов поволжских огузов и печенегов с Волжской Болгарией (в данном случае характер этих контактов не играет существенной роли); второй, представленный огузскими копоушками, птицевидными нашивками, украшениями обуви и бляхами-решмами, очевидно, следует рассматривать как оригинальное явление, характеризующее материальную и художественную культуру огузов. Появление у огузов птицевидных нашивок и копоушек с орнаментированными щитками Л.М.Гаврилина, как уже указывалось выше, относит на счет контактов огузов с представителями финно-угорского этнокультурного мира. Не исключено, что одним из районов этих контактов мог быть юг Западной Сибири, сосед-

ний с Барабинской степью, на территории которой найдены бронзовые ажурные подвески с петелькой, трактуемые исследователями как прототипы огузских птицевидных подвесок [Молодин, Савинов, Елагин и др., 1988. С.110].

Но в целом можно считать, что огузский декоративный комплекс в степях Урало-Поволжья существовал уже в сложившемся виде, и каких-либо заметных влияний извне не испытывал. Во всяком случае, говорить о каком-то воздействии на художественную культуру огузов и печенегов их оседлых соседей в Урало-Поволжье или в Южнорусских степях, как это имело место между тюрками и Согдом, не приходится. Единичные исключения в виде уздечных украшений явно византийского производства в огузских погребениях на западе Южнорусских степей (Гаевка, Сарайлы-Кият, Ново-Каменка) не меняют общей картины.

К середине XI в. болгарская бронзовая поясная гарнитура стала утрачивать свое главенствующее положение, более чем на столетие в «моду» вошли железные украшения ремня [Руденко, 2001. С.185]. Изделия «аскизского круга» представлены и на территории лесного Прикамья, в основном в материалах крупных городищ, таких, например, как Рождественское и Анюшкар. Как отмечает А.М.Белавин, наличие большого количества предметов аскизского облика, изготовленных в соответствии с этой

модой мастерами Волжской Булгарии, свидетельствует о том, что железная гарнитура могла быть предметом болгарской торговли. Однако наличие собственно аскизских предметов, украшенных инкрустацией, и ряда предметов, которые были неременной принадлежностью аскизских всадников - хакасов, заставляют думать о том, что в XI-XII вв. носители аскизской культуры могли бывать в Прикамье в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями [Белавин, 2003. С.78]. В целом на территории Прикамья железная поясная гарнитура не получила такого массового распространения, как бронзовые изделия болгарских ремесленников. В частности, на сегодняшний день известен только один (Плотниковский) могильник, в погребениях которого обнаружены железные накладки, наконечники ремней и пряжки. Для украшения поясных наборов традиционно использовалась бронзовая гарнитура, но уже не болгарского производства.

Почему в Прикамье возникает новый местный тип поясной гарнитуры? Вероятно, одной из важнейших причин этого стало то, что в период распространения железной поясной гарнитуры болгарские ремесленники почти прекратили выпуск бронзовых изделий, причем не только деталей поясного набора, но и иных украшений.

В XII-XIII вв. продукция болгарских ювелиров была в основном

из серебра. У жителей Пермского Предуралья, для которых пояса были важным сакральным предметом, железная поясная гарнитура не вызвала особого одобрения, так как традиционным «колдовским» металлом считалась медь. В связи с этим пришлось активизировать производство бронзовых накладок в местных ремесленных центрах. Такие центры появились уже в конце X – начале XI в. в крупных населенных пунктах, причем работали в этих центрах ремесленники – выходцы из Волжской Болгарии. Их традиции в более позднее время продолжали потомки или ученики, которые, не испытывая новых импульсов «моды» из Волжской Болгарии, начинают ориентироваться на бронзолитейные традиции западных территорий. В связи с этим получают развитие литые украшения с имитацией традиционной поволжско-финской «косооплетки»: разнообразные пронизки и привески, тулово которых как будто свито из отдельных проволочек, арочные, якорьковые и иные типы подвесок. Причем характерно, что эти предметы оставались почти неизменными на протяжении длительного времени – со второй половины XI до начала XIV века. И при том, что практически невозможно найти двух совершенно идентичных изделий (что, скорее всего, связано с особенностями их изготовления), в целом количество типов украшений гораздо меньше, чем в предыдущий период, набор очень стан-

дартный. Это может свидетельствовать о том, что во всем Прикамье существовал лишь один крупный центр, где производились бронзовые украшения. Детали поясной гарнитуры, в которых отсутствуют элементы косооплетки, чрезвычайно стандартны и по размерам, и по форме, и по орнаментации, в отличие от чрезвычайно разнообразной поясной гарнитурой болгарского производства. Обычно сам пояс украшен щитовидными накладками с «бабочковидным» орнаментом, часть из которых имела прорезь внизу, через которую продевались ремешки поясных привесок, унизанные мелкими сердцевидными накладками, перемежающимися группами из 3-4 розетковидных накладок. Сердцевидные накладки с одной стороны имеют внешнее сходство с болгарскими изделиями, но отличаются некоторой грубостью, небрежностью отливки. В целом поясная гарнитура, как и большинство других украшений, изготовлены из блестящей белой бронзы, которая почти не покрыта патиной. Подобные поясные наборы хорошо известны в погребениях XII-XIV вв. могильников Телячий Брод и Антыбарский. Отдельные элементы этой гарнитуры представлены на всех памятниках позднее XI в. Таким образом, можно предположить, что эти вещи являлись продукцией местных ремесленников, и именно из Пермского Предуралья попадали на северо-запад, на территорию вымс-

кой культуры. Э.А.Савельева, по крайней мере, считает, что большинство поясных накладок, обнаруженных в вымских могильниках, проникли из Прикамья [Савельева, 1987. С.142].

Кроме того, в конце XI-XII вв. распространились фигурные и фигурно-прорезные накладки, оригинальные накладки с выпукло-ромбическим декором. Эти накладки также как технически, так и стилистически отличаются от болгарских поясных наборов. Круг бытования поясов этого стиля охватывает в большей степени район Прикамья и севера европейской части России [Руденко, 2001. С.184]. Но, в отличие от накладок с «бабочковидным» орнаментом или розетковидных, эти типы изделия не имели массового характера.

Среди предметов «западного» облика можно отметить и различные типы перстней. Широко распространившиеся в период XI-XIII вв. спиралевидные перстни, с одной стороны, известны в Прикамье еще в пьяноборских [Генинг, 1970. Табл.XVIII-2] и азелинских материалах. Но наиболее широко подобные перстни были распространены у поволжских финнов, начиная с V-VI до XI-XII вв., и в Новгороде в слоях 1-й четверти XI – середины XIII вв. [Иванов А.Г, 1998. С.95]. Таким образом, массовое распространение подобных перстней в Прикамье объяснимо скорее усилением связей с западными территориями, нежели

восстановлением древних традиций. С западным влиянием связано и распространение пластинчатых квадратносрединных щитковых перстней и щитковых перстней с «усами».

Аналогичную ситуацию С.А. Плетнева отмечает и для половцев-кыпчаков домонгольского периода [Плетнева, 1991. С.90 и сл.], что наглядно подтверждается археологическими материалами. Те немногочисленные предметы костюмного декора, которые могут быть интерпретированы как образцы культурного заимствования — височные кольца с напускными бусинами, зеркала с зооморфными изображениями или с клеймами с арабской надписью, — только усиливают данный тезис. Единственный вид украшений, имеющий более или менее массовый характер в половецких древностях — витые или гладкие гривны, изображенные на каменных изваяниях и в единичных случаях представленные и в половецких погребальных комплексах (3,8% всех известных половецких погребений). Показательна география распространения этого типа украшений в Половецкой степи: основная масса статуй, на которых изображены гривны (97 из 128), расположены на территории Левобережной Украины, в Днепро-Донском междуречье [Плетнева, 1974. С.48 и сл.]. Там же выявлены половецкие погребальные комплексы, содержащие гривны (Вербки II, Давыдовка, Каменка, Макеевка, Маяк-2, Новоиванов-

ка, Пески и др. — всего 14 погребений). Но именно к этой части половецкой ойкумены ближе всего расположена территория славян-радимичей, для которых этот тип украшений наиболее характерен [Седов, 1982. С.156].

Обращает на себя внимание и такая деталь: на половецких каменных изваяниях гривны изображены в основном на женских фигурах (71,6% женских статуй и 2% — мужских) (Данные для подсчетов взяты из: [Плетнева, 1974. Рис.31 и 34]), тогда как в большинстве половецких погребений с гривнами (в 9 из 14) было найдено оружие (сабли, железные наконечники стрел, остатки колчанов) (Ажинов, Вербки II, Каменка, Каменский, Макеевка, Маяк-2, Николаевский, Пески, Сухая Калина), что позволяет трактовать их как мужские.

О характере славянских гривен — мужское это украшение или женское — по археологическим материалам судить трудно. Каждый народ, очевидно, придавал им свою смысловую нагрузку (у средневековой мордвы, например, гривна — явно женское украшение). У половцев же, если судить по каменным изваяниям, которые сами по себе символизировали культ предков-вождей, культ феодальной знати [Плетнева, 1974. С.76], гривна являлась атрибутом убранства знатного человека, будь то мужчина или женщина. Это наглядно подтверждают находки двух золотых гривен в половецком

погребении кургана №5 у с.Заможного на р.Чингул (т.н. «погребение половецкого хана»), где, кроме гривен, обнаружены остатки шелкового халата, расшитого золотыми бляшками, три парчовых пояса с серебряной гарнитурой, золотые перстни, набор оружия и доспехов, электрова чаша, бронзовая курильница и др. [Отрощенко, 1983. С.301 и сл.].

Итак, анализ предметов декоративного искусства из погребальных комплексов средневековых кочевников Евразийских степей показывает, что влияние соседних культур и народов на формирование эстетических вкусов и традиций рассматриваемого населения в домонгольский период не стоит преувеличивать. Наиболее отчетливо взаимодействие кочевников с оседло-земледельческими цивилизациями прослеживается у древних тюрков (тюркютов) второй половины I тыс. н.э. Это было время, когда древнетюркские племена выступали в качестве ведущей силы, определявшей ход этнополитических процессов в Центральной и Средней Азии, и существенно влиявшей на направление, характер и интенсивность культурных, экономических и политических связей в этом регионе. В области декоративного искусства древние тюрки выступали не только (и не столько) как пассивные потребители произведений китайской, согдийской или иранской художественных школ, но в большей степени — как фактор,

способствовавший выработке новых декоративных форм азиатскими (согдийскими) ювелирами и тюркскими. Не случайно именно в это время мы наблюдаем законченность и даже монотонность элементов металлического декора тюркского костюма, что со всей очевидностью свидетельствует об их происхождении из одного центра, в данном случае — Согда.

С падением роли древних тюрков в этнополитической истории Центрально-Среднеазиатского региона и выдвиганием на первый план вначале уйгуров, а затем кыргызов (хакасов) художественные традиции последних становятся доминирующими в тюркской этнокультурной среде. Этот тезис выделен мною специально, поскольку он базируется на фактах, со всей очевидностью свидетельствующих об устойчивом сохранении тюрками (тюркютами) именно степных, кочевнических вкусов и художественных представлений.

Индифферентность кочевников к декоративным традициям и вкусам соседей наиболее отчетливо проявляется в материалах огузо-печенежских комплексов Волго-Уральских и Восточноевропейских степей. Выступая для этих регионов в качестве мигрантов-завоевателей, огузы и печенеги обнаруживают полное отсутствие тенденций к импорту декоративных изделий у своих ближайших соседей — Хазарии (салтово-маяцкая культура), Руси и аланов-

ясов, территория расселения которых примыкала к печенежским кочевьям с юга (в Крыму) и северо-востока (бассейн Северского Донца) [Бубенок, 1997. С.88]. Относительно первых объяснение может быть найдено во враждебном отношении огузов к хазарам (по аль-Масуди, огузы нападали на хазарские крепости). Однако и произведений русского декоративного искусства у огузов (торков) и печенегов мы также не находим. Последнее обстоятельство, с учетом того, что на определенных этапах своей европейской истории и печенеги, и огузы выступали союзниками Руси (в борьбе с той же самой Хазарией, когда после известного похода князя Святослава на хазар печенеги и огузы составили гарнизон крепости Саркела — Белой Вежи [Плетнева 1990. С.95]), может быть объяснено только органичным непониманием и неприятием кочевниками также и славяно-русских декоративных и эстетических традиций.

Но особенно показательным, в контексте рассматриваемой темы, является отсутствие в печенежских комплексах аланских изделий и в первую очередь — поясов и височных подвесок, определяющих этнографический облик культуры алан. Это тем более удивительно, поскольку «аланы и печенеги постоянно упоминаются в нарративных документах как племенные объединения, входившие в состав одних и тех же военных коалиций» [Бубенок, 1997. С.91].

Данное обстоятельство также можно объяснить только полным отсутствием интереса у тюркоязычных кочевников (печенегов) к искусству и художественной культуре своих иноэтничных союзников.

Эта же ситуация, как уже говорилось выше, сохраняется у кочевников и в половецкое время. Отдельные, пусть даже и чрезвычайно яркие находки импортных образцов (византийских — в кургане у с.Заможного) декоративно-прикладного искусства в половецких погребениях не меняют обозначенной выше картины. Хождение они имели только среди высших слоев половецкого общества и, как мы можем судить по имеющимся артефактам, не тиражировались и не влияли на формирование эстетических традиций основной массы кочевников.

Объяснение этому обстоятельству скрывается, по-видимому, в ментальности средневековых кочевников, основанной на неприятии чужих мировоззренческих и, соответственно, эстетических взглядов и традиций. В противном случае трудно понять, почему печенеги, огузы-торки, а затем и половцы-кыпчаки, «оседлав» основные ответвления Великого шелкового пути, связывавшие степи Восточной Европы с Кавказом, Византией, Ираном и Средней Азией, практически не получали ювелирных и других декоративных изделий из этих стран. Хотя в период расцвета Хазарского кага-

ната именно по этим магистралям, идущим от Итиля и Дербента на Дон (в Саркел) и далее — в Волжскую Болгарию и в Киев, распространялись по всей Восточной Европе изделия хазарских мастеров — драгоценные сосуды, богатейшие накладки на конскую сбрую и на снаряжение воина, поясные наборы — обусловившие, по мнению С.А.Плетневой, единство декоративного стиля X века [Плетнева, 1996. С.156]. А после распада Хазарии и установления в степях Восточной Европы кочевнического господства южные образцы декоративных изделий начинают поступать в леса Восточной Европы (где они по-прежнему были популярны и востребованы) уже из Волжской Болгарии. То есть там, где подобные изделия действительно органично вошли в состав материальной культуры населения, никакие этнополитические коллизии не могли прервать традицию их понимания и использования.

Отмеченная тенденция индифферентного отношения к иноэтничным художественным традициям и вкусам сохраняется даже там, где кочевники находились в положении вассалов, то есть, а priori, оказывались под воздействием иной культуры и идеологии — у печенегов и огузов («черных клобуков») в Киевской Руси и у половцев-куманов в Венгерском королевстве. В материальной культуре тех и других мы наблюдаем или практически полное отсут-

ствие местных артефактов, или эклектичное использование отдельных, уникальных образцов (например, пояс из половецкого погребения XIII в. из Kigyospuszt, украшенный пряжкой, на щитке которой изображена сцена сражения европейских рыцарей, и круглыми накладками с молитвами христианским святым (в оформлении которого читается, по мнению венгерских исследователей, влияние французского декоративного искусства) [Paloczi Horvath, 1989. P.90]. Все остальные элементы убранства костюма — высокие колпаки, длинные запашные халаты, серьги-подвески, прически, заключенные в наборные футляры-кольца (могильник Балатопушта), наборные уздечки — типично половецкие. Понадобилось около ста лет жизни в окружении христианского мира и тесном контакте с ним, прежде чем в первой половине XIV в. культура венгерских куманов-половцев начинает трансформироваться в европейско-христианскую [Ibid. P.107].

После монгольского завоевания и создания Золотой Орды инфраструктура Восточноевропейских степей коренным образом меняется. Превращение Нижнего Поволжья с его скоплением городов в культурный, производственный и идеологический центр Золотой Орды привело к возникновению в степях двух культурных традиций — урбанистической и кочевнической. Обе они сосуществовали параллельно, не соприкасаясь и не

взаимодействуя. Тезис этот был в свое время выдвинут и на имеющемся археологическом материале обоснован Г.А.Федоровым-Давыдовым, который писал о том, что *«мы должны признать, что перед нами две разные культуры: культура половцев степи, продолжавшая традиции кочевнической культуры восточноевропейской степи XII — начала XIII в., и синкретическая культура золотоордынского города (курсив наш. — авт.)»*.

Этот факт отражает собой то обстоятельство, что в Золотой Орде сосуществовали *две основные стихии — степные кочевники и оседлое городское население*. Борьба и взаимосвязь этих двух стихий и начал нашли выражение, с одной стороны, в политических взаимоотношениях золотоордынских ханов — представителей кочевой степи — и оседлых поработанных периферийных стран, с другой стороны, в культурных и экономических взаимоотношениях кочевой степи и золотоордынских половецких городов. При этом между степью и городом наступали периоды то политического и экономического сближения, то резкого разрыва....Различия в материальной культуре, отсутствие массового проникновения городской керамики в степи (а это было показателем действительно прочных экономических связей) говорят о том, что сосуществование кочевой степи и городской цивилизации в Золотой Орде было не-

прочным. Действительно тесных и прочных связей между золотоордынским городом и степной его округой не сложилось... *В XIV в. материальная культура кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения.* Объединяет эти два вида населения главным образом общая принадлежность к Золотой Орде, т.е. общая деспотическая ханская власть (курсив наш. —авт.)» [Федоров-Давыдов, 1966. С.210 и сл.; Федоров-Давыдов, 1976. С.118].

Таким образом, из приведенной цитаты вполне определенно следует, что материальная культура и, соответственно, декоративное искусство кочевников и оседлого населения золотоордынского периода представляли собой совершенно самостоятельные явления, развивавшиеся в силу внутренних закономерностей и этнокультурных традиций.

Вместе с тем города, являвшиеся своеобразными островками оседлой ремесленно-торговой культуры среди моря кочевой и полукочевой стихии, связанные многочисленными караванными путями со всем миром, а priori, должны были выступать законодателями моды для кочевых племен евразийской степи, чье хозяйство во многом продолжало оставаться натуральным. Поэтому при слабом развитии товарно-денежных отношений между золотоордынским городом и кочевниками,

выразившимся в отсутствии в степи мелкого розничного торга [Федоров-Давыдов, 1998. С.51], товарный обмен между городом и степью осуществлялся в основном на уровне предметов роскоши (украшения, убранство костюма), производившихся в городах. Одним из центров такого производства, безусловно, являлся город Болгар (следует напомнить, что, по единодушному мнению исследователей, Волжская Болгария (часть улуса хана Бату) в XIII-XIV вв. являлась одним из основных производственных центров Золотой Орды), в культурном слое которого, относящемся к XIII-XIV вв., содержатся многочисленные находки изделий декоративного искусства, характеризующих культуру золотоордынских кочевников.

По данным Г.Ф.Поляковой, детально проанализировавшей изделия из цветных металлов золотоордынского Болгара, здесь представлен практически весь набор украшений и убранства костюма, характерных для евразийских кочевников эпохи Золотой Орды: серьги в виде знака вопроса (отдел В-II — по Г.Ф.Поляковой), разнообразие поясные накладки, в том числе — ромбические с изображением дракона (тип В-VIe-1) и пальметтоподобные обоймы с рельефной продольной полоской (тип В-III-1) (напомним, что именно такие накладки украшали пояса из курганов могильников Новоорского и Усть-Курдюм) [Полякова, 1996. С.172, 213,215]. Но особен-

но ярко культурные связи золотоордынского города со степью прослеживаются по многочисленным бронзовым зеркалам и формам для их отливки, найденным при раскопках поволжских городов XIII-XIV вв. По данным Г.Ф.Поляковой, только в одном Болгаре обнаружено 879 зеркал, что почти в 5 раз превышает количество зеркал, найденных в кочевнических погребениях золотоордынского периода. Среди них представлены практически все типы, присутствующие в кочевнических погребениях золотоордынского времени: украшенные арочным орнаментом (подтип В-I-6), концентрическими окружностями (подтип В-I-8б), цветочными розетками (подтип В-I-18б), сеткой (тип В-I-21), крестообразно расположенными волютами (тип В-I-26), фигурами двух рыб (тип В-I-29), сфинксов-сэзмурвов, сценой звериного гона и др. [Полякова, 1996. С.223-234]. Находки форм для отливки зеркал и серег-подвесок в виде знака вопроса вполне определенно указывают на городское производство изделий этих видов.

Образцы бронзовых зеркал, поясных накладок, височных подвесок и других украшений могли поступать в города Нижнего Поволжья по многочисленным караванным путям, связывавшим Золотую Орду со всем миром. Здесь обнаруживаются связи с Китаем, Средней Азией, Ираном. Очевидно, привозные металлические изделия и их местные реплики пото-

му получили широкое распространение среди золотоордынских горожан (преимущественно — кыпчаков по своей этнической принадлежности) и кочевников, что соответствовали их традиционным эстетическим канонам, уходящим корнями еще в домонгольскую, половецко-кыпчакскую, культуру. Не случайно, например, при том, что русский этнос среди городского населения Золотой Орды был представлен достаточно емко и отражен в соответствующем археологическом материале [Полубояринова, 1978. Гл.II], в материальной культуре золотоордынских кочевников русские вещи так и не появились.

Таким образом, развитие декоративного искусства средневековых кочевников евразийских степей, представленного украшениями и предметами убранства костюма, обнаруживает его замкнутый характер. Обусловлено это спецификой данной категории материальной культуры, отражающей мироощущение человека, его связь с окружающим миром. Следует также иметь в виду, что именно произведения декоративного искусства в первую очередь выступают в качестве этнического маркера, а потому их набор и формы не могли быть случайными и не могли определяться только внешней эстетикой.

Заключение

Проведенный в ходе работы статистический анализ показал, что ассортимент предметов убранства костюма средневековых кочевников так же, как и населения лесного Прикамья, в принципе унифицирован, и культурно-хронологические различия проявляются, в основном, в удельном весе тех или иных предметов в общем комплексе материальной культуры рассматриваемых групп.

Убранство мужского костюма средневекового Пермского Предуралья в целом мало отличалось от костюма кочевников. Из всех археологически фиксируемых деталей убранства костюма только поясная гарнитура может бесспорно считаться мужским признаком. Если сравнивать тенденцию использования наборных поясов в среде кочевников и у населения Пермского Предуралья, можно отметить, что пик моды на них и у тех и у других приходится на VII-X вв. Позднее у кочевников такие пояса встречаются уже довольно редко, а у населения Пермского Предуралья их продолжали носить до XIV в. И у кочевников и у жителей лесного Предуралья поясная гарнитура в мужских погребальных комплексах устойчиво сочетается с оружием, но у оседлых жителей со временем оружие начинает дополняться орудиями труда. В убранстве костюма древнетюркского мужчины-воина при-

существовали, кроме колчана со стрелами, пояс с металлическими бляшками и серьга, что вполне согласуется с иконографией древнетюркских каменных изваяний. Мужской костюм кочевников огузо-печенежского времени по своим атрибутам как бы продолжает древнетюркский (отличие заключается в том, что у огузов и печенегов полные поясные наборы встречаются значительно реже). У половцев домонгольского периода мужской костюм не обнаруживает выраженного сочетания признаков. В Пермском Предуралье из всех деталей костюма основным мужским признаком также является поясная гарнитура, отдельные элементы которой входят в КСП всех хронологических периодов, где она устойчиво сочетается с оружием и орудиями труда. Отличие заключается в том, что у жителей лесного Прикамья в качестве характерной детали мужского пояса выступают поясные привески и нож, а с ломоватовского времени - кресало.

Безусловно, традицию использования наборных поясов жители Пермского Предуралья заимствовали у кочевников. Но знаковая функция пояса у них со временем приобретает совершенно иное наполнение. В представлении средневековых кочевников Евразийских степей пояс являлся неременным атрибутом воинского костюма, символом богатырской доблести и принадлежности к определенной социальной организа-

ции. Знаковая сущность пояса у средневековых кочевников Евразии не оставалась неизменной: если для древнетюркского воина обозначение его социального статуса осуществлялось с помощью пояса, который должен был быть заметен и соответствующим образом украшен, то у огузов и печенегов эта традиция заметно ослабеваает, а у половцев-кыпчаков практически сходит на нет. Однако едва ли приходится сомневаться в том, что и для огузов, и для печенегов пояс по-прежнему оставался знаком воинской принадлежности. Если говорить об отношении к поясу на территории Пермского Предуралья, то можно с уверенностью утверждать, что социальной значимостью пояса, возможно, обладали только в харинское время и то, скорее всего, лишь в среде пришлого населения. У «агафоновских» поясов также кратность псевдопряжек сопоставима с поясами I Тюркского каганата, но невозможно доказать, имело ли количество псевдопряжек значение определенного социального знака, или это было просто копирование прототипов. В основном же пояс и у мужчин, и у женщин обладал важным сакральным значением, и это значение сохранялось на протяжении длительного времени и частично фиксируется даже в этнографических материалах.

Кроме пояса важной принадлежностью мужского костюма кочевников являлись серьги. Не вы-

зывает сомнения их социальная знаковость, поскольку многие погребения с серьгами содержат оружие. В костюме мужчин лесного Прикамья также довольно часто присутствуют серьги, хотя ни в один КСП они не вошли, причем с X-XI вв. они явно являются знаком высокого социального положения.

Что касается женского костюма сравниваемых групп лесного прикамского и степного кочевого населения, то он вообще, кроме серег-подвесок и ожерелья из бус, не имеет никаких общих признаков.

Для женского костюма лесного прикамского населения, кроме практически обязательного ожерелья, характерны наколки, полные поясные наборы, серьги-подвески, браслеты и подвешенный к поясу нож. Харинские женщины носили еще и гривны, а с ломоватовского времени в ходу появляются перстни, привески-ремешки и привески-низки, подвески-амулеты на поясе. С точки зрения знаковости женского костюма лесного Прикамья, его можно рассматривать как комплекс амулетов и оберегов, направленный, прежде всего, на сохранение и приумножение детородной функции женщины. Причем, по мере развития этого костюма в эпоху средневековья, его магическая функция усиливалась. Об этом свидетельствует обилие «чистых» амулетов (зубов и когтей животных и их бронзовых имитаций,

раковин каури, просверленных рыбьих позвонков и пр.), широко распространившихся в конце VIII – первой половине XI, а также явный перевес магического над эстетическим и утилитарным. Это ярче всего прослеживается на разнообразных полифункциональных предметах конца IX – первой половины XI в., входивших в состав женского костюмного убора: костяные копоушки приобретают очертания пушного зверька, а у бронзовых появляются шумящие привески-лапки; подвески-ложки значительно уменьшаются и также снабжаются привесками-лапками; шумящими привесками обзаводятся флаконовидные пронизки-голиники; наряду с костяными гребнями появляются бронзовые амулеты, имитирующие гребни; стальные кресала снабжаются бронзовыми рукоятями с зооморфными изображениями. Со второй половины XI в. количество женских шумящих украшений сокращается, они становятся более однообразными типологически, и, вероятно, их сакральность снижается.

У древних тюрков женский костюм статистически не выделяется, у кочевников огузо-печенежского периода уже вырисовывается типичный набор женского убранства: браслеты, перстни, ожерелья из бусин и серьги-подвески. У половцев домонгольского периода обязательными элементами женского костюма, кроме серег-подвесок и ожерелий, стано-

вятся металлические зеркала и головные уборы типа бокка. Магическая функция женского костюма у кочевников не настолько очевидна, как у жительниц лесного Прикамья, да и в целом у финно-угорских племен. Но, тем не менее, здесь также наблюдается небольшое количество украшений, выполняющих функцию амулета. Например, у представительниц огузской кочевой знати в комплекс поясных украшений входили птицевидные подвески. И вне всякого сомнения, подобные пояса выполняли охранительную функцию. Птицевидные подвески, в том виде, как они представлены в огузских комплексах, аналогий в степной Евразии не имеют, и на этом основании они могут рассматриваться как результат контактов кочевников с народами финно-угорской группы, у которых аналогичные украшения были широко распространены и выполняли функцию амулетов-оберегов. В женском костюме огузов представлены и копоушки, прямых аналогий которым в евразийских степях также не известно. В их оформлении явно прослеживается мотив «древа жизни», широко распространенный по всему миру, и олицетворяющий культ богини-матери, богини воды и плодородия, который придает копоушкам сакральный характер амулета-оберега, охраняющего женщину и ее детей. Да и сами копоушки по своему функциональному назначению предполагают наличие на них по-

добной сакральной символики.

Сравнивая ассортимент элементов костюмного декора средневекового населения лесного Прикамья и степного Урало-Поволжья, мы убеждаемся, прежде всего, в его явном сходстве. То есть основные категории убранства в принципе были одни и те же – серьги, ожерелья, перстни, браслеты, пояса. Хотя, безусловно, этнографические отличия также очевидны: шумящие наконечники – у оседлых прикамских племен; зеркала – у кочевников-степняков. Это, как говорится, различия, «лежащие на поверхности». Вместе с тем прослеживаются отличия и более глубинного характера. Они заключаются в отношении рассматриваемых групп населения к составляющим костюмного декора. У оседлого (финно-угорского) населения лесного Прикамья налицо явная сакрализация деталей костюма – наконечников, ожерелий, поясов. Последние особенно показательны в этом отношении. У тюркоязычных кочевников, напротив, пояс и серьга – маркер социального статуса их владельца. О каком-то элементе сакральности в их костюме могут свидетельствовать, пожалуй, только птицевидные подвески, копоушки, а также металлические зеркала, совершенно чуждые населению лесного Урало-Волжского региона. И вместе с тем, те же самые пояса (как и многие другие категории костюмного декора), распространенные как в кочевой, так и оседлой этнокультурных

средах Урало-Поволжья, обращают на себя внимание своим типологическим сходством, что объясняется, в какой-то мере, общими истоками основных форм декоративных предметов.

Однако относительно периода IX–XI вв. можно с уверенностью утверждать о наличии сформировавшегося этнического костюма. Это утверждение в полной мере относится к кочевникам. Огузский декоративный комплекс в степях Урало-Поволжья существовал уже в сложившемся виде и каких-либо заметных влияний извне не испытывал. Предметы костюмного декора из Хазарии и Волжской Булгарии в кочевнических комплексах имеют разрозненный и довольно эклектичный характер, что наводит на мысль о том, что указанные изделия поступали в степь не вследствие торгового обмена или работы на заказ, а как военные трофеи. Костюм жителей Пермского Предуралья, изобилующий всевозможными амулетами, имел в своем составе многочисленные предметы салтовского и болгарского импорта. Однако из салтовских изделий использовались только те, которые выполняли вспомогательную, второстепенную роль – перстни, разнообразные привески, поясные накладки и пр., что же касается основных украшений амулетов, то даже если они развивались на основе салтовских образцов, их окончательный облик формировался в местной культурной среде. Что касается изделий

булгарского ремесленного производства, в массе распространенных в Прикамье, то они, без сомнения, производились специально для удовлетворения спроса финно-угорского населения по сложившимся к тому времени образцам, причем как для проживающего на территории Пермского Предуралья, так и для местного булгарского, среди которого было немало выходцев с территории полумской, ломоватовской, неволинской культур. Поэтому резкая смена технологии изготовления и внешнего вида прикамских украшений, произошедшая во второй половине XI-XII вв., бесспорно, объясняется не просто сменой культурного влияния, а приходом нового населения, хоть и родственного, но с иными мифологическими представлениями, обуславливающими форму украшений-амулетов.

Литература:

- Golden P.B.*, 1967. The migrations of the Oguz// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. P.59-61.
- Ivanov V. - Garustovic G.*, 1994. The Results of the Statistical Analyses of Funeral Rites of the Nomads in the "Great Steppe Belt" in the 10th-11th Centuries and their Ethnic. Interpretation// *The Archaeology of the Steppes. Method and Strategies*. Napoli.
- Paloczi Horvath A.*, 1989. Pechenegs, Cumans, Iasians. Budapest.
- Paloczi Horvath A.*, 1989. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe peoples in medieval Hungary. Corvina.
- Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон*, 1991. Бурятский героический эпос/ Пер. и комм. М.И. Тулохонова. Новосибирск.
- Алтын-Арыг*, 1988. Хакасский героический эпос/ Пер. и комм. В.Е. Майногашевой. М.
- Алтын-Бизе*, 1965. Алтайское героическое сказание/ Пер. Г. Голубева. Барнаул: Алт.кн.издательство
- Альбаум Л.И.*, 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.
- Амброз А.К.*, 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА, №1 и 2.
- Амброз А.К.*, 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы// СА, № 2-3.
- Анучин Д.Н.*, 1890. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в Восточной стране». М.
- Анучин Д.Н.*, 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах// МАВГР. Т.III. М.
- Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.*, 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья// Тюркологический сборник. М.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. Алма-Ата
- Афанасьев Г.Е.*, 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан// РА, №4.
- Бауло А.В.*, 1999. Ритуальные колчаны обских утров// Гуманитарные науки в Сибири. № 3.
- Бауло А.В.*, 2001. Богатырь и невеста (серебряное блюдо с р.Сыня)// Археология, этнография и антропология Евразии. №2.
- Бауло А.В.*, 2002. Культовая атрибутика березовских хантов. Новосибирск.
- Белавин А.М.*, 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.
- Белавин А.М.*, 2001. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути// Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань: АНТ-РАН.
- Белавин А.М.*, 2003. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса)// Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. В.III. Пермь.
- Белавин А.М.*, 2004. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья// Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. Ижевск.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю.*, 1996. Средневековые погребения с территории Актюбинской области// Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып.1. Самара.

- Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара.
- Богачев А.В., 1996. К эволюции калачиковых серег IV-VII вв. в Волго-Камье// Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
- Боталов С.Г., 1998. Раннетюркские памятники Урало-Казахстанских степей// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Бубенок О.Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). Киев.
- Булгаков Р.М., 1984. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р.Урал// Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.
- Валиулина С.И., 1996. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Васильев Д.В., 1998. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени// Древности Волго-Донских степей. Вып.6. Волгоград.
- Гаврилина Л.М., 1993. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Гаврилина Л.М., 1985. Кочевнические украшения X в.// СА, №3.
- Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.
- Гавритухин И.О., 1996. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI-VII вв.// Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
- Гавритухин И.О., 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья. Уфа.
- Гемуев И.Н., 1985. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели// Урало-алтаистика. Новосибирск.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В., 2001. Небесный всадник. Новосибирск.
- Генинг В.Ф., 1967. Этногенез удмуртов по данным археологии// Вопросы финно-угорского языкознания. Вып.IV. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э.// ВАУ. Вып.10. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья)/ КСИА. №158.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье// ВАУ. Вып.12.
- Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Киев.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская

- культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья// Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья// СА, № 3.
- Голубева Л.А., 1974. Образ коня в прикладном искусстве финно-угров Поволжья и бассейна р.Оки в к. I - н. II тыс. н.э.// Вопросы советского финноугроведения. Петрозаводск.
- Голубева Л.А., 1978. Символы солнца в украшениях финно-угров// Древняя Русь и славяне. М.
- Голубева Л.А., 1987. Марийцы// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятками// СА. №3.
- Грач А.Д., 1958. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве/ / СЭ, №4.
- Грач А.Д., 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге// ТТКАЭЭ. Т.I. М.-Л.
- Грач А.Д., 1966. Исследования в Бай-Тайге// ТТКАЭЭ. Т.II. М.-Л.
- Грач А.Д., 1968. Древнетюркские курганы на юге Тувы// КСИА. Вып.114. М.
- Грибова Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. М.
- Грибовская О.Г., 1995. Коньковые подвески-гребешки в Южном Зауралье// Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань.
- Гумилев Л.Н., 1993. Древние тюрки. М.
- Данилов О.В., 1994. А.П.Смирнов и вопросы марийского язычества (к культу великой матери рождения)// Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем// Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
- Добролюбский А.О., Субботин Л.В., 1982. Погребение средневекового кочевника у села Траповка// Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Дорофеев В.В., 1981. Отчет 1981 г.// Архив ИА АН УССР. Рукопись.
- Древние культуры Бертекской долины, 1994. Новосибирск.
- Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии — МИА, вып.24. М.
- Ефимов К.Ю., 1997. Два богатых захоронения поздних кочевников в курганном могильнике «Олень-Колодезь»// Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д.Рау. Саратов.
- Засецкая И.П., 1968. О хронологии погребений «эпохи великого переселения народов» Нижнего Поволжья// СА, №2.
- Зеленин Д.К., 1931. Магическая функция примитивных орудий// Известия АН СССР, № 6. Л.
- Иванов А.Г., 1997. Об одном типе по-

- ясов VIII-XI вв. из северного Прикамья// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск.
- Иванов А.Г., 2001. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Иванов В.А., 1984. О западных пределах расселения древних тюрков// Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов. Омск.
- Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа.
- Иванов В.А., 2000. Заволжская Печенегия// История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа
- Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М.
- Иерусалимская А.А., 1992. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.
- Ильина И.В., 1983. Обычаи и обряды, связанные с рождением и охраной ребенка у коми// Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар.
- Итс Р.Ф., 1958. О надписи на китайском зеркале из Тувы // СЭ, №4.
- Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
- Казаков Е.П., 1997. Волжская Болгария и финно-угорский мир// Finno-Ugrica. №1.
- Казаков Е.П., 2000. Измери - главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X-XI вв.)// Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
- Казаков Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX-XI вв.// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Казаков Е.П., 2002. Художественный металл угуров урало-поволжья в древностях волжских болгар IX-XIV вв.// Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Клейн Л.С., 1970. Отчет 1970//Архив ИА АН СССР. Рукопись
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А., 1988. Накосные украшения у сибирских народов// Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.
- Ковалевская В.Б., 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы// Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки// САИ. Вып.Е1-2. М.
- Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.
- Ковалевская В.Б., 1995. Хронология древностей северокавказских алан// Аланы: история и культура. Вып. III. Владикавказ.
- Ковалевская В.Б., 2001. Волжский путь VI-IX вв. по материалам компьютерных карт распространения поясов «геральдического типа» и бус// Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.1.

- Самара.
- Когутэй, 1939. Алтайский эпос/ Под ред. В.Зарубина. М.-Л.
- Комар А.В., 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Конаков Н.Д. Вэн// Мифология коми. www.komi.com.
- Корзухина Г.Ф., 1977. Об Одине и креслах Прикамья// Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Косменко А.П., 1984. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.
- Котов В.Г., 2001. К семантике трехбусинных височных колец Волжской Булгарии// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Кригер В.А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Крыласова Н.Б., 2001. История Прикамского костюма. Пермь.
- Крыласова Н.Б., 2001. Средневековый костюм Верхнего Прикамья как индикатор этнокультурных связей по Камскому торговому пути// Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, АНТ-РАН.
- Крыласова Н.Б., 2002. Взаимодействие леса и степи в Предуралье (по материалам прикамского костюма)// Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск.
- Крыласова Н.Б., 2002. Характерные черты средневекового угорского костюма и сохранение их в этнографическое время// Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск.
- Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1997. Каменные изваяния Алтая. Новосибирск — Горно-Алтайск.
- Кузеев Р.Г., Иванов В.А., 1987. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья// Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
- Кулаков В.Н., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв.// Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. В.2. СПб.
- Кулемзин В.М., 1984. Природа и человек в представлениях хантов. Томск.
- Курманкулов Ж., 1980. Погребение воина раннетюркского времени// Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Ларенок В.А., 1992. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х.Семенкина// Донские древности. Вып.1. Азов.
- Латынин Б.А., 1933. Мировое древо, древо жизни в орнаменте и вольклоре Восточной Европы// Изв. ГАИМК, вып.69.
- Левашова В.П., 1952. Два могильника кыргыз-хакасов// МИА, 24. М.
- Липец Р.С., 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
- Литвинский Б.А., 1972. Могильники Западной Ферганы. Т.П. М.
- Литвинский Б.А., 1981. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана// Каваказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.

- Маадай-Кара, 1973. Алтайский героический эпос. М.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- Макаренко Н.Е., 1911. Археологические исследования 1907-1909 гг.// ИАК. Вып.43. СПб.
- Макаров Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси// Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела// СА, №2.
- Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей// Города Поволжья в средние века. М.
- Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Дневник археологических раскопок П.П.Иванова, 1952 Моршанск
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. М.-Л.
- Материальная культура средне-восточной мордвы VIII-XI вв., 1969. Саранск.
- Миллер А.А., 1933. Элементы «неба» на вещественных памятниках// ИГА-ИМК. В.100. М.-Л.
- Мифология манси, 2001. Новосибирск.
- Мифы народов мира, 1982. Т.1, 2. М.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990. М.
- Младшая Эдда, 1970. М.
- Могильников В.А., 1963. Население южной части лесной полосы З.Сибири в к. I – н. II тыс. н.э. (кандидатская диссертация). М.
- Могильников В.А., 1981. Тюрки// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А., 1985. Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожпайского типа// Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988. Бараба в тюркское время. Новосибирск.
- Морозов В.Ю., 1996. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Мошинская В.И., 1975. Археологические памятники севера Западной Сибири// САИ. Вып.ДЗ-8.
- Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мыськов Е.П., 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// Древности Волго-Донских степей. Вып.3. Волгоград.
- Мэн-да бей лу, 1975. Полное описание монголо-татар. М.
- Напольских В.В., 1990. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли// Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
- Недашковский Л., Ракушин А., 1998. Бронзовые зеркала второй половины X - XIV в. из музеев Саратовской области// Татарская археология. №2(3). Казань.
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И., 1998. Средневековые металлические зеркала с Увецкого городища// Татарская археология, №1(2). Казань.
- Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья //ВАУ. В.9. Свердловск.
- Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Орбели И.А., Тревер К.В., 1935. Сасанидский металл. М.-Л.

- Отрощенко В.В., 1983. Раскопки курганов в Запорожской области// АО, 1981. М.
- Павлова А.Н., 1996. Семантика финно-угорских украшений// XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа.
- Павлова А.Н., 2002. Семантические параллели в костюме волжских финнов и угров Сибири// Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. Каталог выставки. Л.
- Перевалова Е.В., 1992. Эротика в культуре хантов// Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург.
- Плетнева С.А., 1996.. Саркел и «шелковый путь». Воронеж.
- Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ, вып.Е1-19. М.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2.М.
- Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела - Белой Вежи). М.
- Плетнева С.А., 1991. Кочевники и Русь// Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып.2. М.
- Подосенова Ю.А., 2003. Височные украшения средневекового населения Верхнего Прикамья. Рукопись. Архив МАЭ ПГПУ. Пермь.
- Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. Гл. II. М.
- Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Полякова Г.Ф., 1977. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии// Древности Волго-Камья. Казань.
- Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов// Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Привалова О.Я., 1983. Исследования в Донецкой области// АО, 1981. М.
- Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры, 1995. М.
- Прыткова Н.Ф., 1970. Одежда народов самодийской группы как исторический источник// Одежда народов Сибири. Л.
- Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Руденко К.А., 2001. Поясной набор с IV Алексеевского селища в Татарстане (к вопросу об эволюции булгарской поясной гарнитуры VIII-XII вв.: проблема преемственности)// Культуры евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Руденко С.И., 1914. Предметы из остояцкого могильника возле Обдорска/ / Материалы по этнографии России. Т.II. СПб.
- Рябинин Е.А., 1979. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным// Финно-угры и славяне. Л.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.
- Савельева Э.А., Королев К.С., 1990. По следам легендарной чуди. Сыктывкар.
- Савинов Д.Г., 1982. Древнетюркские курганы Узунтала// Археология Северной Азии. Новосибирск.
- Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Сагалаев А.М., 1990. Птица, дающая жизнь// Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
- Сегал Д.М., 1972. Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады// Ранние формы искусства. М.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в

- VI-XIII вв. Археология СССР. М.
- Семенов В.А., 1982. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии// Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Семенов В.А., 1989. Этнокультурные компоненты полумской культуры// Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Сидоров А.С., 1928. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Сташенков Д.А., 1997. Об одной группе раннесредневековых украшений самаро-сибирского Поволжья (серьги салтовского типа)// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара
- Сташенков Д.А., 1998. Евразийская мода в эпоху средневековья// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, 1981. М.
- Супинский А.К., 1932. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде //СЭ, № 2.
- Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. М.
- Угорское наследие, 1994. Екатеринбург
- Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески// Очерки по истории русской деревни. М.
- Успенский Б.А., 1982. Фразеологические разыскания в области славянских древностей. М.
- Федорова Е.Г., 1978. Одежда манси XIX – XX вв.// Этнокультурные явления в З.Сибири. Томск
- Федорова Е.Г., 1988. Ребенок в традиционной мансийской семье// Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.
- Федорова Н.В., 2003. «Рогатый медведь»// Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1969. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области// Древности Восточной Европы. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды// Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. Йошкар-Ола.
- Флеров В.С., 1990. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате// Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.
- Фодор И., 1996. Венгры - обретатели Родины. Будапешт .
- Хабарова Н.В., 1998. Два поясных набора из Заволжья// Древности Волго-Донских степей. Вып.6. Волгоград.
- Худяков М.Г., 1933. Культ коня в Прикамье// ИГАИМК В.100. М.-Л.
- Худяков Ю.С., Мякинников В.В., 1991. Колчаны древних тюрок Среднего Енисея// Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Хаславская Л.М., 1990. Иранские мотивы в средневековой тюретике Южной Сибири// Семантика древних образов. Новосибирск.
- Черемисин Д.В., 1990. К ирано-тюркским параллелям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица//

Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. Свердловск.

Чернецов В.Н., 1953. Бронза усть-полуйского времени. МИА. №35. М.-Л.

Чернецов В.Н., 1959. Представления о душе у обских угров// Нов. серия ТИЭ. М.

Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала. Архив ИА РАН (рукопись).

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981. Позднекочевнические погребения Приорелья// Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. №60. М.

Шитов В.Н., 1990. Шокшинский могильник: два погребения с монетами/ / Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

Шмидт А.В., 1926. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля/ / СМАЭ. Т.6. Л.

Яворская Л.В., 1977. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклея/ / Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ РАН – Башкирский научный центр Российской Академии наук
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК – Известия государственной Академии истории материальной культуры
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
МАЭ – музей археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПФ ИИиА УрО РАН – Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СМАЭ – Сборник Музея археологии и этнографии
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды института этнографии
ТТКАЭЭ – Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

Оглавление

<i>Введение.....</i>	<i>4</i>
<i>Глава 1. Категории декоративно-прикладного искусства средневекового населения Прикамья и Приуралья.....</i>	<i>5</i>
<i>ГЛАВА 2. Мировоззренческие основы формирования элементов декора костюма средневековых жителей Прикамья и Предуралья</i>	<i>56</i>
<i>Глава 3. Убранство костюма как индикатор культурных связей средневекового населения Прикамья и Урало-Поволжья</i>	<i>115</i>
<i>Заключение</i>	<i>147</i>
<i>Литература:</i>	<i>152</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>160</i>

Resume

The book is devoted to the research of ideological backgrounds, interethnic relations, commercial contacts, fashion influences, stable ethnic-cultural stereotypes reflected in the Middle ages costume complexes of two neighbouring, but quite different worlds – the nomads of steppe region and the settled population of forest region of Preduralye (European Ural). Apart from traditional archaeological research methods, statistical analysis was also used.

Statistical analysis has shown that the range of items of costume decoration among the Middle Ages nomads and population of forest Preduralye is unified. Cultural and chronological differences are manifested in the weight of certain items in the general complex of material culture of the studied groups.

Comparing the tendency of using assembled belts among nomads and settled population of Perm Preduralye, it is evident that these elements of costume were most fashionable among both groups in VII-X centuries. Later these belts can be rarely found among the nomads, but the inhabitants of Perm Preduralye had been wearing them until XIV century. In male sepulchral complexes of both nomads and people of forest Preduralye belt garniture is stably combined with weapons, but the settled populations in the course of time started adding instruments of labour. In the Old Turkic male warrior costume decoration apart from quiver with arrows there was a belt with metal plates and an earring. This corresponds to the iconography of Old Turkic stone sculptured figures. In its attributes male costume of nomads of Oguzo-Pecheneg period seems to carry on the traditions of Old Turkic costume. The difference though is that full belt assemblage is quite rare among Oguz and Pecheneg people. Male Polovets costume of the Pre-Mongol period does not manifest an apparent set of characteristics. Among the population of forest Prikamye the characteristic features of male belt are belt appendages and a knife, and in the Lomovatovskiy period fire steel is usually added.

There is no doubt that the people of Perm

Preduralye have adopted the tradition of assembled belts from the nomads. But the symbolic function of the belt gets a different interpretation. According to the beliefs of the Middle Ages nomads of Eurasian steppe, a belt was an indispensable attribute of warrior costume, the symbol of military valour and the sign of belonging to a certain social organization. In Perm Preduralye belts acquired social meaning in Kharinsk period only and among newly arrived population. On “Agafonovskiy” belts the order of quasi-buckles could be compared with belts of the First Turkic Kaganat. But it is impossible to find out if the number of quasi-buckles had a symbolic social meaning or it was just due to copying of prototypes. In general, male and female belts had important sacral meaning, which remained for a long time and can even be discovered in ethnographic materials.

Belts (and many other categories of costume decoration) widely spread among nomadic and settled ethnic-cultural areas of Uralo-Povolzhye region can be characterized by their typological similarity.

Among the settled Finno-Ugric population of forest Prikamye different costume elements (belts, necklaces and plait covers) acquire sacral meaning. Belts are especially important in this respect. Among Turkic-speaking nomads, on the contrary, a belt and an earring are markers of social status. Some sacral meaning could be attributed to the metal mirrors, which are absolutely alien to the costumes of forest population of Uralo-Volzhskiy region.

This edition is intended for researchers: archaeologists, ethnographers and historians.

Научное издание

**Иванов Владимир Александрович,
Крыласова Наталья Борисовна**

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕСА И СТЕПИ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
в эпоху средневековья (по материалам костюма)**

Научный редактор
Белавин Андрей Михайлович

Компьютерная верстка, оригинал-макет и оформление обложки выполнены
А.М. Белавиным
Корректоры Е.В. Абрамова, Е.Е. Покровская

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.01.

*Заказы можно направлять по адресу: 614600, Пермь, ГСП-372, ул. Пушкина, 44,
Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН*

Подписано в печать 22.05.2006г. Формат 60х90/8
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 500 экз.
Заказ 524/2006.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24 корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 238-63-12

Отпечатано в отделе
Электронных издательских систем ОЦНИТ
Пермского государственного технического университета
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, оф. 113, тел. 219-80-33

Крыласова Наталья Борисовна,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Пермского филиала
Института истории и археологии
УрО РАН, директор МАЭ ПГПУ,
автор более 100 работ по археологии
и истории материальной культуры
Пермского Предуралья

Иванов Владимир Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой Башкирского
государственного педагогического
университета, автор более 200 работ
по археологии и истории Южного Урала
и степной полосы Волго-Камья.

